

1109 V
TARTU RIIKLIKU ÕLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1963. a.

VIHİK 111 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

V

ПОСВЯЩЕННЫЕ XXII СЪЕЗДУ КПСС

ТАРТУ 1961

A-1164 v

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893. a. VIINIK 111. ВЫПУСК   ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

V

посвященные XXII съезду КПСС

ТАРТУ 1961

Редакционная коллегия:

Р. Блюм, И. Волков, И. Калитс, А. Кёёрна, Т. Лойт, Л. Сто-
лович (редактор) и В. Тюрк.

P₁

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
40752

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ V, ПОСВЯЩЕННЫЕ XXII СЪЕЗДУ КПСС

Тартуский государственный университет

Тарту, ул. Юликооли, 18

Редактор Л. Столович

Технический редактор Л. Выханду

Корректор Л. Брафманн

Ladumisele antud 10. VIII 1961. Trükkimisele antud 5. XI 1961. Paber 60×90, 1/16. Trükipoognaid
7,25. Trükiarv 500. MB 08037. Tellimuse nr. 7163. Hans Heidemanni nim. trükikoda, Tartu,
Ülikooli 17/19 I

Hind 44 kop.

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ОБЪЕКТИВНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МЫШЛЕНИЯ

Я. К. Ребане

В настоящей работе рассматриваются некоторые проблемы, возникающие в ходе развития современной формальной («математической», «символической») логики и имеющие, как нам кажется, значение для диалектико-материалистической теории познания, в частности для материалистической диалектической логики.

Возникшие из потребностей развития «чистой» математики методы формально-логического исследования дедуктивных систем и построенные на основе этих методов логические теории вышли уже давно из рамок породившей их математики и приобрели очень большое общелогическое и практическое значение.

Критерием истины любой научной теории является практика, практическая проверка (непосредственная или опосредованная) данной теории. Что касается тех конкретных логических связей, которые раскрывает математическая логика, то их истинность блестяще подтверждается в определенных пределах именно практикой, их практической применимостью в самых различных областях науки и техники. Советские математики П. С. Новиков, А. А. Марков, С. А. Яновская пишут: «Автоматика и лингвистика, электроника и генетика — вот те на первый взгляд неожиданные области, куда протянулись нити приложения результатов математической логики и, что особенно важно, её идей и методов».¹

Что касается общелогического значения математической логики, то препятствием к его правильному пониманию являются не только философские спекуляции современных позитивистов на достижениях математической логики, естественно вызвавшие у некоторых логиков-марксистов неправильную реакцию в отношении самой математической логики, но и те затруднения, которые встречаются при «увязывании» новой, математической логики с традиционной в системе единой формально-

¹ «Вопросы философии», 1960, № 12, стр. 159.

логической теории.² При этом оказывается, что в свете современного развития формальной логики её предыдущий этап («традиционная логика») представляет собою довольно-таки разнородное явление: отдельные формализованные фрагменты сочетаются с методологическими, эвристическими указаниями, элементами психологического анализа (напр., учение о логических ошибках), общефилософско-гносеологическими соображениями. Если говорить о математической логике как о новом этапе в развитии формальной логики (формальной в отличие от логики диалектической), то нельзя не согласиться со мнением тех авторов-марксистов,³ которые общелогическое значение математической логики связывают именно с дальнейшим развитием традиционной формально-логической (или аристотелевской⁴) теории дедукции.

В современной буржуазной логической литературе указанное соотношение «старой» (традиционной) и «новой» (математической) логики выражается как в проведении резкой грани между логикой и психологией, в борьбе против «психологизма» в логике, так и в отделении индукции от дедукции, ограничении задач собственно формальной логики только исследованием проблем дедукции (а также семантики). С другой стороны, наблюдается все большее проникновение математико-логических

² Настоящая статья была сдана в редакцию, когда мы имели возможность ознакомиться с книгой И. Я. Чупахина «Вопросы теории понятия» (Изд. Ленинградского Университета, 1961). Автор посвящает здесь специальную главу «Теория понятия и математическая логика» рассмотрению соотношения традиционной и математической логики. Раскрывая некоторые черты этого соотношения, автор приходит к совершенно справедливому заключению, что математическая логика не исследует форм мышления в традиционно-логическом понимании (стр. 126). Это означает, по существу, что и предмет исследования, и методы исследования у традиционной и математической логики различны. По своему предмету исследования традиционная логика несравненно шире, чем логика математическая. Уже поэтому математическая логика не может заменить собою логику традиционную. Но вместе с тем мы не можем согласиться с теми выводами, к которым приходит И. Я. Чупахин на этом основании и которые сводятся, по существу, к отрицанию общелогического значения математической логики, напр.: «Математическая логика не может рассматриваться в качестве науки, уточнившей или развившей вопрос об известных трех логических законах, как это иногда утверждают отдельные авторы, и по своей сути математическая логика не может брать на себя эту задачу формальной логики» (стр. 139). На наш взгляд, в рамках самой формальной логики математическая логика именно уточняет этот вопрос, как многие другие, (конечно, не записыванием логических законов формулами, а созданием на их основе систем логического исчисления). Что же касается общего философского анализа формально-логических законов, их отношения к действительности, их роли в развивающемся диалектическом мышлении, то это задача марксистской философии, ее теории познания, логики диалектической.

³ См., например, А. Л. Субботин, «Математическая логика — ступень в развитии формальной логики» (Вопросы философии, 1960, № 9, стр. 93—99).

⁴ Я. Лукасевич указывает на основе конкретного материала на отличие аристотелевской силлогистики от «традиционной». (См. его «Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики», М., 1959). Но в рассматриваемом отношении это отличие не играет существенной роли.

методов исследования в психологию⁵ и применение тех же методов к разработке проблем индукции. В то же время указанные тенденции обросли в капиталистическом мире всевозможными идеалистическими философскими спекуляциями.⁶

Что касается марксистской логической литературы, то Г. Клаус характеризует формальную логику так: «Формальная логика есть теория логических постоянных и предикатов с любым числом мест и любой ступени, включающая также связанную с ними философскую проблематику».⁷ Отсюда следует два важных вывода: 1) редуktивные («индуктивные») методы относятся к формальной логике не полностью, 2) формальная логика отделилась от философии и превратилась в конкретную науку.⁸ В связи с этим, естественно, встает и проблема о месте и задачах диалектической логики. Диалектическая логика, по мнению Г. Клауса, является теорией «интенциональных определений мысли и интенциональных отношений».⁹

⁵ Проникновение математико-логических методов в психологию происходит как бы с двух сторон: с одной стороны, эти методы используются в психологии как средство для исследования психических явлений, с другой стороны, психология пытается раскрывать их психологическую основу, найти математико-логическим теориям психологическое обоснование. Второй аспект непосредственно смыкается с общепсихологической проблематикой. Наглядной иллюстрацией к этому может служить статья американского психолога С. С. Стивенса «Математика, измерение и психофизика» (Сборник «Экспериментальная психология», М., 1960), где психологическое объяснение принципов позиционного счисления осуществляется на основе таких философски неверных теорий, как конвенционализм А. Пуанкаре и выводимость математики из логики (Б. Рассель).

⁶ Такими спекуляциями проникнута также и вся учебная литература по логике. Примером тривиальности (и философской неверности) обоснования такого деления может служить один из новейших учебников по логике для американских колледжей (Edith Watson Schipper and Edward Schuh, «A First Course in Modern Logic», New York, 1959). В нем пишется: «Психология описывает, как люди думают, логика же устанавливает, как люди должны думать» (стр. 5). В этой связи у авторов встает даже проблема соотношения... логики и риторики! Различие индукции и дедукции характеризуется здесь так: «Действительное различие между ними... состоит в том, что индукция есть вероятностное (probable) заключение, основанное на чувственном наблюдении фактических явлений, дедукция же есть необходимое заключение, основанное на значении использованного языка» («based upon the meaning the language involved») (стр. 5. Последний курсив мой. Я. Р.).

⁷ Г. Клаус, «Введение в формальную логику», М., 1960, стр. 402. Это — единственная марксистская книга, изданная на русском языке, где подробнее освещается общелогическое значение математической логики. Естественно, что выдвинутые в ней положения заслуживают серьезного рассмотрения.

⁸ Там же, стр. 403, 404. В свете последнего утверждения не совсем понятна вторая половина предыдущего («включающая также связанную с ними философскую проблематику»). Она кажется просто излишней, так как все науки «включают» эту проблематику. Если же это «включение» имеет принципиально иной характер, чем в других науках, то в таком случае вряд ли верно, что формальная логика отделилась от философии.

⁹ Там же, стр. 142.

Это последнее утверждение критиковалось в советской философской литературе как обоснованно, так и по недоразумению. В последнем случае¹⁰ критика базировалась просто на неправильном понимании слов «интенциональные отношения», в отождествлении их с понятием «содержание мышления», хотя Г. Клаус имеет в виду нечто другое. Более обоснованными следует считать возражения, выдвинутые Н. И. Стяжкиным в его примечаниях к книге Г. Клауса.¹¹ Тем не менее кажется, что изучение «интенциональных отношений» (с учетом металогических функций диалектической логики) действительно составляет один из аспектов диалектической логики,¹² но не исчерпывает всего предмета диалектической логики.¹³

Прежде всего нас интересует утверждение Г. Клауса о том, что формальную логику (с учетом вышеприведенного определения) не следует больше включать в число философских дисциплин. Это утверждение может вызвать различные возражения со стороны тех, которые продолжают понимать под термином «формальная логика» только старую, традиционную логику. В этой связи хочется отметить, что в конечном счете «место» отдельной конкретной науки в общей системе научных знаний определяется не мнением или соглашением ученых, а тем, какую сторону, частичку универсальной взаимосвязи всего существующего она исследует и отражает.

В течение веков логику (традиционную формальную логику, как мы её теперь называем) включали в число философских наук. Если же теперь формальная (математическая) логика действительно перестала в определенном отношении быть философской наукой, то следует выяснить, на какой объективной основе совершается в наше время в области изучения человеческого мышления тот процесс дифференциации, «отпочковывания» наук, который в других сферах научной деятельности идет уже давно. С другой стороны, выяснение этой объективной основы позволяет — на достигнутом в данный момент уровне развития науки — увидеть и пути нового, более высокого синтеза знаний, добытых средствами расчленения и дифференциации.

*

Логика вообще, исследуя определенные закономерности человеческого мышления, издавна различает содержание и форму

¹⁰ См. М. Н. Алексеев, Диалектическая логика, М., 1960, стр. 9.

¹¹ См. Г. Клаус, Введение в формальную логику, М., 1960, стр. 494—496.

¹² В известном смысле этот аспект совпадает с тем, что имеет в виду сам М. Н. Алексеев, говоря об объективной диалектике мышления (См. его «Диалектическая логика», стр. 18—25).

¹³ Неправомерность такого суживания предмета диалектической логики подчеркивается М. М. Розенталем в «Принципах диалектической логики», М., 1960, стр. 78.

мышления. Не определяя здесь понятия «содержание» и «логическая форма» мышления, т. е. принимая их как понятия, в той или иной мере известные, укажем, что в отношении содержания и формы мышления диалектико-материалистический принцип отражения позволяет в мышлении выделить два различных типа отражения. Объективная реальность отражается, во-первых, в содержании мышления. Во-вторых, она отражается и в логических формах, в логической структуре мышления.

Изучением логической структуры мышления (в определенных пределах) занимается формальная логика. Естественно, что материалистическая диалектическая логика, раскрывая движение и развитие мышления, должна пользоваться данными формальной логики. При этом эти данные служат для диалектической логики только одной из предпосылок, своеобразным «сырым материалом», требующим дальнейшей обработки.

Подобно всякой науке, формальная логика не представляет собою некой совокупности застывших истин, как полагал, например, И. Кант. Такое мнение основоположниками марксизма-ленинизма никогда не разделялось. Хотя вопросы формальной логики рассматривались ими, главным образом, в связи с разработкой материалистической диалектической логики, но они стояли неизменно на точке зрения развития логики как науки в целом.

Естественно, что при изучении специфики отражения объективной реальности в структуре мышления они использовали и те данные, которыми располагала современная им формальная логика. Наиболее разработанными разделами формальной логики того времени были учение о субъектно-предикатном типе суждения (с объемными отношениями составных понятий) и вытекающее отсюда учение о дедуктивном выводе, прежде всего силлогистика. Поэтому мы и находим у Маркса, Энгельса, Ленина при анализе ими конкретных формально-логических «форм мышления» указания на отражение таких отношений объективной действительности, как единичное-особенное-всеобщее (Маркс, Энгельс) или отдельное-всеобщее (Ленин). В связи с этим ими была разработана проблема отражения диалектического противоречия в логической форме любого субъектно-предикатного суждения. Правда, это были отдельные высказывания, так как главное внимание основоположники марксизма-ленинизма обращали на исследование познающего, развивающегося, диалектического мышления. Тем не менее и эти высказывания имеют большое методологическое значение.

Даже в этом очень узком разрезе обнаруживается совершенно новый подход ко всем логическим проблемам. Он отличается коренным образом как от созерцательно-эмпирического, так и от феноменологического решения вопроса о соотношении содержания и формы мышления.

Сущность первого подхода, который мы здесь называем со-

зерцательно-эмпирическим, состоит в следующем. Содержание мышления получается путем обобщения чувственных данных. Само обобщение состоит только в опускании признаков, каждая следующая ступень абстракции беднее по содержанию и шире по объему. Форма, структура мышления — это пустая оболочка, которая заполняется указанным содержанием.

При решении основного вопроса философии эта точка зрения может привести к тем или иным субъективно-идеалистическим извращениям. Если оставить в стороне неправильную трактовку чувственного познания, которой данная точка зрения очень часто сопровождается, то на уровне логического познания субъективно-идеалистические выводы получаются путем объявления логических форм априорными и экстраполяции этих априорных форм в той или иной мере на объективную действительность. В изоморфизме¹⁴ двух структур — структуры мышления и объективной действительности — первичной оказывается структура мышления. (В этом отношении, с точки зрения основной философско-методологической ошибки, априоризм Канта, логический атомизм Витгенштейна, «семантический анализ» и другие позитивистские течения тождественны). Следует отметить, что эта тенденция существует и господствует в буржуазной философии и сейчас. Она не претерпела существенных качественных изменений; в зависимости от развития самой формальной логики изменились лишь те конкретные логические проблемы, которыми это направление оперирует.

Вторая, «феноменологическая» тенденция в изучении проблемы «содержание — форма мышления» в истории домарксистской философии связана с учением Гегеля. Гегель был наиболее крупным представителем этой тенденции в истории философии. После него может идти речь не более, чем об эпигонах. Все рациональное, содержащееся в учении Гегеля, получило дальнейшее развитие в философии марксизма. Гегель рассматривал логические формы как содержательные, подвижные, развивающиеся формы и разработал учение о логических категориях, через движение которых осуществляется развитие абсолютной идеи, мирового духа. Он тоже осуществил экстраполяцию своих построений. Но эта экстраполяция происходит у него на другой основе: на основе объективно-идеалистического тождества субъекта и объекта (что роднит Гегеля с Шеллингом). Конкретные формально-логические формы мышления выступают у него только как ступень в развитии мирового духа. Критикуя этот раздел «Логики» Гегеля за идеализм,¹⁵ Ленин материалистически и перефразирует его утверждение о том, что «все вещи суть заключения»: «Самые обычные логические «фигуры» — (все сие в § о «первой фигуре заключения») суть школь-

¹⁴ Термин «изоморфизм» употребляется здесь не в строго математическом, а в расширенном смысле.

¹⁵ См. В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 167, 168.

но размазанные, *sit venia verbo* (да будет позволено сказать так), самые обычные отношения вещей».¹⁶

Марксистское решение проблемы соотношения содержания и формы мышления качественно отличается и от созерцательно-эмпирического, и от гегелевского решения. Оно не равняется также их механическому соединению.

По вопросу соотношения формы и содержания мышления у нас имеется много работ, он подробно обсуждался в ходе дискуссии по логике на страницах журнала «Вопросы философии», в той или иной мере он рассматривается и раскрывается во всех работах, посвященных проблемам диалектической логики.¹⁷ Несмотря на многие разногласия по поводу определения предмета и задач диалектической логики,¹⁸ все философы-марксисты согласны в том, что логические формы не представляют собою пустую и мертвую оболочку, что в них отражается сама объективная реальность, и в том, что формальная логика раскрывает только одну сторону этого отражения. При этом они согласны и в том, что специфическим методом исследования формальной логики является рассмотрение форм мысли в отрыве от содержания, что такой метод необходим и закономерен на известной ступени исследования, но недостаточен ни для раскрытия реального процесса мышления в целом (единство логических форм и содержания мысли), ни для раскрытия реальных логических связей (логической формы) исторически развивающегося мышления (диалектика логических форм).

Огромное значение в исследовании структуры мышления имеет использование символической записи. Символизация представляет собою закономерное продолжение и развитие словесной формализации. В математике решительный переход к символизации осуществился значительно раньше и послужил мощным толчком для всего дальнейшего развития математики, которая без символической записи в современном своем виде вообще невозможна.

Значение символизации для логики сводится не только к «сокращению имен», к «стенографии». Дело в том, что рациональная символизация вообще есть в то же время известное упорядочивание изучаемых явлений, выделение их общих свойств и различий, сгруппирование их по определенным существенным признакам, отношениям. Именно поэтому введение символики позволяет адекватнее выражать структуру изучаемых явлений, открывает новые связи и отношения, которые при словесных фор-

¹⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 168.

¹⁷ См., напр., М. М. Розенталь, Принципы диалектической логики, М., 1960.

¹⁸ См. Философская энциклопедия, т. I, статья «Диалектический материализм», раздел «Диалектика как логика и теория познания», а также сборник «Проблемы диалектической логики»; изд. Московского университета, 1959, стр. 27—72.

мализмах остаются в тени.¹⁹ В формальной логике это выражалось, между прочим, в различении логических постоянных и переменных. О крупном значении аналогичного явления для математики с достаточной ясностью говорил уже Маркс и Энгельс.²⁰

*

Открываемые математической логикой на базе изучения структуры мышления закономерности (связи, отношения) имеют силу и подтверждаются практикой в самых различных сферах материальной действительности. Открытие этого изоморфизма — одно из наиболее блестящих достижений современной науки, доказывающее правоту диалектико-материалистической теории познания. Именно это подчеркивалось основоположниками марксизма.²¹ Конечно, открытие и использование этих закономерностей не является заслугой одной только математической логики, оно достигнуто усилиями многих наук. Но своими корнями оно

---

¹⁹ Значение символической записи можно иллюстрировать на простом примере — на примере арифметики. Попробуйте умножить два числа, скажем, 2091×981 , не используя позиционного счисления, то есть современной арифметической символики. Операция умножения над ними без использования вообще никакого упорядочивающего (в современном понимании — позиционного) счисления совершенно невозможна (как исходные данные, так и результат не могут быть осмыслены, все сводится только к понятию «много»).

²⁰ «Повторным пунктом в математике была декартова переменная величина. Благодаря этому в математику вошла жизнь и диалектика, и благодаря этому же стало немедленно необходимым дифференциальное и интегральное исчисление, которое тотчас и возникает и которое было в общем и целом завершено, а не изобретено Ньютоном и Лейбницем». (Ф. Энгельс, «Диалектика природы», 1955, стр. 206).

²¹ Это имел в виду и Ф. Энгельс, когда он писал: «Над всем нашим теоретическим мышлением господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собою. Факт этот является бесспорной и безусловной предпосылкой нашего теоретического мышления. Материализм XVIII века вследствие своего по существу метафизического характера исследовал эту предпосылку только со стороны ее содержания. Он ограничился доказательством того, что содержание всякого мышления и знания должно происходить из чувственного опыта, и восстановил положение: *nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu* [в интеллекте нет ничего такого, что не содержалось бы раньше в чувстве]. Только новейшая идеалистическая, но вместе с тем и диалектическая философия — и в особенности Гегель — исследовали эту предпосылку также и со стороны формы. Несмотря на бесчисленные произвольные построения и фантастические выдумки, которые здесь выступают перед нами; несмотря на идеалистическую, на голову поставленную форму ее результата — единства мышления и бытия, — нельзя отрицать того, что эта философия доказала на множестве примеров, взятых из самых разнообразных областей, аналогию между процессами мышления и процессами природы и истории — и обратно — и господство одинаковых законов для всех этих процессов.» (Диалектика природы, 1955, стр. 213).

уходит именно в исследование логической структуры мышления. Изучение всеобщей связи в наше время распространилось на новую область: если во времена Энгельса этот синтез осуществлялся, главным образом, на основе содержания научных теорий (он и сейчас продолжает так осуществляться), то к этому теперь прибавилось исследование общих логических форм (логической структуры) самых различных научных построений.²² Эта задача выполняется методами и конкретными науками. Мы являемся свидетелями возникновения и быстрого развития таких метатеорий в науках, где широко применяется дедуктивный метод вывода (метаматематика; метафизика — опять в новом значении этого слова!). В самой формальной логике этот процесс выражается в различении языка и метаязыка, логики и мета-логики.

Философски важным является здесь то обстоятельство, что современная наука может через обобщение логической структуры конкретных теорий выявить очень многие общие отношения объективной реальности. Нет необходимости еще раз подчеркивать, какой простор открывается здесь для философских спекуляций и что это замечательное явление может быть правильно объяснено только с позиций диалектического материализма.

История знает много примеров, когда какая-нибудь быстро развивающаяся наука начинала претендовать на то, чтобы объяснять абсолютно всё своими средствами. В отношении механики это с достаточной ясностью показал в свое время Энгельс. Нечто подобное наблюдается сейчас у некоторых представителей кибернетики. Что касается современной формальной логики, то и здесь имелись и имеются аналогичные претензии. Формальная логика и физика элементарных частиц — вот те науки, которые, по мнению современного позитивизма, должны дать цемент и кирпич для построения картины мира в целом.

Метафизичность и идеалистичность этих стремлений многократно уже критиковались в марксистской литературе. С философско-методологической точки зрения несостоятельность современных буржуазных созерцательно-эмпирических (субъективно-идеалистических и агностических) теорий была для марксистов ясна с самого начала. Кроме того, само развитие формальной логики доказало неосуществимость этих претензий, доказало ограниченность любой формализованной теории. То, что для диалектических материалистов было общеполитической истиной, стало, таким образом, конкретной научной истиной.

Вся история решения формально-логических парадоксов, свя-

---

²² Речь идет о конкретно-научном исследовании всеобщей связи. Общие методологические принципы исследования аналогии (изоморфизма) между процессами мышления и процессами объективной реальности и научный философский анализ этого изоморфизма были даны уже Марксом и Энгельсом. Это — еще один из многочисленных примеров опережения марксистской философией развития конкретных наук.

занная с этим проблема различных языковых уровней, теорема Гёделя о неполноте — всё это доказывает невозможность полной формализации человеческого мышления. Но кроме того, на наш взгляд, в развитии современной формальной логики имеется еще одна очень существенная черта, которая всё более четко отделяет формальную логику от общей теории познания и логики диалектической.

Эта черта касается всей методики исследования и предмета формальной логики. Ее можно сформулировать следующим образом: все развитие логической мысли (как сама формальная логика, так и теория познания диалектического материализма) подвели логику вплотную к заключению, что специфической задачей формальной логики является моделирование логической структуры мышления.

В определенных пределах в логических исследованиях вполне допустимо отделение задачи моделирования от задачи изучения познавательных функций мышления. Такое разграничение будет, конечно, абстракцией: в реальном мышлении содержание и форма неразрывно связаны, в действительном историческом развитии формальная логика занималась (и занимается) не только моделированием логической структуры, но и изучением познавательных функций мышления. Тем не менее выделение логического моделирования как специфической задачи формальной логики и основной тенденции её развития помогает не только уточнить соотношение традиционной и математической логики, но и глубже осмыслить марксистско-ленинское понимание соотношения формальной и диалектической логики.

Разработка понятия математического и логического моделирования представляет собою одно из новейших достижений научной мысли. Оно возникло в результате развития новых (математико-логических и кибернетических) методов исследования, в результате их плодотворного практического применения. Сущность понятия «логическая модель» раскрыта в статье А. А. Зиновьева и И. И. Ревзина «Логическая модель как средство научного исследования»,²³ на которую мы и опираемся.

По определению авторов понятие «логическая модель» означает следующее.

1) X есть некоторое множество суждений, описывающих соотношения элементов сложных объектов A и B . (Суждения X могут быть суждениями о тождестве математических уравнений, описывающих объекты A и B , о коэффициентах их подобия и т. п.).

2) Y есть некоторое множество суждений, полученных путем изучения A и отличных от X .

²³ См. «Вопросы философии», 1960, № 1, стр. 82—90.

3) Z есть некоторое множество суждений, относящихся к B и также отличных от X .

4) Если Z выводится из конъюнкции X и Y по правилам логики, то A есть модель для объекта B , а B есть оригинал модели A .

Из сказанного авторы сформулируют ряд гносеологических выводов.

Моделью объекта B является именно объект A , а не отражение его в сознании ученого в форме чувственных образов, понятий и суждений. Это не исключает того, что объект A сам может быть системой знаков и суждений. Это означает только, что в качестве модели объекта рассматривается любой имитирующий его объект, служащий своего рода заместителем его в процессе исследования.

Понимание моделей как образов объектов в философском смысле слова «образ» дает повод к смешению общих понятий гносеологии и понятий, специфичных для моделирования.²⁴

²⁴ В советской философской литературе существует и другая точка зрения, согласно которой модель представляет собою образ действительности. «Модель является специфическим образом действительности, так как она во всех своих формах, начиная от физического воспроизведения (моя разрядка, Я. Р.) сложной системы посредством более простой и кончая изображением при помощи логических, математических, химических или иных символов структурных особенностей изучаемого объекта, отражает, т. е. в конечном счете изоморфно передает, свойства и структуру этого объекта». (В. А. Штофф, «Критика неопозитивистского понимания роли моделей в познании», Вестник Ленинградского Университета, 1961, № 5, стр. 85). В этой же статье, далее, отмечается: «Понятийное мышление тяготеет к чувственной наглядности не только в форме языка, но и в своем стремлении опереться на наглядные образы в форме представлений, которые сопровождают наши мысли как его неизбежные спутники... Вот эту-то функцию, которую в обыденной жизни выполняет представление, в научном отношении выполняет модель» (там же, стр. 94).

Вполне соглашаясь с критикой В. А. Штоффом коренного порока неопозитивистских концепций — субъективно-идеалистического решения основного вопроса философии, — а также с его интересным положением о тяготении понятийного мышления к чувственной наглядности через модельные представления, следует в отношении понимания любой модели как «специфического образа действительности», всегда обладающего наглядностью, как аналога представления, т. е. в итоге как гносеологического образа, отметить следующее:

1. Слово «модель» имеет несколько значений. При разграничении этих значений важно иметь в виду, кроме всего прочего, и отличие модельных представлений (напр., представление о планетарной системе как модели атома) от физических воспроизведений (моделей) объектов и математико-логических моделей. В других своих статьях, посвященных этому же вопросу: «К вопросу о роли модельных представлений в научном познании» (Ученые записки Ленинградского Университета, № 248, 1958, стр. 117—135) и «О роли моделей в квантовой механике» («Вопросы философии», 1958, № 12, стр. 69—79), особенно в последней, это различие В. А. Штоффом проводится. В цитируемой же выше статье оно как будто стирается.

2. Первые (модельные представления) — это, действительно, гносеологические образы, вторые — нет. Насчет физических воспроизведений это вполне очевидно. Вряд ли согласится кто-нибудь признать миниатюрную модель плотины или электрическую модель действия рессоры их гносеологи-

Модель есть лишь средство получения знаний (образов) об объектах, но еще не сами эти знания. Следует четко различать математические построения как описания некоторых моделей и знаковые построения как модели, которые сами могут быть описаны в некоторой системе суждений.

ческими образами, т. е. отражением в сознании. Очевидно также, что не они сами фигурируют в качестве образов, а гносеологические образы отражают их.

3. Несколько сложнее обстоит дело с математико-логическими моделями. Но и для них характерно именно то, что не сами модели являются гносеологическими образами, а образы возникают на их основе, отражая через них определенные стороны объективной действительности. Детальное рассмотрение указанной проблемы занимало бы слишком много места, поэтому ограничиваемся только некоторыми основными положениями.

Не всякое отражение действительности в сознании есть еще гносеологический образ. В первую очередь это относится к отражению действительности в форме, в логической структуре мышления (эту сторону мышления мы и называем моделирующей функцией мышления). Основное доказательство этому — вся история развития человеческого мышления (да и мышление многих современных людей): отражая действительность в логической структуре мышления, люди вообще не знают, что такая структура существует (ergo: не имеют никаких образов о ней).

В течение тысячелетий люди пользовались, да будут пользоваться, суждениями типа «S есть P». Уже в древности, говоря «x есть человек», «x есть бог», «x есть раб» и т. д., люди сознавали именно конкретное содержание этих суждений, истинных или ложных. Но в то же время эти суждения отражали и нечто другое, моделировали известные связи, отношения объективной действительности. Требовались тысячелетия исторического развития, прежде чем человеческое познание выделило общий тип связи мыслей в подобных суждениях и в логике древних греков дало ей соответствующее формальное выражение (модель в нашем понимании). Эта модель сохраняет свое значение и по сей день.

В то же время выделение связи типа «S есть P» есть именно модель известных отношений между мыслями, а через них и в объективной действительности. Модель становится образом, будучи осознана. Более того, познание модели углубляется, образ этой модели развивается, усовершенствуется. Вместе с тем возникают новые модели, моделируются новые стороны структуры мышления (ср., например, «x есть P», «x ∈ P» и «P(x)»).

Что касается образа модели «S есть P», то история философии дает многочисленные примеры не только все более глубокого ее понимания, но и ожесточенной борьбы, которая происходит вокруг ее трактовки между материализмом и идеализмом, диалектикой и метафизикой. Одно дело — ее понимание Платоном, другое — Аристотелем; одно дело — материалистами XVII—XVIII века, другое — Кантом или Гегелем. Наконец, вот гениальная характеристика основных черт образа рассматриваемой формальной связи, отражения как модели, данная В. И. Лениным:

«Значит противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка, или сторона, или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполов входит в общее и т. д., и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. Уже здесь есть элементы, зачатки, понятия необходимости, объективной связи природы etc. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, это есть лист дерева и т. д., мы отбрасываем ряд признаков как случайные, мы

Многие философские вопросы связаны именно с установлением соответствия между сложными объектами А и В²⁵ (это соответствие фиксируется во множестве суждений X).

Разработка учения логики о формальных системах и формализации теорий в известной своей части непосредственно перерастает в обобщенное исследование логических моделей.

Возникает вопрос: может ли вышеприведенное понятие логической модели быть применено, во-первых, тогда, когда в качестве «оригинала» рассматривается логическая структура человеческого мышления вообще, а в качестве «моделей» — всевозможные формально-логические системы; во-вторых, тогда, когда в качестве оригинала рассматривается сама объективная реальность, а в качестве «модели» — реальная структура мышления (неосознанная или в той или иной мере осознанная самим человеком). Исходя из принципиальных соображений диалектического материализма по вопросу о соотношении содержания и формы мышления, можно ответить на поставленный вопрос утвердительно как в первом, так и во втором случае.

Конечно, уже при рассмотрении всевозможных формально-логических систем как своеобразных моделей *реального процесса* мышления до некоторой степени теряется та формально-логическая строгость, которая может быть соблюдена при рассмотрении конкретных научных теорий и их логических моделей.²⁶ Но

отделяем существенное от являющегося и противопоставляем одно другому.

Таким образом в любом предложении можно (и должно), как в «ячейке» («клеточке»), вскрыть зачатки всех элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика». (В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 359).

Сказанное нами относится и к конкретным физическим, химическим, биологическим и т. д. теориям и их формально-логическим моделям. Теория отражает реальность в виде образов, модель же отражает логическую структуру теории (через нее она отражает и определенные связи, отношения объективной действительности) и, не являясь сама гносеологическим образом, служит средством получения новых образов.

²⁵ Прежде всего это связано с основным вопросом философии. Вот типичный пример субъективно-идеалистического решения его: «Объект O является моделью $M(p)$ для объекта O' или класса объектов O' , если и только если сознательный субъект, т. е. определенная личность P ставит объект O в соответствие (моя разрядка Я.Р.) с объектом или классом объектов O' таким образом, что структура S' объекта или класса объектов O' находится в изоморфном соответствии со структурой S объекта O » (И. Дамбска, «Понятие модели и его роль в науках», *Revue de Synthèse*, 1959, v. 80, № 13—14, стр. 43).

²⁶ Мы употребляем термин «модель» именно в смысле самих логических систем, фиксирующих структуру конкретных научных теорий как «оригиналов». В математике слово «модель» употребляется в противоположном значении: в смысле интерпретации какой-либо логической системы. Здесь происходит «оборачивание метода», о котором говорит Маркс в математических рукописях (см. А. Д. Гетманова, «О соотношении математики и логики в системах типа *Principia Mathematica*», Сб.: Логические исследования, М., 1959, стр. 192—195).

при этом еще рельефнее выявляется именно специфика формальной логики, специфика применяемых ею методов и характер получаемых результатов.

Еще меньше может идти речь о формально-логической строгости в том случае, когда реальная структура (логическая форма) мышления рассматривается как модель объективной реальности. Но и здесь понятие «модель» может быть использовано как плодотворная аналогия, которая помогает выяснять и уточнять многие стороны проблемы,²⁷ которая ранее была сформулирована как соотношение содержания и формы мышления. В таком случае в изучении человеческого познания в целом выступают два аспекта исследования: изучение познавательной функции и моделирующей функции мышления, причем сама моделирующая функция может быть исследована как средствами моделирования (формальная логика), так и содержательными средствами (проблемы происхождения самой логической структуры, ее связь с определенными отношениями объективной реальности,²⁸ её связь с содержанием познающего мышления). Изучение познавательной функции, а также изучение логической структуры мышления содержательными средствами не является специфической задачей формальной логики. Она есть и остается, в первую очередь, задачей философии.

При формально-логическом моделировании элементы любой модели выступают как застывшие, жестко фиксированные, неизменяющиеся. Это имеет место даже тогда, когда элементами модели являются процессы. В таком случае определенный процесс в системе данной модели представляет собою неизменяющийся конечный элемент, хотя он, конечно, может быть расчленен на элементы в другой, отражающей его модели. Установление однозначного соответствия между моделью и оригиналом достигается как будто посредством «мгновенного снимка» с оригинала, в результате чего модель неизбежно «огрубляет» его, отражает только определенную сторону, определенные черты оригинала. Но это не означает, что сама модель не отражает движения оригинала. Наоборот, ценность математико-логических моделей в этом и состоит, что посредством алгоритмизации в них фиксируются определенные процессы мышления («движение» мышления).

При рассмотрении моделирования определенных мыслительных процессов как специфической тенденции в развитии современной формальной (математической) логики оказывается, что

²⁷ Выделение этих аспектов является, по существу, и ответом на вопрос о том, может ли машина мыслить. В наиболее общем виде этот ответ гласит: в смысле моделирования — да, в смысле познания — нет.

²⁸ «Перед человеком сеть явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающей познавать ее и овладевать ею». (В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 81).

формально-логическое моделирование всегда так или иначе связано с алгоритмизацией. Употребляя в общелогическом значении термин «алгоритм», мы трактуем его расширительно по сравнению с тем, как он употребляется в современной математике.

Мы обозначаем этим термином известную программу, точное предписание действий, которые ведут от начальных данных к искомому результату. Тем не менее думается, что и в таком случае понятие алгоритма должно удовлетворять трем основным требованиям, с которыми обычно связывается первоначальное понятие алгоритма в советской математической литературе:

1) точность предписания, не оставляющая место произволу, и общепонятность — определенность алгоритма;

2) возможность исходить из варьируемых в известных пределах исходных данных — массовость алгоритма;

3) направленность алгоритма на получение некоторого искомого результата, в конце концов и получаемого при надлежащих исходных данных, — результативность алгоритма.²⁹

Алгоритмизация, алгоритмические правила преобразования являются, на наш взгляд, существенной стороной любого математико-логического исчисления как модели определенных мыслительных процессов.³⁰

В традиционной формальной логике очень часто изображают отношения понятий графически, с помощью кружков. Например, модус силлогизма «Вагбага» изображается в виде трех концентрических кружков. Безусловно, что такое изображение может тоже рассматриваться как известная модель. Но при таком моделировании остается в тени главное, что характерно именно для умозаключения: правила, по которым из исходных данных получается новый результат. Более того, такой способ моделирования создает впечатление именно о некоторой априорной структурной сетке, на которую накладываются готовые элементы мысли, причем полученное заключение не содержит новых знаний.³¹ Тут, по-видимому, коренится и одна из

²⁹ А. А. Марков, Теория алгорифмов, М.-Л., 1954, стр. 3.

³⁰ Характерно, что доказательство принципиальной невозможности полностью формализовать процесс логического вывода может быть получено и средствами теории алгоритмов.

³¹ В традиционной логике имеются модели и другого типа. Модус «Вагбага», например, может быть представлен и в виде модели первой фигуры

$$\begin{array}{c} M - P \\ S - M \\ \hline S - P, \end{array}$$

которая в сочетании с указанием характера посылок и заключения (общезаключительные суждения) представляет собою именно алгоритмический шаг, ведущий от исходных данных к искомому результату. Речь идет, следовательно, не о противопоставлении современных теорий дедукции традиционным, а о том, что в математико-логических теориях полнее, в более разви-

причин появления пресловутой кантовской теории «априорных логических форм».

Возможность возникновения таких представлений содержит в себе, конечно, и математическая логика.³² Поэтому очень большое значение приобретает именно соединение моделирования и алгоритмизации. Но алгоритм уже не есть простая проекция, мертво-зеркальное отражение. Алгоритм включает действие, в нем отражается и активная мыслительная деятельность субъекта (основанная на практике).

Итак, в основе, в фундаменте любой формально-дедуктивной теории вывода лежат два неразрывно связанных методологических принципа: принцип логического моделирования и принцип алгоритмизации.

В отношении знания логической структуры мышления действуют общие закономерности развития познания: и здесь познание углубляется, абсолютная истина (в самом широком смысле) складывается из бесконечной суммы относительных истин. На первом этапе развития науки (и этот этап длился в логике очень долго, более двух тысячелетий!) логика могла сказать о конкретной «низовой» структуре мышления относительно мало. Выделение понятия, суждения, умозаключения в самостоятельные формы мышления, выяснение так называемых основных логических законов, анализ объемных отношений понятий и создание на этой основе учения о дедуктивном выводе, некоторые элементы модальной логики — вот основной материал, из которого складывалась формально-логическая модель логической структуры мышления. Ясно, что собственно о моделировании мышления могла идти речь только в очень узких пределах. Требованиям формализованной структурной модели соответствовали, строго говоря, только субъектно-предикатный анализ суждения и силлогистика. Это были, так сказать, первые фрагменты модели, которые, как и следовало ожидать, имели значение лишь относительных истин (не все суждения адекватно выражаются в «S—P» структуре; силлогистика представляет собою только частичку всех известных уже до сих пор дедуктивных выводов; никакой реальный процесс мышления не осуществляется путем последовательного движения через силлогизмы).

В то же время формальная («традиционная») логика пыталась на основе этих фрагментов конструировать картину логических связей мышления в целом. Естественно, что картина

том виде выступает та тенденция к логическому моделированию, которая содержится уже в логике Аристотеля (пожалуй, не будет преувеличением сказать, что в «Аналитиках» Аристотеля эта тенденция выражена рельефнее, чем в изложениях «традиционной» формальной логики XIX—XX века).

³² В истории современного позитивизма такому взгляду соответствуют спекуляции на логическом синтаксисе. Именно представление о такой сетке «присутствует» повсюду на страницах «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна.

получилась неутешительная: слишком уж много нехватало. Расширенная модель³³ явно не соответствовала действительному мышлению.

Если математическая логика имеет несравненно большую сферу применения, чем соответствующий ей раздел традиционной логики — традиционная теория дедукции, — то вывод для материалиста напрашивается само собою: математическая логика отражает полнее, адекватнее реальную структуру человеческого мышления. Существенную роль играет здесь, на наш взгляд, именно то обстоятельство, что формализуется сам процесс вывода, что логические связи и законы мышления, которые в традиционной логике только описываются, входят здесь в логическую модель как ее составная часть.

Конечно, как в традиционной, так и в современных формально-логических теориях дедукции мы имеем дело лишь с определенными мыслительными процессами, а не с мышлением в целом. Поэтому современное развитие формальной логики, особенно если иметь в виду логическое моделирование как специфическую тенденцию этого развития, еще более настоятельно, чем когда-либо раньше, подчеркивает необходимость в логике другого типа — в логике диалектической. Задача диалектической логики — изучение реального процесса человеческого мышления в единстве его содержания и формы, рассмотрение моделирующей функции мышления в неразрывной связи с познающим мышлением. Выше мы уже отметили, что в реальном мышлении моделирующая функция неотделима от познающего мышления, что специальное выделение моделирующей функции представляет собою только абстракцию, которая в исследовательских целях полезна и необходима, но от которого нужно идти дальше, глубже, рассматривая исследуемое явление конкретно, в единстве и взаимосвязи его сторон, в его развитии.

Что касается соотношения математической и традиционной формальной логики, то в свете вышеизложенного можно сказать следующее. Математическая логика на современном этапе развития не заменяет традиционную логику по двум причинам. Во-первых, традиционная логика несравненно шире; математическая логика развивает непосредственно дальше только одну часть, один раздел традиционной логики: теорию дедукции. Во-вторых, традиционная логика шире и по своему методу исследования; из разнообразных методов исследования математическая логика развивает дальше именно логическое моделирование. Признание и подчеркивание общелогического значения математической логики не означает поэтому ни в коем слу-

³³ Это, как и трактовка любой модели, есть уже модель как «модельное представление», как образ логической структуры реального мышления. См. примечание [24].

чае нигилистического отношения к логике традиционной. Но, с другой стороны, оказывается, что если традиционная логика заявила, что она изучает логические формы в отрыве от содержания, то это было верно только отчасти. На самом деле она во многих случаях изучала форму мышления в связи с содержанием, была во многих отношениях содержательной логикой. Но в этой области, как признают все марксисты, формальную³⁴ логику должна дополнить логика диалектическая.

Наконец, если мы признаем положение марксизма о том, что реальность отражается также и в структуре мышления («логические фигуры — самые обычные отношения вещей» (Ленин); сравнение Марксом «Д-Т-Д» с силлогизмом), то не следует закрывать глаза на те новые «отношения вещей», которые посредством анализа логической структуры мышления раскрывает современная формальная логика.³⁵ Пусть эти отношения с философской точки зрения «тривиальны», «элементарны», но они несколько не тривиальнее, элементарнее, чем, например, отношение единичное — особенное — всеобщее, как она в абстрактном («тривиальном») виде проявляется в структуре силлогизма. Более того — в этом и заключается задача философии, что не остановиться на уровне абстракций, достигнутых формальной логикой, а идти дальше, глубже, обнаружить скрывающиеся за формально-логическими абстракциями отношения реальности, обогащаясь этим путем, развивая и совершенствуя свой философский аппарат законов и категорий. Необходимость для философии идти в ногу с достижениями конкретных наук всегда подчеркивалась классиками марксизма-ленинизма, эта необходимость признается всеми философами-марксистами. Эта необходимость в области логики диктуется, кроме того, потребностями развития самой формальной логики, диктуется теми конкретными результатами, которые здесь достигнуты, и теми затруднениями, которые здесь возникают.

*

Специфические тенденции развития современной формальной логики проявляются и в уточнении той предметной области, на основе которой осуществляется моделирование структуры мышления. С чего собственно должна начинаться фор-

³⁴ Сам термин «формальная» имеет в логике двоякое значение: логика может быть формальной, во-первых, в том смысле, что она изучает логические формы, отвлекаясь от содержания мышления, во-вторых, в том смысле, что она формализует (моделирует) логическую структуру мышления.

³⁵ Иногда создается впечатление, что некоторыми нашими логиками бессознательно разделяется взгляд Канта, согласно которому традиционная логика представляет собою совокупность застывших, абсолютных истин и все новые открытия в области формальной логики не относятся, собственно говоря, к изучению структуры мышления.

мально-логическое изучение «элементарной структуры»³⁶ мышления? Должен ли здесь быть исходным принципом метод интроспекции, самонаблюдения явлений сознания, мысленных образов, или же нужно взять в качестве предмета исследования некоторую совокупность материальных объектов, нечто объективно данное? Все крупнейшие открытия современной науки достигнуты именно вторым путем — методом выделения и изучения некоторой совокупности материальных объектов и их отношений. Так, например, поступил Карл Маркс, выделив при анализе экономической структуры капитализма совокупность товаров и товарных отношений; так поступил и И. Павлов в совершенно другой области — в сфере изучения психических явлений, зафиксировав внимание на такой предметной области, как действие внешних раздражителей и ответные реакции организма. Именно на этом пути происходит бурное развитие кибернетики, где в качестве предметной области выступают не сами «вещи», а связи, отношения и состояния.

³⁶ Термин «элементарная структура» в отношении формально-логической структуры мышления уже на современном уровне логических исследований перестал быть вполне точным. Очень важна в этой связи следующая мысль В. И. Ленина. Когда Плеханов, комментируя Чернышевского, писал, что расстояние способности ощущения и мышления от так называемых физических качеств живого организма «безмерно велико», то В. И. Ленин сделал по этому поводу следующее замечание: «не безмерно (хотя мы еще не знаем этой «меры»)». (В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 519).

Уже сейчас логическая структура мышления изучается, по крайней мере, на трех уровнях: 1) физиологическая (связь мышления с физиологической основой), 2) формально-логическая, 3) диалектико-логическая. То обстоятельство, что эти «уровни» непосредственно между собою не связаны — многих промежуточных звеньев явно не хватает, — не может ни в коем случае послужить поводом к агностицистским выводам.

Диалектико-материалистическая теория познания в целом и правильное понимание значения практики, в частности, являются тем мощным методологическим средством, которое позволяет на любом этапе развития конкретных логических исследований дать цельную и гносеологически правильную общую картину человеческого мышления (причем отдельные детали этой картины, конечно, выступают в качестве относительных истин).

Кроме того, различные «логические уровни» мышления не представляют собою непрерывную цепь чисто количественного роста. Здесь, по крайней мере, выделяются три качественно отличные ступени: физиологическая основа, формально-логическая структура, диалектика мышления. Но, кроме того, по-видимому, в рамках указанных качественных отличий имеется еще множество переходов количества в качество. Поэтому, если мы и говорим о нехватке промежуточных звеньев, то все же следует иметь в виду, что уже сейчас изучение формально-логической структуры мышления обнаруживает некоторые линии, по которым совершается переход от жестко зафиксированных формально-логических отношений к новому качеству — к диалектической гибкости познающего мышления. Что этот переход совершается в связи с содержанием мышления, подчеркивалось марксизмом давно, теперь же начинает раскрываться и конкретный формальный механизм этого перехода. Изучение закономерностей этого перехода является одной из задач диалектической логики, и здесь диалектическая логика выступает как металоги́ка (если пользоваться термином современной логики) всевозможных формально-логических систем.

В мышлении тоже имеется такая предметная область. Это — язык.³⁷ Именно марксизму принадлежит историческая заслуга открытия связи языка с мышлением, доказательство того факта, что язык является материальным носителем мысли. Логическая структура мышления может быть лучше всего раскрыта на базе анализа языка. Но этот анализ — не лингвистический. Лингвистика изучает отдельные языки или группы языков, логика же исследует более общие закономерности, свойственные языкам вообще, естественным и искусственным (например «язык» арифметики). Другими словами: язык, исследуемый формальной логикой, является инвариантом всех имеющихся языков. Здесь находит свое подтверждение, между прочим, положение диалектического материализма о том, что мышление может осуществляться на различных языках,³⁸ но не может осуществляться без языка. Поэтому анализ языка (языка в широком смысле) является естественно той исходной точкой, откуда начинается изучение структуры мышления и ее моделирование. Игнорирование того факта, что структура мышления овеществлена в структуре языка, попытки строить логику только на основе интроспекции (эти попытки весьма характерны для традиционной формальной логики) означают, по существу, отход от одного из основных принципов марксистско-ленинской теории познания.

Но структурный анализ мышления (соответственно — изучение логической структуры языка) является только необходимым, но не достаточным условием логических исследований. В основном такое исследование раскрывает только некоторые структурные связи и отношения мышления (притом далеко не

---

³⁷ Кроме языка имеются, по крайней мере, еще две таких области: нервная система (как физиологическая основа мышления) и практика (как социальная основа и воплощение результатов мышления). Но непосредственно они исследуются в логике относительно мало. Первая из них исследуется физиологией, экспериментальной психологией и др. науками, причем логическое исследование ее только намечается (см. предыдущее примечание); вторая же пронизывает собою все науки, но исследуется специально марксистской философией и ее теорией познания.

³⁸ Благодаря историческим и естественным условиям человеческий язык развивался как звуковая речь. На основе звуковых сигналов возникла позже письменность, язык на основе зрительных сигналов. Сейчас звуковая и письменная речь трансформируется в магнитной, электромагнитной, электронной и т. д. записях. Эти виды языка недоступны непосредственному восприятию человеком, они должны быть сперва преобразованы в слышимый или видимый язык, но они — тоже виды языка. Однако вполне допустимо, что в какой-нибудь другой звездной системе язык мыслящих существ развивается с самого начала на другой физической основе.

Конечно, это — гипотетическое предположение; оно приведено здесь лишь для того, чтобы показать уозсть «антропоморфического» понимания языка. Ведь иногда этот «антропоморфизм» доходит даже у некоторых наших философов до бессознательных попыток постулировать логические связи из словаря одного национального языка или же до объявления задач семантического анализа мышления лингвистическими задачами.

все) и в лучшем случае намечает некоторые линии взаимодействия формы и содержания мышления.³⁹

Выше отмечалось, что современная формальная логика решительно отмежевывается от «психологизма». Это — здоровое, обоснованное стремление, поскольку речь идет о логическом моделировании. Но эта тенденция может означать и принципиальный отказ от изучения познавательных функций мышления вообще. До тех пор, пока представители формальной логики дают себе ясно отчет в том, что моделирование (создание формализованных систем) мышления и изучение познавательного мышления, развивающегося, диалектического мышления не одно и то же, до тех пор эта тенденция не содержит в себе никакой философской ошибки. Но как только это различие забывается, открывается широкий простор для всевозможных философских извращений.⁴⁰ Кстати, многочисленные ошибки, связанные с философской интерпретацией старой, традиционной логики, отчасти вытекали и из того факта, что задача моделирования и задача изучения познающего мышления были в традиционной логике смешаны; возможность постановки вопроса о разграничении этих задач (сторон) логического исследования возникает только в результате новейшего развития многих наук, в первую очередь самой формальной логики и кибернетики.

Но развитие формальной логики дает только возможность такого разграничения. Использование этой возможности, превращение ее в действительность зависит от философско-гносеологических установок, которых придерживаются логики и философы. Например, выступления неопозитивистских логиков и философов против «психологизма» в логике означают призыв к отказу от исследования познающего мышления вообще. Диалектический материалист подчеркивает различие моделирования и изучения познающего мышления для того, чтобы на основе выделения и изучения этих сторон переходить к высшей стадии — к рассмотрению их в единстве. На этой более высокой ступени «синтеза» раскрываются совершенно новые закономерности мышления, которые не могут быть выявлены ни средствами моделирования, ни средствами интроспективного рассмотрения⁴¹ познавательной стороны мышления в отдельности.

³⁹ Это относится также к формально-логической семантике. Проблем семантического анализа мы в данной статье не касаемся; они требуют специального рассмотрения.

⁴⁰ Один из многочисленных примеров тому: трактовка формально-логического закона тождества как некоторого гносеологического, общеметодологического принципа.

⁴¹ Интроспекция не является основным методом марксистско-ленинского исследования мышления. Марксизм ввел в теорию познания практику как основу познания и критерий истины. Поэтому рассмотрение возникновения, развития и функционирования познающего мышления в марксизме не имеет ничего общего ни с созерцательно-эмпирической интроспекцией (ведущей к субъективному идеализму), ни с спекулятивно-феноменологической интро-

Прежде чем перейти к некоторым общим выводам, резюмируем сказанное до сих пор.

1. Процессы дифференциации, которые происходят в современной логике и сопровождаются со стороны буржуазных идеологов различными философскими спекуляциями, на самом деле подтверждают марксистско-ленинское положение о наличии двух форм отражения в логическом мышлении.

2. Выделение теории дедукции в самостоятельную научную дисциплину (математическая логика) основывается на изолированном изучении логической структуры мышления, на анализе логических форм в отрыве от содержания мышления. По сравнению с традиционной формальной логикой математическая логика достигла более высокой ступени научной абстракции, в результате чего она отражает исследуемую ею область полнее, глубже, адекватнее.⁴²

3. Специфическим методом исследования логической структуры мышления, которым пользуется математическая логика, является логическое моделирование. Широкое и последовательное применение метода моделирования отличает математическую логику от традиционной формальной логики, где исследование структуры мышления во многих случаях носило созерцательно-описательный характер. Математическая логика, отражая и активную сторону мыслительной деятельности, приобретает все более значительное практическое значение. На основе ее достижений (вместе с кибернетикой) открываются все большие возможности для механизации отдельных сторон умственного труда.

4. Дифференциация в логике происходит и на основе уточнения и возможно более строгого фиксирования той предметной области, на базе которой осуществляется формально-логическое моделирование структуры мышления. Этой предметной областью является язык — язык в наиболее общем смысле, как инвариант всех естественных и искусственных языков. И здесь находит свое подтверждение тезис основоположников марксизма о языке как о материальном носителе содержания (и воплощении структуры) мышления. Конкретное изучение материального воплощения логической структуры мышления представляет одну из важнейших методологических достижений математической логики.

В результате всего этого математическая логика отделяется все больше и больше от философских дисциплин и превращается в самостоятельную, конкретную науку. Однако это «отделение» есть диалектический процесс. Сущность его можно выразить посредством следующего афоризма: чем больше математическая логика отделяется от философии вообще, тем ближе подходит она именно к диалектическому материализму, к ее теории позна-

спекцией (связанной так или иначе с объективно-идеалистическим решением основного вопроса философии).

⁴² «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно правильное... — от истины, а подходит к ней» (В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 161).

ния и к диалектической логике. Она стоит «ближе» к философии марксизма, как и любая дальнейшая ступень в развитии науки именно потому, что дает все новый и новый конкретный материал, подтверждающий правоту диалектического материализма, единственной научной философии современности.

Математическая логика, благодаря применяемым ею специфическим методам исследования, имеет дело с жестко фиксированными структурными элементами и отношениями. В своем основании она отвлекается и от содержания, и от диалектики форм познающего мышления. Все структурные модели, ею создаваемые, имеют законченный, фрагментарный характер. Но в то же время само развитие математической логики дает, по крайней мере, два очень важных в философском отношении вывода:

— 1. Оно выясняет неполноту, недостаточность любых формализованных систем.

2. Оно дает материал для исследования диалектики форм реального, познающего человеческого мышления.

В этой связи выясняется и уточняется и один из аспектов в⁴³ диалектической логики. Последовательно проведенная формализация (логические модели) всегда требует объяснения данной системы неформальными средствами. Проще всего можно это объяснить на примере вопроса о «метаязыке». В самих формализованных системах вышеуказанная потребность выражается в различении формализованного «языка-объекта» и его «метаязыка». В ряде случаев «метаязык» может быть тоже формализован. Но и тогда требуется новый «метаязык», его объясняющий. И так далее, до бесконечности.⁴⁴

Современные буржуазные логики-позитивисты чаще всего выходят из затруднения простым и, на первый взгляд, естественным путем: предлагают использовать в качестве метаязыка какой-нибудь обыкновенный национальный язык, напр. английский.⁴⁵

⁴³ Мы имеем в виду только один из аспектов диалектической логики, ее функцию по отношению к современной формальной (математической) логике. Выделение этого аспекта нельзя ни в коем случае принимать как определение предмета диалектической логики. Более того, выделение этого аспекта представляется возможным лишь в результате того, что диалектическая логика в том или ином, хотя еще до конца не разработанном виде уже существует.

⁴⁴ Именно в этом свете представляется принципиально важным предложенная А. А. Зиновьевым и И. И. Ревзиным различение логической модели и гносеологического образа.

⁴⁵ «При исследовании языков, естественных или искусственных, исследуемый язык называется языком-объектом... язык, которым мы пользуемся для того, чтобы говорить о языке-объекте, называется метаязыком. В настоящей книге в качестве метаязыка служит обыкновенный английский язык, дополненный определенными техническими знаками (включая германские буквы). Правила для рассматриваемого языка-объекта — именно синтаксические и семантические правила, — а также теоремы, вытекающие из этих правил, формулируются на метаязыке.» (Rudolf Carnap. Introduction to Symbolic Logic and its Applications, New York, 1958, стр. 78).

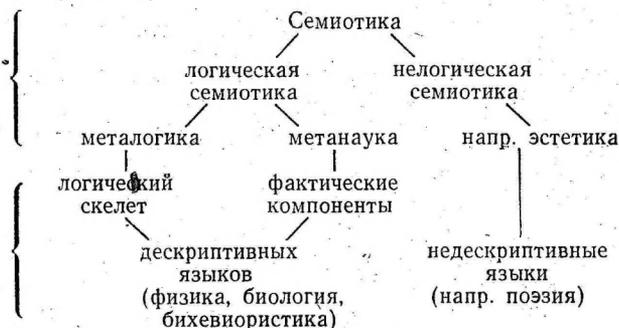
Конечно, конкретный национальный язык используется в ходе всего логического исследования, не только при формулировке проблем последнего «метаязыкового» уровня, но и тогда, когда задается язык-объект и алгоритмические правила действий над ним.

Но когда «в качестве метаязыка» предлагают «использовать разговорный английский язык», происходит нечто странное. Если до этого предполагалось, что введение каждого нового формализованного языкового уровня означает и введение известных логических законов (правил преобразования, «логического синтаксиса»), то использование английского (или любого другого естественного) языка в качестве «метаязыка» предполагает только принятие его словарного запаса и лингвистических (отнюдь не логических) правил. На любом «языковом уровне», который отражает реальную структуру мышления, выявляются и свои, специфические закономерности.⁴⁶ Но вместе с простой фразой «в качестве метаязыка будет служить обыкновенный английский язык» вводится через чёрный ход и нечто другое: предположение, что венцом всех формально-логических систем будет та же формальная логика со своими законами, правилами, методами.

Отсюда получают и определенные философские выводы, получается абсолютизация формальной логики в качестве философской теории.⁴⁷

⁴⁶ Поэтому точнее было бы говорить не о языке и метаязыке, а о логике и металогике (логическая система, модель и металогика как теория о ней), как и делает, например, Г. Клаус в своей книге.

⁴⁷ Наглядным примером идеалистических спекуляций при таком решении проблемы может служить иерархия «языков», предложенная Г. Лебланом (Леблан — представитель младшего поколения американских логиков, в качестве своих учителей он называет крупных логиков, но мелких философов Карнапа, Черча, Клини, Куайна, Россера). Он дает следующую схему:

(Hugues Leblanc. An Introduction to Deductive Logic, New York, London, 1958, стр. 7).

Приведенная схема — образчик смещения рациональных моментов с идеалистическими извращениями. К последним относятся, в первую очередь: 1) представление семиотики как некоей универсальной «науки наук»; 2) отнесение задач изучения содержания научных теорий к формально-логической семиотике; 3) ограничение сферы «deskриптивных языков» языками

Конечно, до известной степени можно формально-логические системы объяснять неформальными (содержательными) средствами самой формальной логики. Но в конце концов эти средства оказываются недостаточными, и здесь потребуются логика диалектическая. В этом отношении диалектическая логика и выступает как металоги́ка всех формально-логических систем, как действительное отражение реального человеческого мышления. Это означает следующее:

Во-первых, на наиболее высоком уровне логических теорий «металоги́ка» должна включать в себя изучение познающего мышления в целом, со всеми вытекающими отсюда последствиями (учет роли практики, проблемы соотношения конкретного содержания мышления и логических форм и т. д.).

Во-вторых, кроме фрагментарных моделей и фрагментарной структуры, существует и структура цельного, развивающегося, содержательного мышления. Эта структура⁴⁸ отражает диалектику объективной реальности; она выражена в законах и категориях диалектического материализма. В этой структуре, в этих формах мышления (впервые на них обратил внимание Гегель) действуют иные, не формально-логические закономерности. Ее изучение составляет специфическую задачу диалектической логики.

Если рассматривать высказывания классиков марксизма-ленинизма о месте и значении формальной и диалектической логики в свете новых данных, добытых в ходе дальнейшего развития формальной логики, то оказывается, что они имели в виду именно такое соотношение⁴⁹ логики формальной и диалектической (фактически это имел в виду уже Гегель, но его логическая позиция была тут половинчатая, не говоря уже о совершенно неверной философской позиции).

физики, биологии и «бихевиористики» (!). Выделение только указанных трех «дескриптивных языков» в данной схеме не случайно. Об этом говорит Леблан уже раньше (стр. 5—6); в качестве возможного четвертого языка он рассматривает еще и математику, но последняя сводится, по его мнению, к логике. Выделение только трех «дескриптивных языков» и разграничение логической и нелогической семиотики является вместе с тем косвенным отрицанием возможности общественных наук вообще. Последние, согласно приведенной схеме, относятся либо к «недескриптивным языкам» — эстетика приведена здесь как пример недескриптивного языка (метаязыка), — либо они должны быть сведены к «языку бихевиористики».

⁴⁸ Когда Г. Клаус говорит, что диалектическая логика является теорией интенциональных отношений, то рациональное содержание предложенного им определения выясняется именно в свете металогического аспекта диалектической логики. Но в то же время задачи диалектической логики только этим аспектом отнюдь не ограничиваются.

⁴⁹ Такое понимание соотношения диалектической и формальной логики характерно и для всех вышедших у нас до сих пор книг по диалектической логике. У всех авторов диалектическая логика фактически выполняет функцию металогики по отношению к традиционной формальной логике.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ МАТЕРИАЛИЗМА

М. Г. Макаров

Понятие «гносеологические корни» в его общем виде сформулировано, как известно, В. И. Лениным применительно к идеалистической философии. Оно довольно обстоятельно разработано в нашей философской литературе. Когда же в этой связи показывается, что идеализм имеет основу в самом познании, часто невольно возникает вопрос: а как обстоит дело с материализмом, правомерно ли говорить также и о его гносеологических корнях? Отрицательный ответ означал бы, очевидно, что материализм считается (в отличие от идеализма!) беспочвенным в теоретико-познавательном отношении. Поэтому ответ на этот вопрос может быть, как нам кажется, только утвердительным. Однако в имеющихся курсах диалектического материализма, как и в марксистской философской литературе вообще, вопрос о гносеологических корнях материализма, хотя и решается по своему существу, специально не выделяется и не формулируется.

Излагаемое нами ниже краткое решение проблемы, не представляя чего-то нового по своему содержанию, все же, как мы полагаем, не лишено некоторого значения для последовательности изложения философии марксизма.

У понятия «гносеологические корни» необходимо должен быть некоторый признак, в равной мере относящийся к теоретико-познавательным корням основных философских направлений — материализма и идеализма. Выделим этот общий признак в абстрактном виде из понятия «гносеологические корни идеализма». При этом необходимо учесть, что употребление этого понятия имеет несколько неразрывно между собою связанных смысловых оттенков.

Во-первых, понятие «гносеологические корни идеализма» выражает некоторую возможность возникновения идеалистических взглядов в процессе познания действительности, возможность, лежащую в структуре самого этого процесса.

Во-вторых, оно указывает на конкретный гносеологический источник той или иной определенной идеалистической концепции. Это значение понятия, относящееся к отдельному учению или положению, имеет, в свою очередь, два аспекта: а) оно

обозначает тот элемент («черточку», «сторону», «грань») объективного познавательного процесса, который, выступая в силу тех или иных условий на первый план, сам по себе является закономерным, истинным, но его метафизическая абсолютизация при изучении процесса познания неизбежно приводит к данному виду идеализма, б) оно указывает одновременно на ошибку в осознании определенного элемента реального познания (который отмечен в аспекте «а»), характеризующую содержание данных идеалистических взглядов.

Очевидно, что в понятие «гносеологические корни материализма» должен входить общий признак, соответствующий теоретико-познавательной возможности возникновения одного из двух основных направлений философии вообще. Категории «гносеологические корни идеализма» и «гносеологические корни материализма» выступают таким образом как подчиненные одному общему понятию «гносеологические корни философских направлений». Последнее содержит указанный выше признак теоретико-познавательной возможности возникновения того или иного основного философского направления.

В сложном, многогранном процессе познавательной деятельности следует выделить момент, который заключал бы в себе необходимость отношения к явлениям внешнего мира, как к независимой от сознания реальности, необходимость брать ее такой, какова она есть, равняясь по ней. Этот момент содержал бы в себе постоянную возможность материалистических выводов. Из всей логики философии марксизма вытекает, что роль такого момента познания, общего гносеологического источника материалистических учений, взглядов, положений в философии, а также материалистических по своему существу тенденций в остальных формах общественного сознания, играет непосредственная связь духовной деятельности человека с практикой.

Познание человеком действительности есть взаимодействие противоположностей объекта и субъекта, материального и идеального. Процесс совпадения этих противоположностей складывается из двух взаимопроникающих процессов, которые условно могут быть обозначены понятием «ступень» или «этап» познания: из собственно *познания* в узком смысле, как только духовной деятельности — идеального процесса отражения, и *практики* — целенаправленной материальной деятельности людей, в процессе которой они присваивают и изменяют явления окружающего мира; — включающейся в познание в его широком значении.¹ Теория и практика — две стороны, два противоположных пути

¹ Выделение в познании этих «ступеней» основано на совершенно ином признаке, чем дифференциация самого идеального процесса на чувственное и рациональное познание, ввиду чего смешение их может приводить к логически нелепым утверждениям о практике как «третьей» ступени познания.

«уничтожения «односторонности» и субъективности и объективности.»²

В ходе теоретического познания субъект усваивает действительность, объект. Рассматриваемый с его идеальной стороны, он уподобляется действительности, приобретает объективное содержание, объективную истину. Единство противоположностей субъекта и объекта устанавливается здесь, таким образом, на основе субъективного. Содержанием субъективного становится форма объективных вещей, отражение их связей и отношений. В субъекте, как единстве материального и идеального, главной стороной делается на этой ступени идеальная сторона.

В практике, представляющей собою продолжение того же самого процесса познания, единство тех же сторон устанавливается уже на противоположной основе. Содержание субъективного становится объективной формой предметов реального мира, переносится на них в ходе движения — практики. Единство устанавливается на основе объективного. Главной стороной единства противоположностей на ступени практики выступает материальная сторона. В познании в целом, в его широком значении отражения и преобразования действительности сознанием, главной стороной всего процесса, взятого в его историческом развитии, является практика.

Как практическая, так и теоретическая деятельности в своем развитии виде чрезвычайно сложны и многообразны, осуществляясь в различных общих формах и на разных уровнях. Теоретическая деятельность далеко не всегда имеет прямое соприкосновение с практикой. Она отходит от практики в двух отношениях: 1) часто намного обгоняя последнюю в ее развитии, 2) связываясь с ней на некоторых своих уровнях лишь посредством ряда промежуточных звеньев. На основе этого «отлета» теоретического познания от практики возникают, при метафизическом подходе к элементам познания, гносеологические корни идеализма.

Звено процесса теоретической деятельности, непосредственно примыкающее к практике, завершающее данный цикл познания, неизбежно должно носить наиболее конкретный характер. Конкретный характер выводов теоретической деятельности (отражения специфических сочетаний действий различных законов, причин, условий, общего в отдельном, целей и планов), превращающихся в практику, соответствует конкретному характеру практики, в которой использование общих закономерностей сочетается с индивидуальностью определенного материального процесса. Теоретическое познание не прекращается и в ходе практического действия, пронизывая его собою. На этой основе в самом процессе практики осуществляется саморегуляция деятельности, дальнейшая конкретизация целей, исправле-

² В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 200.

ние и уточнение планов и т. д. На всем своем протяжении практика, рассматриваемая с этой ее стороны, представляет собою превращение идеальных результатов теоретической деятельности в материальное действие.

Это звено познавательной деятельности, являющееся одновременно стороной практики, содержит в себе в зародыше объективную необходимость материалистического подхода к действительности.

В литературе обычно указывается одна важнейшая сторона практики в ее фактическом качестве гносеологического источника материализма — доказательство познаваемости окружающего мира. Однако принятие тезиса о познаваемости мира не означает еще само по себе неизбежности перехода на точку зрения материализма. Соответствие между сознанием и внешним миром может быть истолковано и в идеалистическом смысле тождества мышления и бытия. Поэтому для материализма является чрезвычайно важным то, что переход к практике всегда подтверждает материальность, отличие окружающего мира от явлений сознания, его независимость от них.

Практика не только предоставляет доказательство соответствия идеальных отражений природе их объектов, но она также одновременно выявляет всегда более или менее значительный момент несовпадения между ними. Превращение теории в практику связано с необходимостью конкретизации теории, учета целого ряда дополнительных условий и соответствующих действий, не отраженных до этого в теории. Это справедливо в отношении всех форм практической деятельности: в области техники и производства, классовой борьбы, организаторской, педагогической деятельности, осуществления эксперимента и наблюдений. Во всех своих сферах практика принуждает человека признавать материальный характер независящего от его сознания мира. В. И. Ленин указывал, что осуществление теории на практике означает конкретизацию первой и уже тем самым ее видоизменение. Практика, по его словам, показывает, что всякая теория «в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь приближается к охватыванию сложности жизни». «Теория, другой, сера, но зелено вечно дерево жизни.»³

С точки зрения идеи гносеологических корней материализма большое значение имеет замечание В. И. Ленина, сделанное им в конспекте «Лекций о сущности религии» Фейербаха, о том, что в познании различия между мыслью и жизнью лежит основа материалистической философии. По поводу выписанных им слов немецкого материалиста: «Мышление полагает дискретное действительности, как непрерывное, бесконечную многократность жизни, как тождественное однократное. Познание существенного, нестираемого различия между мышлением и жизнью

³ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр..

(или действительностью) есть начало всякой премудрости в мышлении и в жизни. Только различие является здесь истинной связью» В. И. Ленин отметил: «К вопросу об основах философского материализма.»⁴ В положении Фейербаха о необходимом различии между сознанием и материальной действительностью, заключенном в их связи, единстве, содержится существенный момент диалектики. Однако Фейербах не видит того, что реальным воплощением и разрешением указанного противоречия является практика человека.

Выше мы выделили абстрактный общий момент гносеологических корней как идеализма, так и материализма. Действие же их в своей сущности противоположно. Глубоким является различие и в самом характере порождения противоположных философских систем этими условиями, в том, как «вырастают» из этих «корней» соответствующие системы.

1) Гносеологические источники идеализма в качестве своего важнейшего момента включают в себя искаженное понимание познавательного процесса, его определенного элемента (момент «б», см. стр. 29). Гносеологические корни материализма в качестве своего общего необходимого момента не содержат суждения о соответствующем звене познавательного процесса, являясь самим этим объективным звеном. Они находятся в иной плоскости, чем теоретико-познавательные источники идеализма, и не могут по своей природе представлять собою искажения.

2) Гносеологические корни идеализма суть всегда особые проявления метафизики.

Гносеологические источники материализма метафизичными сами по себе быть не могут, хотя и предоставляют, будучи опосредованы внутренними логическими условиями развития науки и философии, на определенном этапе возможность для господства метафизического метода.

3) Гносеологические корни идеализма составляют в своем указанном выше (аспект «б») моменте непосредственное содержание самой идеалистической теории или отдельных идеалистических положений.

Теоретико-познавательные корни материализма не составляют содержания материалистических учений.

4) Гносеологические источники идеализма отделены по способу своего существования от классовых корней этого направления.

Гносеологический источник материализма непосредственно примыкает к социальным, классовым корням этой философии, составляя в определенном отношении сторону последних. Частичное совпадение объемов понятий гносеологических и классовых корней материализма и является, возможно, одной

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 72.

из причин того, что вопрос о гносеологических корнях материализма в нашей литературе специально не ставится.

5) Гносеологические корни идеализма представляют только возможность возникновения соответствующей теории, которая может остаться вообще не реализованной. Гносеологические корни материализма составляют не только возможность, но и теоретико-познавательную необходимость материализма (хотя бы только в виде тенденций) на всех этапах развития философии и науки. Надо строго различать объективную роль практики в развитии мировоззрения и теоретическое понимание ее гносеологического значения. Теоретически гносеологическая роль практики вскрыта только философией марксизма, и только ею критерий практики сознательно положен в основу теории познания. Здесь гносеологические корни материализма, тем самым, уже непосредственно входят в содержание философской теории. Объективно же, не будучи осознана в этой своей роли, практика всегда являлась основой материалистических взглядов. В известном высказывании В. И. Ленина — «Точка зрения жизни, практика должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской схоластики»⁵ — понятие «точка зрения практики» охватывает как значение теоретического осознания практики, так и значение фактической роли практики как объективного процесса. Это подтверждается, в частности, тем, что в контексте эти слова В. И. Ленина непосредственно относятся к философии Л. Фейербаха, о котором В. И. Ленин только что заметил, что он «берет учет всей совокупности человеческой практики в основу теории познания.»⁶ Очевидно, В. И. Ленин имеет здесь в виду, что великий материалист исходит из практики фактически, объективно; субъективно, теоретически Фейербах не понимал значения основных сторон практики — производственной деятельности и классовой борьбы.

Практика⁷ — конечный и неистребимый генератор материалистических взглядов, порождающий прежде всего «ту стихийно, бессознательно материалистическую точку зрения, на которой стоит человечество, принимая существование внешнего мира независимо от нашего сознания»⁸, «которая сознательно кладется материализмом в основу его теории познания.»⁹ Эту сти-

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 130.

⁶ Там же, стр. 129.

⁷ Мы имеем здесь в виду определенный нами выше аспект практики. Поэтому это не исключает того, что практика в ее широком значении общественной жизни вообще порождает на определенном этапе также необходимо и идеализм, и религию, являясь, по выражению Маркса, сущностью последних (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. 1, стр. 410—412).

⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 49.

⁹ Там же, стр. 58.

хийно-материалистическую точку зрения, вырастающую непосредственно из повседневной практики человека, необычайно ярко выразил еще Аристотель, противопоставляя ее субъективно-идеалистическим взглядам: «...на самом деле подобных взглядов не держится никто — ни среди всех других людей, ни среди тех, которые выставляют это положение. Действительно, почему такой человек идет в Мегару, а не остается в покое, когда он думает (туда) идти? И почему он прямо утром не направляется в колодезь или в пропасть, если случится, но очевидным образом проявляет осторожность...»¹⁰

Материалистическая философия полностью соответствует этой наивно-материалистической точке зрения и дает ей развитое теоретическое обоснование. В тех случаях, когда это обоснование отсутствует, философия идеализма подавляет указанную точку зрения. Однако идеализм в состоянии только временно заглушить этот зародыш материалистических воззрений, не будучи в состоянии его уничтожить, как не может он уничтожить и самой практической деятельности человека. Поэтому сознание самих носителей идеалистической идеологии обычно скрывает в себе непримиримое внутреннее противоречие.

Практическая деятельность реакционных классов, в целом выступая в качестве социального источника идеалистических теорий, сохраняет все же ограниченную тенденцию порождения материалистических взглядов. При наличии определенного сочетания политических, идеологических и психологических условий эта возможность реализуется в виде материалистических учений отдельных выразителей интересов реакционных классов (напр., Гераклит, Гоббс, Болингброк). Гораздо чаще эта тенденция проявляется как непоследовательность представителей идеализма, вынужденных принимать отдельные материалистические положения. Это противоречие внутри общественного сознания основного реакционного класса современности — буржуазии — не исчезло и в наши дни. С одной стороны, в связи со все ускоряющимся процессом глубокого упадка и разложения мировой капиталистической системы идеологи буржуазии хватаются за самые реакционные формы идеализма, ставшие господствующими в их философии. С другой стороны, современная буржуазная философия испытывает влияние огромного роста идейного авторитета естественных наук. В последних же постоянно поддерживается, в первую очередь, наблюдением и экспериментом, как формами практики, весьма сильная тенденция материализма. Одновременно с ростом реакционности современной буржуазной философии в ней не исчезает оппозиция идеализму. Последняя продолжает существовать, как пишет М. Корнфорт, «потому, что ее постоянно подкрепляет как влияние науки, так и влияние сознания простых людей. Оба

---

¹⁰ Аристотель, *Метафизика*, М.-Л., Соцэргиз, 1934, стр. 68.

Эти влияния не могут не отразиться в философии. Как бы часто и как бы громко некоторые философы ни проповедовали идеалистические теории, наука и опыт продолжают им противодействовать».¹¹

Краткое рассмотрение вопроса гносеологических основ материализма показывает, что именно материализм, а не идеализм, отвечает природе объективного познания человека. Корни материализма в самом познании гораздо глубже, чем корни идеалистической философии, и носят непреходящий характер. Идеализм — патологическая аномалия, хотя и вполне закономерная при определенных исторических условиях, в развитии познания. Материализм — проявление здоровья человеческого духа, выражение, в конечном счете, связи познания с преобразующей мир практической деятельностью. Великое преимущество марксистской философии в этом отношении состоит в том, что в ней впервые осознаны гносеологические источники материализма и их правильное теоретическое выражение сознательно положено в основу теории познания.

---

¹¹ Корнфорт, Противники идеализма в современной английской буржуазной философии. «Вопросы философии», 1955, № 4, стр. 96.

О РАЗЛИЧЕНИИ КАТЕГОРИЙ «ОСНОВНОГО» И «ГЛАВНОГО» ПРОТИВОРЕЧИЙ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Р. Н. Блюм

Не подлежит сомнению важность вопроса о точном определении и различении философских категорий, о правильном использовании философской терминологии. Создание новых и уточнение имеющихся философских категорий характеризует углубление познания человеком объективной действительности, более полное понимание различных ее сторон.

Учитывая особое значение закона единства и борьбы противоположностей в системе марксистско-ленинской философии, необходимо особенно строго определять все категории, понятия и термины, связанные с этим законом. Но как раз здесь дело обстоит далеко не благополучно. Достаточно вспомнить «недоразумения», возникавшие у некоторых советских философов, по поводу понятий «единства» и «борьбы» противоположностей.

Отсутствует строгость и в употреблении категорий *основного* и *главного* противоречий. Часто эти категории отождествляются. Так, в курсе лекций И. Д. Панцхава «Диалектический материализм» указывается на необходимость выделения основных противоречий среди разнообразных связей и взаимозависимостей, но абзацем ниже эти противоречия характеризуются уже как главные.¹ В учебном пособии «Основы марксистской философии» хотя и различаются основное и главное противоречия, но не показывается их соотношение и связь.² Эти примеры можно во много раз увеличить.

В то же время в литературе неоднократно указывалось на необходимость различать основное и главное противоречия. Отметим хотя бы известную работу Мао Цзэ-дуна «Относитель-

¹ И. Д. Панцхава, Диалектический материализм, Учпедгиз, М., 1958, стр. 201.

² Основы марксистской философии, Госполитиздат, М., 1958, стр. 279—280.

но противоречия»,³ в «Вопросах философии» об этом писал Ф. Т. Криворучко.⁴

Попытаемся обосновать необходимость различения категорий «основное» и «главное» противоречие. Как можно определить эти категории? *Основное* противоречие — это такое противоречие, которое определяет самую глубокую сущность данного процесса, обуславливает качество этого процесса как органического целого. Признаки его: 1) оно существует с самого начала процесса до конца его; 2) оно является движущей силой, основным источником развития; 3) оно всегда — внутреннее противоречие; 4) оно оказывает сильное влияние на все противоречия, связанные с данным процессом; 5) оно является противоречием сущности, основания явлений.

Главное противоречие — это противоречие, которое на определенном этапе процесса развития выступает как ведущее и решающее. Признаки его: 1) оно существует лишь на одном этапе развития; разрешение этого противоречия означает переход к следующему этапу, т. е. к появлению нового главного противоречия; 2) при одном основном противоречии могут быть различные (разновременные существующие) главные противоречия; 3) оно может быть как внутренним, так и внешним по отношению к данному процессу; 4) разрешение главного противоречия создает условия для разрешения основного.

Рассмотрим возможные возражения, направленные против различения основного и главного противоречий.

Обратимся сначала к терминологии. На первый взгляд кажется, что в языке слова «основное» и «главное» обозначают одно и то же, что они выступают как синонимы. Заглянем в толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. Мы найдем там два значения слова «основной». Во-первых, — наиболее важный, главный, существенный и, во-вторых, суть дела, главное содержание. Первое значение совпадает со значением слова «главный», второе — нет. Если же рассмотреть этимологию слова «основной», то она связана с «основой», «основанием», равными по значению с латинским «fundamentum», и восходит к основным нитям в ткани, на которых держится вся ткань. Следовательно, «основное» и по своему определяющему значению, и по своему происхождению обозначает, почти всегда, глубокую сущность предмета, основу его содержания, т. е. как раз то, что входит в определение *основного* противоречия. В других языках такая же картина. В немецком различаются *der Grund* (*grundlegend*) и *das Haupt* (*hauptsächlich*), в английском *basic* и *main*, в венгерском *alap* и *fő*, в чешском *základní* и *hlavní*, в эстонском *põhiline* и *peamine*. Таким образом, язык в данном случае довольно точно отражает те сложные

³ Мао Цзе-дун, Избранные произведения, т. 2, стр. 412, 443.

⁴ Ф. Т. Криворучко, Об основном и главном противоречиях коммунистической формации. «Вопросы философии», 1957, № 4, стр. 173—176.

структурные связи различной глубины, которые существуют в каждом процессе в ходе его развертывания.

Но, может быть, нет смысла говорить о двух видах противоречий, когда в каждый данный момент и основным, и главным *практически* является одно, за разрешение которого и идет борьба? Разумеется, при определении, какое противоречие нужно считать главным, а какое основным, необходимо учитывать диалектический принцип конкретности истины, ибо то, что выступает в одном отношении как основное или же главное противоречие, в другом отношении таковым не является. Это — аксиома. В то же время в мире нет и не может быть абсолютно изолированных процессов и связей. Во всяком данном процессе имеются основные связи и второстепенные, остатки прошлых и ростки будущих связей. Поэтому в таком процессе следует обязательно учитывать взаимодействия противоречий различной глубины, противоречий сущностей разных порядков, учитывать влияние основной связи процесса (основного противоречия) на все явления, к нему относящиеся.

Несомненно, что категория основного противоречия тесно связана с категорией «основания». Выше уже отмечалось существование даже словесной связи между ними. При этом следует различать внутреннее и внешнее основание. «Явление может иметь разные внешние основания, но внутреннее основание оно имеет только одно... Внутреннее определяющее основание самодвижущего предмета одно, внешние же основания являются условиями развития данного предмета».⁵ Основное противоречие — это противоречие именно внутреннего основания, так как «внутреннее основание, по существу, это единство противоположностей...»⁶ В то же время надо подчеркнуть тесную связь категорий основания и сущности. «Основание есть сущность, положенная как целостность».⁷ Итак, основное противоречие не только противоречие внутреннего основания, но и одновременно противоречие самой глубокой сущности процесса, которая определяет все главные и существенные стороны его как единого целого.

Здесь же следует указать на связь категории основного противоречия с категорией основного закона. Всякий закон представляет собой отношение, следовательно, характеризует также противоречия, которые заключены в этом отношении, является формой выражения противоречий. Поскольку «основной закон выражает собою сущность, т. е. единство, целостность сущест-

---

⁵ С. Б. Церетели, О природе связи основания и следствия. «Вопросы философии», 1957, № 1, стр. 96.

⁶ Там же, стр. 101.

⁷ Гегель, Соч., т. 1, стр. 207. См. об этом также у В. П. Тугаринова, Соотношение категорий диалектического материализма, Издательство ЛГУ, 1956, стр. 80—82.

венных отношений»,⁸ постольку он связан с основным противоречием процесса, основным законом которого он является. На эту связь указывали участники дискуссии о противоречиях в социалистическом обществе на страницах журнала «Вопросы философии» в 1955—1958 гг.⁹

Основное противоречие общества, естественно, следует искать в способе производства материальных благ, в противоречии между производительными силами и производственными отношениями. Конечно, в каждой общественно-экономической формации оно принимает специфический вид. Р. П. Корниевский отмечает следующие черты основного противоречия общественного развития: конкретное выражение противоречия между производительными силами и производственными отношениями, непосредственная и неразрывная связь его с основным экономическим законом, решающая роль в совокупности всех специфических противоречий данного общественного строя, выполнение роли основного источника развития данного способа производства от его зарождения до гибели.¹⁰

В настоящее время, когда сосуществуют два общественно-экономических строя — социалистический и капиталистический, наряду с основными противоречиями каждого из них, имеет место основное противоречие всей современной эпохи. Для определения этого противоречия берется более широкий круг явлений, чем функционирование только одной общественно-экономической формации. Основное противоречие современной эпохи вытекает из ее основного содержания, которое характеризуется переходом от капитализма к социализму, борьбой двух общественных систем, торжеством социализма и коммунизма во всемирном масштабе. Нам нет необходимости характеризовать это противоречие — оно достаточно хорошо проанализировано в ряде статей, опубликованных в журналах после появления Заявления Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Укажем только, что по нашему мнению прав Л. В. Скворцов, когда он пишет: «В настоящее время основное противоречие эпохи проявляется в двух главных формах: с одной стороны, продолжает существовать и развиваться антагонизм между рабочим классом и монополистической буржуазией в капиталистических странах, а с другой стороны, возникло противоречие между лагерем социализма и лагерем империализма».¹¹ Обе эти формы подробно анализируются в проекте Программы КПСС.

Наличие основного противоречия не исключает того, что на

⁸ В. П. Тугаринов, Законы объективного мира, их познание и использование, Издательство ЛГУ, 1955, стр. 45.

⁹ См., например, О. Г. Юровицкий, «Вопросы философии», 1957, № 6.

¹⁰ Р. П. Корниевский, К вопросу о категории основного противоречия при социализме. «Вопросы философии», 1958, № 2, стр. 130.

¹¹ Л. В. Скворцов, Основное противоречие современной эпохи и пути его разрешения, «Философские науки», 1961, № 1, стр. 4.

определенных этапах его развития мы можем говорить о существовании главных противоречий. По-видимому, различие основного и главного противоречий в общественном развитии правомерно и даже необходимо по крайней мере в следующих трех случаях.

1) Во всяком процессе всегда имеют место как внутренние, так и внешние противоречия. Известно, что внутренние противоречия являются источником, а внешние противоречия условием каждого процесса. Признание решающей роли внутренних противоречий в развитии отнюдь не означает отрицания значения внешних противоречий. Будучи условиями процесса развития, внешние противоречия определяют скорость протекания его, влияют на его характер и содержание, причем внешние противоречия могут оказать как положительное (способствующее прогрессивному развитию), так и отрицательное (задерживающее прогрессивное развитие или способствующее регрессу) воздействие.

Влияние внешних противоречий на процесс развития имеет определенную меру, выход за пределы которой приводит к резким нарушениям хода этого процесса или к его прекращению. Слишком отрицательные внешние условия резко замедляют или останавливают развитие, слишком положительные — либо также замедляют развитие (в этом случае положительное переходит в отрицательное), либо меняют внутреннюю качественную структуру явления.

Как известно, основной критерий общественного развития следует искать в развитии производительных сил. Поэтому оценивать положительные или отрицательные внешние условия для данного общественного организма надо именно с позиций этого критерия (причем надо брать общественный организм в целом, а не отдельные его части).

Сделанные предварительные замечания позволяют установить, когда внешнее противоречие становится главным противоречием. Главным противоречием оно является в том случае, если указанная выше мера нарушается, если в результате воздействия главного противоречия существенно замедляется обычный процесс развития производительных сил. Типичным примером такого случая может служить влияние войны на внутреннее развитие ее активных участников. В период Великой Отечественной войны 1941—45 гг. главным противоречием нашего развития стало противоречие между советским народом и фашизмом. На разрешение этого противоречия были направлены все силы и ресурсы Советского государства, это противоречие определяло в течение всей войны жизнь каждого советского человека, оно стояло во главе всех других проблем. Хорошо известно также насколько замедлила война развитие производительных сил, наше движение к коммунизму. В то же время основное противоречие — противоречие, характеризую-

шее сущность социалистического строя, его качество, — продолжало существовать. И можно ли отрицать его влияние на разрешение главного противоречия в период войны?

2) Процесс развития с неизбежностью предполагает наличие в нем элементов прошлого, настоящего и будущего. В каждом явлении, наряду с основной связью, определяющей его качество, имеются связи, оставшиеся от генетически предшествующих явлений. Причем этих переходящих связей тем больше, чем менее резким и основательным был переход от старого качества к новому. Следовательно, «чистых» процессов быть не может. Это особенно хорошо видно в общественной жизни. Каждая новая общественно-экономическая формация, вырастая на базе предшествующей, несет на себе «родимые пятна» старого общества, особенно заметные на ее начальных этапах. Чтобы дать правильную оценку общественных явлений, необходим строгий учет всех связей, существующих в них. Это подчеркивал В. И. Ленин в своем докладе о партийной программе на VIII съезде РКП(б).¹²

На ранних этапах развития качественно нового общественного процесса противоречия, оставшиеся от старого общества, могут выступать как главные противоречия. По-видимому, это происходит тогда, когда переход к новому качеству совершается не путем социальной революции а путем реформы.¹³ Реформа в антагонистических обществах оставляет в неприкосновенности целый ряд старых отношений, которые представляют собою болезненные наросты на молодом организме. Без их решительной ликвидации развитие идет болезненно, уродливо, застойно. Насущной, главной задачей прогрессивных сил становится разрешение противоречия, оставшегося от старого общества. Оно в таком случае и выступает как *главное* противоречие начального этапа нового процесса.

Эти положения становятся совершенно ясными при анализе процесса перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Перерастание возможно при условии, когда наряду с основным противоречием капитализма, которое достигло известной степени зрелости, существует противоречие, оставшееся от эпохи феодализма. В тех странах, где либо не совершились, либо не были завершены буржуазно-демократические революции, основное противоречие капиталистического способа производства как бы окутано густой сетью противоречий, унаследованных еще от феодальной общественно-экономической формации. В этих условиях главным противоречием является противоречие между производительными силами и феодальными или полуфеодальными производственными отноше-

¹² См. В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 144—149.

¹³ Реформа может в определенных условиях выступать как форма скачка. См. об этом Г. Лем, О переходе от старого качества к новому в общественном развитии, Госполитиздат, 1958, М., стр. 52—69.

ниями. Необходимой предпосылкой дальнейшего прогрессивного развития страны, непосредственной задачей дня, объединяющей вокруг себя массы народа, становится разрешение этого противоречия. Поэтому-то оно и характеризуется как главное. Классическим примером борьбы за разрешение подобного главного противоречия является революция 1905—07 гг. в России.

3) Рассмотренные выше случаи имеют общую черту — главное противоречие выступает как противоречие процесса, отличного от круга явлений определяемых основным противоречием. Следует далее указать и на другую возможность развития главного и основного противоречий на этот раз внутри определенной структуры, среди элементов, охватываемых этой структурой. «Очевидно, что любое явление и процесс образованы, состоят из соответствующих элементов, и эти элементы, будучи соединены, связаны между собой соответствующим образом, только и могут в совокупности создать данное явление или данный процесс».¹⁴

Связи между элементами в общей структуре могут играть различную роль. Например, в производственных отношениях отношения собственности играют другую роль, чем отношения обмена или распределения. Понятно, что отношения собственности и выступают как основная связь содержания, которая и характеризуется как основное противоречие. Другие связи и стороны содержания являются производственными, неосновными.

Эти производные, неосновные связи в известных обстоятельствах могут стать главными противоречиями для данной структуры. Какие же это обстоятельства? Самый общий ответ на этот вопрос будет, по нашему мнению, сводиться к следующему: противоречие становится главным тогда, когда в определенной объективной ситуации от его разрешения зависит создание необходимых условий для решения основного противоречия.

Конечно, возможность выполнения какой-либо связью роли главного противоречия зависит от места этой связи в общей структуре. Это должна быть не рядовая связь, а в известной мере узел связей, фокус, где пересекаются различные отношения. Понятно, что при развитии процесса эту роль выполнять различные связи, в зависимости от тех изменений, которые произошли внутри структуры. Так, например, в современных условиях от решения противоречий, связанных с самой жгучей проблемой нашего времени — проблемой войны и мира, — зависит в значительной степени ускорение темпа исторического прогресса, создание благоприятной обстановки для осуществления важнейших задач общественного развития. «Политика мирного сосуществования отвечает коренным интересам всех народов, всех, кто не хочет новых кровопролитных войн и добивается прочного мира. Эта политика способствует укреплению

---

¹⁴ В. И. Свидерский, Противоречивость движения и ее проявления, Издательство Ленинградского университета, 1959, стр. 44.

нию позиций социализма, росту престижа и международного влияния социалистических стран, повышает авторитет и влияние коммунистических партий в капиталистических странах. Мир — верный союзник социализма, ибо время работает на социализм, против капитализма... В условиях мирного сосуществования создаются благоприятные возможности для развертывания классовой борьбы в капиталистических странах, национально-освободительного движения народов колониальных и зависимых стран».¹⁵ Другим примером такого главного противоречия является, охарактеризованное в проекте Программы КПСС, противоречие между народными массами и капиталистическими монополиями. «Основной удар рабочий класс направляет против капиталистических монополий. В ликвидации всевластия монополий кровно заинтересованы все основные слои нации. Это позволяет соединить все демократические движения, выступающие против гнета финансовой олигархии, в один могучий *антимонополистический поток*»¹⁶.

Для марксистской партии чрезвычайно важно на каждом этапе общественного развития уметь найти главное противоречие, на решение которого надо направить все силы. Это требование достаточно ясно выражено в ленинском учении об основном звене в исторической цепи явлений. «Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену...»¹⁷. Особое звено цепи — эта та главная в каждый определенный период связь (противоречие), тот узел, где пересекаются различные отношения.

В политическом отчете ЦК РКП(б) на XI съезде В. И. Ленин приводит ряд примеров умелого использования большевистской партией тактики сосредоточивания усилий на разрешении главной задачи, «гвоздя положения», правильного выбора основного звена в цепи событий. В 1917 г. таким «гвоздем» был выход из войны, в 1919—20 гг. — военный отпор интервентам и белогвардейцам, в 1921 г. — отступление в порядке, в 1922 г. — подбор людей.¹⁸ Хорошо видно, что разрешение всех этих задач облегчало решение основного противоречия переходного периода от капитализма к социализму, ускоряло темп социалистического строительства. Встает вопрос, правомерно ли указанные выше звенья цепи, эти важнейшие задачи называть главными противоречиями? Называя эти задачи, В. И. Ленин не формулирует их как противоречия. Они скорее выступают как ме-

¹⁵ Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. «Проблемы мира и социализма», 1960, № 12, стр. 16.

¹⁶ Проект Программы Коммунистической партии Советского Союза. «Коммунист», 1961, № 11, стр. 22.

¹⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 244.

¹⁸ См. В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 44.

тоды разрешения противоречия. Но совершенно несомненна связь методов разрешения с самими противоречиями. Поэтому, несколько нарушая строгость, можно охарактеризовать комплекс явлений, объединенных названием «звено цепи», главным противоречием. Так, задача подбора кадров, выдвинутая В. И. Лениным на XI съезде РКП(б), была методом, способом разрешения противоречия между необходимостью кропотливой организационной работы и существенным недостатком кадров.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС в 1953 г. вскрыл причины диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством и наметил пути ее преодоления. «Пленум ЦК указал, что самая насущная, важнейшая народнохозяйственная задача на данном этапе состоит в том, чтобы, продолжая всемерно развивать тяжелую индустрию, добиться крутого подъема всех отраслей сельского хозяйства».¹⁹ Противоречие между развитием промышленности и сельского хозяйства является главным противоречием развития социалистического общества на современном этапе. Это было подтверждено и на январском (1961 г.) Пленуме ЦК КПСС. Разрешение этого противоречия откроет пути для более быстрого темпа строительства коммунизма в нашей стране, для разрешения основного противоречия периода перерастания социализма в коммунизм.

Из приведенных примеров можно сделать вывод, что главными противоречиями внутри развивающейся структуры чаще всего бывают противоречия между теми элементами, которые по каким-то причинам оказывают отрицательное (в вышеуказанном смысле слова) влияние на процесс развития.

Возможен и другой аспект в определении главного противоречия. Оно может рассматриваться как противоречие конкретного этапа движения основного противоречия. В этом случае главное противоречие будет выступать как конкретное *проявление* основного противоречия, т. е. по сути дела совпадать с ним. Например, осуществление политики индустриализации и коллективизации как последовательные этапы в строительстве социализма в нашей стране. Или противоречие между пролетариатом и буржуазией непосредственно перед социалистической революцией — оно должно рассматриваться как конкретное проявление основного противоречия капитализма.

Остановимся коротко на практическом значении строгого различения основного и главного противоречий. Может показаться, что это различие только диалектическая тонкость, теоретический нюанс. На самом деле это не так. Различение этих категорий имеет большое практическое значение в политической деятельности и вообще в общественной жизни. Забвение этого различия может принести большой вред. Так, игнорирование глав-

¹⁹ История Коммунистической партии Советского Союза, М., 1959. стр. 631.

ных противоречий, выступающих на различных этапах процесса развития, приводит к сектантству, к перепрыгиванию через неизжившие себя стадии движения во имя быстрейшего достижения конечной цели (разрешение основного противоречия). С другой стороны, игнорирование основного противоречия является типичным для различных ревизионистских течений, перепевающих известный тезис Э. Бернштейна «движение — все, конечная цель — ничто». Одним из главных тезисов современного ревизионизма является отрицание противоречия между капитализмом и социализмом как основного противоречия наших дней.

Но отрицать влияние основного противоречия современной эпохи на все без исключения социально-политические процессы во всех частях мира могут лишь политические невежды или сознательные фальсификаторы. Каждый день приносит нам все новые и новые подтверждения того, что все социальные изменения, которые для развития каждой страны выступают как главные противоречия, испытывают большее или меньшее влияние этого основного противоречия. «Главная отличительная черта нашего времени состоит в том, что мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества».²⁰

В статье рассмотрен лишь один аспект проблемы основного и главного противоречия. Значение этой проблемы для анализа процесса перерастания демократической революции в социалистическую был освещен нами ранее.²⁰ Понятно, что вопрос о связи и взаимодействии основного и главного противоречий имеет еще много сторон, которые требуют специального рассмотрения.

²⁰ Н. С. Хрущев, За новые победы мирового коммунистического движения. «Проблемы мира и социализма», 1961, № 1, стр. 5.

²¹ См. Р. Блюм, Философские вопросы ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Уч. зап. Тартуского гос. университета, Труды по философии к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина, вып. 89.

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ КАТЕГОРИЙ «СУЩНОСТЬ» И «ЯВЛЕНИЕ»

Т. Лойт

В системе категорий материалистической диалектики важное место принадлежит паре категорий «сущность» и «явление». Без преувеличения можно сказать, что данные категории являются не простыми, «рядовыми» членами цепи философских категорий, но имеют большое значение для философской системы в целом. Это обстоятельство обусловлено тем, что категории «сущность» и «явление» непосредственно связаны с основным вопросом философии, с его онтологической и гносеологической стороной. В конечном итоге основной вопрос философии и представляет собой вопрос о сущности, об основе существования окружающего человека мира и самого человека. В силу этого теоретическая борьба в области проблем сущности и явления представляет собой мировоззренческую борьбу вокруг основного вопроса философии.

Понимание категорий «явление» и «сущность» является водоразделом не только между материалистическим и идеалистическим мировоззрениями, но в то же время играет важную роль в осмыслении общего характера человеческого познания, в оценке его роли, средств и целей. При этом эти два аспекта — онтологический и гносеологический — проблематики сущности и явления теснейшим образом переплетаются, переходят друг в друга. Их нельзя разрывать. Данное обстоятельство является одной из самых характерных особенностей категорий «сущность» и «явление».

Однако, несмотря на важность категорий «сущность» и «явление», в нашей философской литературе, как в учебной, так и в научной, они исследованы крайне недостаточно. Определения, даваемые рассматриваемым категориям, обычно нечетки, расплывчаты и противоречивы. Нередко определения «сущности» и «явления» совпадают с определениями таких тесно с ними смыкающихся категорий, как «содержание», «форма» и «качество» (например, в книге «Основы марксистской философии», М., 1958). Кроме того, большинство авторов, пишущих о сущности и явлении, хотя и отмечают, что в марксистской философии дан-

ные категории представляют собой выражения определенных сторон объективной действительности, часто сводят проблематику сущности и явления к гносеологии. За исключением некоторых отдельных работ, из которых прежде всего надо отметить «Соотношение категорий диалектического материализма» В. П. Тугаринова (1956), книгу М. Н. Руткевича «Диалектический материализм» (1959) и особенно статью болгарского философа Е. Христовы «О природе категорий «явление» и «сущность»» (в журнале «Философска мисъл», № 1, 1959), где в известной мере «сущность» и «явление» рассматриваются также с онтологической стороны, в большинстве случаев данные категории анализируются лишь как ступеньки, узлы процесса познания.

Настоящая статья не ставит целью всесторонний анализ категорий «сущность» и «явление», ограничиваясь попыткой осветить некоторые важные моменты их определения.

Проблематика, связанная с категориями «сущность» и «явление», многогранна. Возникла она потому, что человек воспринимает окружающий его мир в двух различных формах, или, может быть, точнее сказать, что мир выступает перед познающим человеком как бы в двух различных видах: с одной стороны, как окружающий нас многосторонний мир индивидуализированных конкретных предметов, вещей, процессов и событий, отражаемый в виде непосредственных чувственных восприятий и представлений, и, с другой стороны, как тот же самый мир в его общих основах, классах, родах и закономерностях, познающихся в виде абстрактных общих понятий, категорий, принципов и т. д. При этом обобщение и классификация первоначально данного конкретного и многообразного индивидуализированного чувственного материала в абстрактных понятиях и категориях — продвижение от непосредственного бытия, издавна называемого явлением, к внутреннему, опосредованному бытию, к сущности — представляет собой важный и притом специфический момент как исторического, так и логического развития человеческого познания. Этим путем разум человека открывает перед собой основы и закономерности существования мира и самого себя.

Отсюда и вытекают два главных вопроса, связанных с категориями «сущность» и «явление». Во-первых, в чем истинное бытие мира: в многообразных ли явлениях или в общей сущности, лежащей в их основе? И, во-вторых, что в действительности представляют собой «сущность» и «явление» — стороны объективной реальности или разные сферы проявления сознания, духа?

Эти вопросы представляют собой основной стержень, вокруг которого, начиная с древней философии до сегодняшнего дня, идет борьба в понимании «сущности» и «явления» между метафизикой и идеализмом, с одной стороны, и диалектикой и материализмом, с другой. При этом главным «камнем преткновения» для всякого рода метафизических концепций в рассматриваемой

проблеме является противоречивость явления и сущности. На метафизическом истолковании противоречивого характера рассматриваемых категорий прежде всего спекулирует современная идеалистическая философия.

Свойственная категориям сущности и явления глубокая противоречивость обнаруживается уже в древней философии во взглядах Демокрита. По философии Демокрита истинной сущностью мира являются атомы и пустота. С одной стороны, Демокрит в своей философии придерживался мнения, что «... истинное и являющееся — одно и то же, и что ничем не отличаются истина и чувственное явление, но то, что является и кажется каждому, это и есть истинное...»¹. Таким образом, Демокрит, с одной стороны, рассматривал явление и сущность в их единстве. На этой основе он характеризовал и человеческое познание как единое, или, выражаясь в форме тогдашней терминологии, он «... прямо отождествлял душу и ум»,² душу, к области которой принадлежат чувственные восприятия и представления как являющееся, и ум, познающий истину, истинную основу мира, его сущность.

Но в то же время, с другой стороны, Демокрит отрицает истинность чувственно воспринимаемого явления, утверждая, что ничто не является как истинное, действительное, но зависит от мнения. В действительности существуют только атомы и пустота. По Демокриту, «[Лишь] в общем мнении существует сладкое, в мнении — горькое, в мнении — теплое, в мнении — холодное, в мнении — цвет, в действительности же [существуют только] атомы и пустота».³ Это значит, что явления, как чувственно воспринимаемые, существуют не в действительности, не объективно, но только в мнении людей, т. е. в их субъективном сознании. Поэтому Демокрит и утверждал, что мы не воспринимаем вещи такими, какими они существуют: «На самом же деле мы не знаем ничего, ибо истина скрыта в глубине [лежит на дне морском]»⁴. Отсюда вытекает и известное положение Демокрита, что «ощущения ложны», и он называет их «исполненными тьмы». Известно Демокритово изречение, хорошо передающее суть его взглядов с этой точки зрения: «Остроте мышления зрение мешает».⁵ На этих словах основывается, между прочим, историческая версия, по которой Демокрит сам ослепил себя.

Следовательно, как мы видим, Демокрит разделял явление и сущность, противопоставлял их друг другу как субъективное (гносеологическое) и объективное, действительное. Что Демокрит сам сознавал в какой-то мере эту противоречивость своих взглядов на сущность и явление, показываю его собственные

¹ Материалисты древней Греции, М., 1955, стр. 79.

² Там же, стр. 79.

³ Там же, стр. 76.

⁴ Там же, стр. 76.

⁵ Там же, стр. 77.

слова. Признавая явления, как зависящие только от субъективного мнения, ложными, он устами ощущений говорит: «Жалкий разум, взяв у нас доказательства, ты нас пытаешься ими опровергать! Твоя победа — твое же падение!»⁶ Гален метко отметил эту противоречивость положений Демокрита в качестве слабого места его философии, говоря, что «тому, кто не может сделать ясного начала, как можно доверять, когда он нападает на то, откуда сам взял свои начала?»⁷

С тех пор до наших дней метафизическая философия запутывается в противоречивости сущности и явления. Как и всегда, метафизика и в данном случае не понимает единства противоположностей, их взаимообусловленности и взаимопроникновения. Она абсолютизирует одну сторону противоречия, полностью исключая другую.

Так, уже в древней философии были положены основы теории, которая, исходя из установки, что (по словам Демокрита) «истинное и являющееся — одно и то же», отождествляла сущность и явление. Опираясь на то обстоятельство, что явление дано человеку посредством чувственного опыта, представители этой теории рассматривали явление как чисто гносеологическую категорию. Под явлением они понимали ощущения, восприятия и чувственные представления познающего субъекта. Таким образом, одна часть философов через сенсуализм, путем субъективирования явления, шла к субъективному идеализму, по которому все окружающее человека бытие не что иное, как его собственные ощущения, восприятия и т. д. Для таких субъективистских заключений имеется определенная основа в некоторых утверждениях Демокрита, которые уже в древней философии подняла на щит софистическая философия (Протагор и другие), и которая в XVIII веке выкристаллизовалась ясно выраженным субъективным идеализмом и агностицизмом в учении Д. Юма.

Данную линию в вопросе сущности и явления в наше время продолжают разные виды субъективного идеализма буржуазной философии, в том числе неопозитивизм. Для неопозитивизма в общем характерно отождествление философии (и вообще науки) с теорией познания, и эту последнюю неопозитивизм сводит лишь к анализу знаний, понимаемых как наш субъективный опыт. Если раньше наука была системой получения знания о реальном внешнем мире, — утверждает известный английский биолог, в философии неопозитивист Г. С. Картер, — то «сейчас мы можем считать ее анализом и синтезом нашего опыта».⁸

С этой точки зрения неопозитивизм подходит и к категориям «сущность» и «явление». В своем капитальном труде «История западной философии» Б. Рассель пишет, что «сущ-

⁶ Там же, стр. 78.

⁷ Там же, стр. 77.

⁸ G. S. Carter, A Hundred Years of Evolution, London, 1957, стр. 25.

ность» — это «безнадежно сбивающее с толку понятие». По Расселю выходит, что в действительности вопрос о сущности «есть вопрос о том, как употреблять слова». ¹⁰ Таким образом у Расселя философская проблема о сущности мира и его явлений сводится к чисто лингвистическому вопросу, поскольку, как он говорит, «слово может иметь сущность, но вещь — не может». ¹¹ По Расселю, когда мы говорим: «Я вижу стол», то тогда мы не выражаем в словах факта отражения в нашем познании вне его, независимо от познания объективно существующего предмета, но, как пишет Рассель, «здесь «я» и «стол» являются логически конструкциями», которые выражают психический объект восприятия. И дальше: «Психический объект восприятия — это именно явление, он не бывает ни истинным, ни ложным. Заполненный словами, он есть суждение, и способен быть истинным или ложным». ¹² Таким образом, мир по Расселю конструируется заполнением субъективных явлений, ощущений, восприятий и т. д., логическими суждениями в виде предложений.

Тем же путем истолкования явления не как определенной стороны объективных предметов, процессов и т. п., которая вызывает в нашем опытном познании ощущения, восприятия и т. д., а как чего-то содержащегося в наших ощущениях и восприятиях в развитии философии образовалась и другая форма агностицизма, связанная прежде всего с именем И. Канта.

Как известно, Кант в своей философии, с одной стороны, признавал, что как внутренний, так и внешний опыт человека обусловлен внешними объектами, т. е. объективно существующими телами и их изменениями (движением). По Канту, последние не могли бы быть объектом опыта, если не существовало бы ничего постоянного, устойчивого.

Но в то же время из обстоятельства, что движение вещей и предметов непосредственно дано нам посредством чувственного познания, Кант делает заключение, что источником явления как объекта познания являются наши чувства. Для Канта явление непременно связано с тем, кому и как оно является. Поэтому у Канта явление означает и чувственные представления, восприятия и ощущения познающего субъекта. По Канту, предметы, которые не являются (т. е. которые не даны как чувственные представления), вообще непознаваемы. Общая постоянная основа изменяющихся, движущихся явлений как их сущность есть по Канту «вещь в себе», которая остается для человеческого рассудка принципиально непознаваемой. У Канта сущность вещей и предметов как «вещь в себе» имеет для «чистого

⁹ Б. Рассел, История западной философии, И.-Л., М., 1959, стр. 221.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 222.

¹² Там же, стр. 174.

разума» только отрицательное значение. Сущность, «вещь в себе» полностью отделена от явления. Она представляет собой границу познавательных способностей разума, «трансцендентальную идею», к которой человеческий разум стремится, но которой он никогда не достигнет. Отсюда агностицизм Канта и подчинение «чистого разума» так называемому «практическому разуму», для которого сущность имеет положительную ценность в виде религиозного или морального принципа.

Кантовское понимание соотношений явления и сущности, его агностицизм широко используются в наше время философствующими церковными теоретиками для «доказательства» догм религии. Типичным примером этого являются рассуждения тюбингенского профессора теологии К. Гейма в книге «Преобразование научного миропонимания». В наше время церковники не могут огульно отрицать значение науки, чтобы не очутиться в прямом противоречии с фактами прогресса человеческого разума и практикой человеческого творчества. Так и Гейм прямо не отрицает достижений науки в изучении природы. Но, по Гейму, вся жизнедеятельность человека, в том числе его познание, «раз и навсегда связана с его телом», и поэтому познающий человек похож «на заключенного, приговоренного на всю жизнь в обособленную тюремную камеру»,¹³ для которого данные познания есть лишь «стук по стенам камеры».¹⁴ Из-за этого, по Гейму, никакие достижения познания — проникает ли человек при помощи мощных телескопов в невероятно далекие глубины универсума или посредством электронных микроскопов — в еще неизведанные области мира молекул — не означают большего, чем «стук» в стены тюрьмы. Это все — познание чисто внешнего явления, но не действительной основы — сущности данных процессов, предметов и т. д. Гейм, как и в свое время Кант, делает заключение, что единственным результатом деятельности человеческого разума является познание своей принципиальной неспособности понимания сущности мира.¹⁵ Гейм сравнивает разум познающего человека с глухим в концертном зале, который видит гармонические движения музыкантов (видит как играют), но для которого остается скрытой «более глубокая основа этих гармонических движений».¹⁶ По Гейму «только живой Бог Сам может снять повязку с моих глаз и, встречая меня», поможет найти в нем сущность мира и всех его вещей.¹⁷ Гейм прямо пишет, что только «чистая вера» может открыть человеку истинную основу мира, его сущность.¹⁸

¹³ К. Heim, The Transformation of the Scientific World View, New York, 1953, стр. 247.

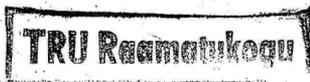
¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 200—205.

¹⁶ Там же, стр. 243.

¹⁷ Там же, стр. 117.

¹⁸ Там же, стр. 31.

Таким образом, метафизическая абсолютизация одной стороны противоречивого характера явления и сущности породила в философии субъективный идеализм и агностицизм.

В то же время на основе противоречивости сущности и явления возникла вторая метафизическая теория, которая своими корнями тоже уходит в древнюю философию. Именно, придерживаясь точки зрения, по которой, как сказал Демокрит, наши чувства ложны, преисполненные тьмой, одна часть философов утверждает, что посредством чувственного явления человек не может познать истинного бытия вещей. По данной теории, явления — это неистинное бытие, и поэтому и чувственное познание, которым человек воспринимает явление, — ложное, неистинное познание. С этой точки зрения истинное бытие вещей заключается лишь в раскрываемой рациональным логическим мышлением сущности. Отсюда эти философы переходят на позиции объективного идеализма. Именно, рассматривая гносеологическую форму сущности в нашем сознании в виде логических понятий, идей, категорий и т. д. не как отражение общих внутренних связей материального мира явлений в голове человека, но как отдельно от явлений, по ту сторону явлений самостоятельно существующее особое идеальное истинное бытие, и приходят от рационализма к объективному идеализму. Такая трактовка сущности как самостоятельного идеального бытия за явлениями была гносеологической основой философии Платона, по которой «каждая из идей имеет значение сама по себе» и что все другое, «являющееся под ними, от них заимствует и название».¹⁹ По Платону «есть нечто само по себе прекрасное, доброе, великое и иное прочее», прежде чем оно проявляется в телесной материальной форме явления.²⁰

На таких же позициях стоял и другой крупнейший представитель объективного идеализма — Гегель, который, хотя и дал много ценного для понимания диалектики сущности и явления, в конечном итоге рассматривал как явление, так и сущность в качестве чисто логических категорий абсолютной идеи.

Итак, метафизика не в состоянии осмыслить противоречия сущности и явления. Не понимая двойственности рассматриваемых категорий, она абсолютизирует одну из черт сущности и явления и тем самым создает гносеологическую возможность для идеалистических заключений.

Основой диалектико-материалистического разрешения проблем, связанных с категориями «сущность» и «явление», служит рассмотрение их во взаимосвязи, в единстве. Сущность и явление не существуют отдельно, независимо друг от друга, но обуславливают друг друга, переплетаются между собою, переходят друг в друга. Окружающий нас мир есть, как явление,

¹⁹ Сочинения Платона, часть II, СПб, 1863, стр: 122.

²⁰ Там же, стр. 120—121.

так и сущность. Основоположники марксистско-ленинской философии в своих трудах неоднократно подчеркивали эту внутреннюю диалектическую связь сущности и явления. Их высказывания по этому поводу всем хорошо известны, и нет надобности их здесь повторять. Хочется обратить внимание на один существенный момент, который при рассмотрении данной проблемы в нашей философской литературе обычно остается на заднем плане.

Как уже отмечено, рассмотрение категорий «сущность» и «явление» у нас в большинстве случаев сводится к анализу их лишь как ступеней познания. Так и связь и взаимная обусловленность сущности и явления преимущественно изучается с гносеологической стороны. При этом забывается онтологическая сторона данного вопроса. Но она имеет важное значение для определения данных категорий.

Гегель в своей «Энциклопедии философских наук» метко определил сущность, как то, что существует, а существование, — как явление. Это значит, что с диалектической точки зрения каждая вещь, предмет, процесс или событие представляет собой определенную систему взаимосвязей, взаимоотношений. Здесь, с одной стороны, мы имеем дело с определенными связями как основой существования данной системы. Но каждый предмет, вещь и т. д. как конкретная система связей составляет лишь одну часть, один момент всеобщей универсальной связи и обусловленности. Поэтому «существовать» значит — быть не только для себя в своей внутренней основе (т. е. в сущности), но в то же время существовать (быть) и для других, рефлектироваться в других, т. е. существовать в явлениях. «Сущность, — писал Гегель, — как бытие, опосредствующее себя собою через свою же отрицательность, есть соотношение с самим собою, лишь будучи соотношением с другим; это другое, однако, есть не как нечто сущее, а как положенное и опосредствованное. Бытие не исчезло в сущности, но сущность, как простое соотношение с самой собой, есть бытие, и бытие, односторонне определенное как непосредственное, низведено на степень лишь отрицательного бытия, на степень видимости (или отраженного бытия, zu einem Scheine)».²¹ Ту же самую мысль наглядно выразил И. Дицген, говоря, что сущность в виде вещи в себе, отделенной от явлений, находящейся за явлениями, «есть спекулятивная вещь, похожая на лихтенберговский нож без рукоятки и клинка».²²

В абсолютном отделении существующего (сущности) от существования (явления) и заключается главная ошибка кантовского агностицизма. Но агностицизм (в том числе юмовский) допускает еще вторую ошибку, когда он субъективизи-

²¹ Гегель, Энциклопедия философских наук. Соч., т. 1, 1929, § 112, стр. 191.

²² И. Дицген, Избранные сочинения, т. 1, М.-Л., 1931, стр. 34.

рует явление, рассматривая последнее только с гносеологической точки зрения. Конечно, слово «явление» уже само предполагает, что здесь имеется познавательная сторона, ведь явление должно быть воспринято кем-то, кому оно является. Но из этого нельзя сделать вывод, что явление есть чисто субъективный момент познания, что явление есть ощущения, восприятия, чувственные представления, и больше ничего!

С диалектико-материалистической точки зрения, явление необходимо рассматривать в двух аспектах: в онтологическом и гносеологическом. Здесь надо обратить внимание на то обстоятельство, что во многих языках, в том числе и в русском и эстонском языках, слово «явление» употребляется в разных значениях. Во-первых, слово «явление» употребляется в общем, широком смысле для обозначения какого-то конкретного бытия, для обозначения определенной стороны, момента, части и т. д. бытия, когда мы говорим об «явлениях природы», «общественных явлениях» и т. д. В этом значении «явление» есть онтологическая категория для выражения определенного целостного момента объективной действительности (бытия). На эстонском языке, например, категории «явление» в этом аспекте соответствует слово «nähtus». Итак, с одной стороны, категория «явление» есть общее наименование для существования разных вещей, предметов, процессов, событий и т. д. как определенных целостных частей объективного бытия.

Но каждое такое явление (вещь, предмет, процесс) имеет как свою внутреннюю основу существования, так и свои проявления во взаимодействии с другими вещами, предметами, процессами и т. д. (т. е. другими явлениями). Здесь мы и подойдем к другому аспекту, к другому значению слова «явление». В данном случае явление есть одна сторона существования вещей, предметов, процессов и т. д. не как абстрактных «вещей в себе», но как конкретных систем взаимосвязей, которая состоит в проявлении взаимодействия какой-то вещи, предмета, процесса с другой вещью, предметом, процессом. С этой стороны, мир явлений — это окружающая нас действительность в ее движении, в возникновении и исчезновении ее взаимодействий и взаимообусловленностей, где вещи, предметы, процессы и т. д. (явления в первом значении) существуют в соотношениях друг с другом, в соотношениях с другим. Это и есть то непосредственное бытие, которое человеку дано в его чувственно-опытном познании как феномен, как отражение и проявление объективно существующей многообразной действительности в познающем субъекте. Следовательно, категория «явление» в данном аспекте (в эстонском языке «nähtumus», в английском языке часто употребляется для обозначения этого слово «arrangement») имеет две стороны — онтологическую и гносеологическую, которые неразрывно связаны, тесно переплетаются между собою. Явление как феномен — это не просто

субъективная кажимость, но, с одной стороны, самая объективная реальность. Слово «явление» предполагает не только то, кому является, но и то, что является.

Наше чувственно-опытное познание есть непосредственный свидетель многообразности, многосторонности конкретных взаимоотношений и взаимодействий этого мира объективных явлений. Чувственно-опытное познание есть непосредственная связь между человеческим сознанием и действительностью. Поэтому и чувственно-опытное познание само есть конкретное, непосредственное, есть явление. На данное обстоятельство обратил внимание К. Маркс в своих ранних работах. Рассматривая взгляды Демокрита и Эпикура на основания вещей, предметов и т. д. (т. е. явлений в общем смысле) и формы их проявления, обнаружения, К. Маркс отмечает: «...являющаяся природа справедливо может быть признана объективной, а чувственное восприятие справедливо может быть сделано реальным критерием конкретной природы, хотя атом, ее основа, доступен лишь созерцанию разума».²³

Итак, «явление» в этом аспекте есть категория, выражающая определенную сторону существования вещей, предметов и процессов действительности в их изменяемом взаимодействии с другими вещами, предметами и процессами, проявляющуюся в познании в виде чувственно-опытного феномена как непосредственное внешнее бытие.

«Сущность» представляет собой также категорию, имеющую онтологический и гносеологический аспекты. Когда в материалистической диалектике подчеркивается единство сущности и явления, это направлено прежде всего против метафизического разделения сущности и явления. Но диалектический тезис об единстве сущности и явления не означает их отождествления. Единство сущности и явления есть диалектическое единство в различии.

Как уже было отмечено, в вещах, предметах, процессах действительности мы имеем дело с двоякими связями (соотношениями, опосредствованиями), или точнее было бы говорить об удвоении вещи, предмета и т. д. как системы связей. С одной стороны, вещь, предмет, процесс во взаимодействии с другими предметами и процессами, т. е. вещь, предмет и т. д. в соотношении с другим (явление), и, с другой стороны, относительно постоянная основа существования этих взаимодействий, соотношение вещи, предмета, процесса с самой собой, — т. е. сущность данного явления.

Таким образом, сущность — это не некое сверхестественное бытие, скрытое за материальными явлениями, но определенная сторона самой материальной действительности. С познавательной точки зрения ее характеризует то обстоятельство, что

²³ К. Маркс, Из ранних произведений, М., 1956, стр. 56.

основа существования вещей и предметов дана человеку не непосредственно, а опосредованно, через явление. Сущность открывается познающему субъекту в его рациональном мышлении.

Итак, категория «сущность» выражает комплекс главных, определяющих элементов и структурных соотношений вещей, предметов и процессов действительности, как относительно устойчивую основу существования последних, открываемую человеческим познанием посредством рационального мышления как опосредованное, внутреннее бытие.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДИАЛЕКТИКИ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ

Л. Н. Столович

Взаимоотношение содержания и формы в предметах и явлениях действительности составляет одну из важнейших диалектических закономерностей. Категории «содержание» и «форма», раскрывающие эту закономерность, позволяют исследовать качественную особенность того или иного конкретного предмета, явления в его специфике. Разумеется, успешность применения категорий «содержание» и «форма» определяется тем, насколько оперирование ими соответствует диалектической закономерности, выражающейся этими категориями.

Метафизическое истолкование содержания и формы чаще всего заключается в механистическом представлении об их взаимосвязи. Рассматривая форму как чисто внешнюю оболочку явления и абсолютизируя относительную самостоятельность формы, метафизика отрывает содержание от формы, а соотношение их истолковывает как механическое «вливание» содержания в форму. Такое метафизическое понимание содержания и формы является одной из теоретических основ формализма, в отрицательном значении этого слова, так как формализм в искусстве, в науке, в организационной работе пытается утвердить самоценность формы, ее независимость от содержания и даже первичность по отношению к содержанию. Это в «теории». На практике же формализм не в состоянии оторвать содержание от формы и ликвидировать содержание, однако, игнорирование любого содержания на словах служит на деле протаскиванию реакционного содержания.

Если такого рода метафизический взгляд на содержание и форму заключается в стремлении оторвать их друг от друга, то другой вид метафизического оперирования категориями «содержание» и «форма» исходит из отождествления этих категорий, что логически неизбежно приводит к устранению самих категорий содержания и формы. По свидетельству известного швейцарского литературоведа М. Верли, «за преодоление этой парализующей схемы формы и содержания, в сущности, борет-

ся вся современная (читай: буржуазная. — Л. С.) поэтика».¹ Правда, подобное стремление покончить с категориями содержания и формы мотивируется желанием выйти «за пределы примитивного представления о скорлупе и ядре». Но ведь это и означает, что «ликвидаторы» категорий содержания и формы и не мыслят содержание и форму иначе, чем скорлупу и ядро, то есть примитивно-метафизически!

Опасность метафизического метода мышления и, в частности, метафизического использования категорий содержания и формы, особенно велика потому, что метафизика часто опирается на «силу привычки», на кажущуюся «простоту» и «очевидность» своих положений. Метафизическое понимание категорий содержания и формы поэтому может быть и у человека, сознательно стоящего на позициях диалектики и являющегося противником метафизики. Это происходит также из-за недостаточной теоретической разработки проблем диалектики содержания и формы.

Нижеследующие заметки, ни в коей мере не претендуя на исчерпывающее рассмотрение диалектического взаимоотношения содержания и формы, посвящены лишь постановке некоторых проблем диалектики содержания и формы и соответствующих диалектических категорий.

I. К. определению категории «содержание». Содержание и сущность

На наш взгляд, одной из причин недиалектического оперирования категориями содержания и формы является не достаточно глубокое понимание различия, существующего между категорией «содержание», с одной стороны, и категорией «сущность», с другой. Категории «содержание» и «сущность», несомненно, в определенном отношении близки друг другу, но было бы неправильно рассматривать их как тождественные.²

В нашей философской литературе довольно обстоятельно изучено отношение сущности явления к его содержанию. Проф. В. И. Свидерский в статье «Об отражении материалистической диалектикой соотношения элементов и структуры в явлениях», характеризует содержание как «совокупность элементов, процессов, материальных связей»,³ сущность же определяет как «совокупность общих внутренних и опреде-

¹ М. Верли, *Общее литературоведение*, ИИЛ, М., 1957, стр. 83.

² Например, В. А. Бадяй определяет содержание как «совокупность существенных элементов, из которых состоит тот или иной предмет, процесс, то или иное явление материальной действительности...» («Диалектика содержания и формы», автореферат, Минск, 1955, стр. 3); Г. В. Мачитадзе пишет: «Содержание есть наиболее существенная и к тому же наиболее подвижная и изменчивая сторона каждого предмета и явления...» («Диалектика формы и содержания», автореферат, Тбилиси, 1956, стр. 10).

³ Научные доклады высшей школы, *Философские науки*, 1960, № 2, стр. 70.

ляющих связей в явлении».⁴ М. Н. Руткевич справедливо отмечает: «Сущность — это *самое главное* в характеристике предмета, процесса, между тем как содержание касается не только самого главного, но и захватывает второстепенное».⁵ В статье Б. С. Украинцева «К вопросу об определении категорий «содержание» и «форма»» различие между понятием «содержание» и понятием «сущность» правильно определяется в трех следующих аспектах: «во-первых, все, что отражает понятие «содержание», включает в себя то, что отражает понятие «сущность», но в ее конкретном виде, во-вторых, в отличие от «сущности» содержание более полно отражает историческую ступень развития предмета в зависимости от конкретных условий; в-третьих, категория «сущность» отражает в предметах сравнительно устойчивое и повторяющееся, одинаковое и длительно пребывающее в них. Категория «содержание» отражает это существенное и устойчивое и в то же время изменения, происходящие с предметами в процессе их развития».⁶

Все это дает основание для уяснения особой роли категории «содержание», в отличие от категории «сущность», при изучении явлений действительности и отражения их в сознании. В силу того, что «содержание» охватывает всю полноту элементов, процессов, материальных связей того или иного явления, категория содержания незаменима при исследовании специфики данного явления. Категория же «сущность», охватывая общее, устойчивое, повторяющееся в явлениях, подчеркивает не столько специфику данного конкретного явления, сколько его общность с другими явлениями. Этим объясняется тот факт, что категории содержания и формы имеют наибольшее значение в тех областях науки и практики, в которых важно исследование специфических особенностей конкретных предметов и явлений.

Говоря о различии содержания явления и его сущности, не следует смешивать две разные диалектические закономерности: «содержание — форма» и «сущность — форма». В «Философских тетрадах» В. И. Ленин писал как о диалектике содержания и формы,⁷ так и о диалектике сущности и формы.⁸

До сих пор речь шла об отношении «сущности» и «содержания», но «сущность» может соотноситься не только с «содержанием». Мы вправе говорить и о сущности формы как о закономерностях формы, являющихся одним из выражений ее относительной самостоятельности. Грамматика, например,

⁴ Там же, стр. 73.

⁵ М. Н. Руткевич, Диалектический материализм, Соцэкгиз, 1960, стр. 584.

⁶ Вопросы диалектического материализма. Академия общественных наук, М., 1957, стр. 119.

⁷ См. В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 215.

⁸ См. там же, стр. 133.

изучает законы грамматической формы языка. Поэтика исследует закономерности формы литературно-художественного произведения.

Далее, категория сущности может относиться не только к содержанию или к форме, но к явлению в целом, в единстве его содержания и формы, на что совершенно правильно обращает внимание М. Т. Батырмурзаев: «Сущность находит свое выражение в единстве содержания и формы...».⁹ Категория сущности, как и любая другая диалектическая категория, имеет смысл только в определенном конкретном отношении. Сущность, скажем, производительных сил — содержания способа производства — это одно дело. Другое — сущность формы способа производства — производственных отношений. Но сущность способа производства в целом охватывает и его содержание, и его форму — и производительные силы, и производственные отношения. Можно говорить о сущности содержания художественного произведения, о сущности его формы, но сущность художественного произведения в целом не мыслима без учета единства его содержания и формы.

Итак, категории «содержание» и «сущность» являются разноплановыми категориями. Они в наибольшей степени соприкасаются, поскольку само содержание обладает своей сущностью. Однако и в данном случае понятия «содержание» и «сущность содержания», как мы видели, не совпадают друг с другом.

2. К пониманию категории «форма»

Форма, будучи внутренней структурой и внешним выражением содержания, не представляет собой чего-то нерасчлененно-однородного. Подобно тому, как содержание состоит из различных элементов, форма, выражающая содержание, также образуется из нескольких структур. Уже Гегелем было отмечено существование двух видов форм — внешней и внутренней.¹⁰ Но таких элементов единой формы, различных «слоев» формы, различных форм, одновременно оформляющих содержание, может быть много. Так, художественная форма произведения искусства может быть в абстракции расчленена на внешнюю форму и внутреннюю, причем первую составляют такие элементы, как материал — «язык» и внешняя композиция, а вторую — образы характеров, сюжетное действие, внутренняя композиция. Особым «слоем» художественной формы является вид, род и жанр произведения. Все это элементы единой художественной формы, формы идейно-эмоционального содержания художественного произведения.

⁹ М. Т. Батырмурзаев, Диалектика содержания и формы и ее проявление в развитии социалистического способа производства. Автореферат, Ленинград, 1957, стр. 7.

¹⁰ Гегель, Соч., т. I, М.-Л., 1930, стр. 224.

Интересно отметить, что между самими элементами единой формы какого-либо содержания могут существовать отношения содержания и формы. Разделяя внешнюю и внутреннюю формы, Гегель в то же время рассматривал внутреннюю форму как содержание внешней.¹¹ Если опять обратиться к художественному произведению, то легко видеть, что элементы его художественной формы в одном отношении выступают как форма, в другом — как содержание других форм.¹² Например, сюжет является элементом формы идейно-эмоционального содержания, но он сам выступает как содержание оформляющей его композиции.

Кроме того, в одном и том же явлении могут быть различные отношения содержания и формы, так сказать, в разных плоскостях. В качестве примера этого рассмотрим вопрос, по которому происходят споры среди литературоведов, искусствоведов и философов: применимо ли к искусству известная формула о национальной форме и социалистическом содержании советской культуры?

Формула о национальной форме и социалистическом содержании советской культуры исходит из ленинского учения о существовании «двух культур» в каждой национальной культуре капиталистического общества. В. И. Ленин показал, что социально-классовое содержание культуры, поскольку существуют нации, неизбежно проявляется в национальных формах. По отношению к социалистическому обществу это и означает: социалистическое содержание культуры выражается необходимо в национальных формах. Рассматриваемая формула хорошо раскрывает диалектику национальной и социально-классовой сторон культуры, в которой национальное есть форма а социально-классового, а социально-классовое есть содержание национального.

Применимо ли данное положение к искусству? Нам думается, безусловно применимо, так как в искусстве, являющемся частью культуры, национальное есть форма социально-классового, а социально-классовое есть содержание национального. Такое понимание диалектики национального и социально-классового в искусстве имеет большое значение, ибо помогает в борьбе как против космополитизма, заключающегося в игнорировании национальной формы социального содержания, так и против национализма, сводящего социальное к национальному. Таким образом, формула о национальной форме социалистического содержания советской культуры вполне применима к искусству, как к одному из культурно-идеологических явлений.

¹¹ См. там же.

¹² См. об этом в книгах В. В. Ванслова «Содержание и формы в искусстве», изд. «Искусство», М., 1956, стр. 242, и И. И. Виноградова «Проблемы содержания и формы литературного произведения», изд. Московского ун-та, 1958, стр. 204.

Но не следует игнорировать и другой аспект национального в искусстве — отношение национального к содержанию и форме самого искусства. Ведь ни в коем случае нельзя отождествлять понятия «национальная форма культуры» и «форма искусства» (т. е. «художественная форма»). Разве не очевидно, что категория «форма» здесь берется в разных отношениях, в связи с различным содержанием. Одно дело — национальная форма социально-классового содержания; другое дело — художественная форма художественного содержания. Национальное в искусстве, «национальная форма культуры» в искусстве проявляется и в художественном содержании, и в художественной форме, так же как и «социально-классовое содержание культуры». Содержание и форма искусства представляют собой диалектическое единство национального и интернационального.

Следовательно, изучение национального в искусстве должно иметь два аспекта: первый — общеидеологический, когда национальное рассматривается как форма социального (в социалистическом обществе — социалистического) содержания; второй — специально-эстетический, когда национальное изучается в отношении к содержанию и форме искусства.

Многосоставность формы, существование между элементами формы, в свою очередь, отношений содержания и формы, различные виды диалектики содержания и формы в одном явлении, — все это требует конкретного подхода к изучению формы, учета соотносительности данной формы со своим содержанием, без которого она не существует как форма.

3. К характеристике связи между содержанием и формой

Говоря об относительной самостоятельности формы, многие авторы обращают внимание на то, что, по их мнению, «одна и та же форма может быть использована различным и даже противоположным содержанием»,¹³ а с другой стороны, «широкое распространение в жизни имеет использование разных форм сходным, однотипным содержанием».¹⁴

Имеет ли место на самом деле такая связь между содержанием и формой, уподобляемая отношению пресловутых мехов и вина, при котором в одни мехи можно влить разное вино и одно и то же вино разлить по разным мехам? Не является ли подобное оперирование категориями «содержание» и «форма» данью метафизике? Для решения этого вопроса обратимся к фактам.

В качестве примера того, что одно и то же содержание может быть выражено в разных формах часто ссылаются на сло-

¹³ Категории материалистической диалектики, Госполитиздат, М., 1956, стр. 226.

¹⁴ Там же, стр. 227.

ва В. И. Ленина: «Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*».¹⁵ Но если внимательно вчитаться в ленинские слова, то легко увидеть, что В. И. Ленин пишет не об одном содержании, а об одной сущности разнообразных политических форм.

Выше мы стремились показать различие между категориями «содержание» и «сущность». Содержание, взятое во всей полноте его элементов, процессов и материальных связей, не может выражаться в различных формах. Но сущность содержания, охватывающая лишь основные, главные, существенные его элементы, разумеется, может проявляться в различных формах. Ведь содержание присуще только данному конкретному явлению, тогда как сущность характеризует то общее, что имеется у данного явления, с другими явлениями этого вида и рода.

В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин писал: «У нас есть теперь, с точки зрения развития международного коммунизма, такое прочное, такое сильное, такое могучее содержание работы (за Советскую власть, за диктатуру пролетариата), что оно может и должно высказываться в любой форме...».¹⁶ Но опять-таки и в данном высказывании В. И. Ленин не случайно выделяет те конкретные и существенные элементы содержания работы — «за Советскую власть, за диктатуру пролетариата», — которые могут и должны проявиться в любой форме.

Правда, различие между содержанием и его сущностью тоже относительно. Оно в наибольшей степени выражается в отдельном, конкретном явлении, в котором содержание обязательно включает в себя и существенные, необходимые, и несущественные, случайные элементы. Но если мы рассматриваем общее содержание целого круга явлений, содержание их общего понятия, то оно фактически будет совпадать с сущностью; и тогда, когда содержание и сущность совпадают, разумеется, одинаковое содержание можно рассматривать существующим в различных формах единичных явлений.

Содержание понятия «диктатура пролетариата» равнозначно сущности диктатуры пролетариата, потому что это содержание характеризует то общее и существенное, что присуще диктатуре пролетариата, в какой бы политической форме оно не проявлялось. Но содержание данной, конкретной разновидности диктатуры пролетариата, например, в Чехословацкой Социалистической Республике, в сущности совпадает с диктатурой пролетариата в любой другой социалисти-

¹⁵ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-ое, т. 25, стр. 385.

¹⁶ В. И. Ленин, Соч., 4-ое изд., т. 31, стр. 83.

Ческой стране, но не тождественно во всех своих элементах и процессах содержанию диктатуры пролетариата в других странах.

Эти разграничения между «содержанием» и «сущностью» диктатуры пролетариата, какими бы отвлеченными они не представлялись, на наш взгляд, имеют большое значение для разоблачения теоретической и политической несостоятельности ревизионизма и догматизма. Ревизионисты, видя различие в содержании и деятельности той или иной формы диктатуры пролетариата, делают неправомерный и политически ошибочный вывод о том, что в разных странах, строящих социализм, не единая сущность диктатуры пролетариата, т. е. тем самым уничтожают само понятие диктатуры пролетариата, подменяют пролетарский интернационализм национализмом, прикрываясь словами о «национальном коммунизме». «Как бы ни были разнообразны в период строительства социализма формы новой, народной государственной власти, сущность их одна — диктатура пролетариата, представляющая собой подлинную демократию, демократию для трудящихся», — указывается в проекте Программы Коммунистической партии Советского Союза. Догматики же, видя единую сущность диктатуры пролетариата в различных странах, не хотят учитывать те различия в содержании и деятельности диктатуры пролетариата в каждой конкретной стране, различия, хотя и несущественные, но как раз и обуславливающие разнообразные политические формы диктатуры пролетариата, о необходимости обилия и разнообразия которых писал В. И. Ленин.

Следовательно, тот факт, что одна и та же сущность может выражаться в различных формах, ни в коем случае не дает основания для вывода о том, что содержание во всей его полноте и богатстве может проявляться так же в различных формах. Думается, что именно многообразии содержания порождает многообразие форм. В данном же конкретном, индивидуальном явлении содержание выражается в однозначной форме.

Исключительно велико значение этого общедиалектического положения для понимания специфики такого общественного явления, как искусство. Ведь как раз опираясь на метафизическое утверждение о том, что якобы одно и то же содержание может существовать в различных формах, и существовала вульгаризаторская и, по сути дела, формалистическая концепция, по которой предмет и содержание у искусства и других форм общественного сознания одинаковы, а специфика искусства будто бы состоит только в его образной форме отражения действительности.¹⁷ Понять специфическую природу искусства можно

¹⁷ Так, Ан. Дремов пытался обосновать положение о том, что «искусство и наука имеют один предмет (объект)», считая, что одно и то же содержание может проявляться в различных формах, непозволительно отожд-

только, учитывая специфику его предмета, отражаемого в специфически художественном содержании, выражаемом поэтому в специфически художественной форме.

Конечно, и в научном, и в художественном произведении могут содержаться одинаковые мысли, идеи, но это ни в коем случае не означает тождественность научного и художественного содержания. Ведь в содержание художественного произведения включены не только мысли, идеи, но и эмоции, чувства. Кроме того, в художественное содержание входят не просто мысли сами по себе. Л. Н. Толстой очень хорошо выразил характер мыслей, содержащихся в произведении искусства: «Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собирания мыслей, сцепленных между собой для выражения себя; но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна и без того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами нельзя, а можно только посредственно словами, описывая образы, действия, положения».¹⁸ Аналогичное высказывание делает Томас Манн: «Для художника мысль как таковая никогда не является самодовлеющей ценностью и собственностью. Ему важна только ее действительность в интеллектуальном механизме произведения».¹⁹

Все это говорит о том, что связь между данным, конкретным художественным содержанием и его формой является однозначной и неповторимой. «Из песни слова не выкинешь», — не даром гласит народная поговорка. «Если же бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом, — говорил Л. Н. Толстой, — то я должен был написать роман тот самый, который я написал сначала».²⁰

Однозначность формы для выражения всей полноты определенного содержания составляет момент единства содержания и формы, который, вполне понятно, не исключает противоречия между ними.

Теперь обратимся к вопросу: может ли одна и та же форма быть средством выражения разного и даже противоположного содержания? Для его разрешения, на наш взгляд, необходимо четко различать два смысла понятия «форма»: во-первых, цело-

---

дствия при этом содержание и сущность (см. «О художественном образе», изд. «Сов. писатель», М., 1956, стр. 8—10). Во втором издании своей книги Ан. Дремов допускает ту же философскую ошибку, заявляя, что «данное содержание не обязательно воплощается в единственно возможной форме», хотя для искусства он теперь вынужден сделать исключение из этого «правила» (см. «Художественный образ», «Сов. пис.», 1961, стр. 210—211). Но искусство не нуждается в исключении из подлинной диалектики!

¹⁸ Русские писатели о литературе, т. II, изд. «Сов. писатель», Л., 1939, стр. 127.

¹⁹ Томас Манн, Собр. соч., т. 9, ГИХЛ, М., 1960, стр. 230.

²⁰ Русские писатели о литературном труде, т. II, стр. 127.

стная форма явления как совокупность всех структур, выражающих всю полноту содержания этого явления; во-вторых, отдельные элементы этой целостной формы, отдельные ее структуры, которые тоже часто называют «формами».

Мы полагаем, что форма явления в первом ее значении, обусловленная всем составом своего содержания, не может выражать какое-либо другое содержание. В ином случае это означало бы метафизическое понимание соотношения содержания и формы.

Однако отдельные элементы целостной формы, «формы» в узком смысле, несомненно могут выражать различное и даже противоположное содержание. К примеру, в словах-омонимах одинаковая звуковая и графическая форма выражает совершенно различное содержание. Но это не означает, что вообще форма этих слов выражает различное содержание. Ведь помимо звуковой и графической формы слово обладает грамматической формой, а также формой связи с другими словами. Так, в словах «лук» и «лук», обозначающих и растение, и орудие для стрельбы, различна грамматическая форма: множественное число в именительном падеже в одном случае будет «лук», в другом — «луки». Но даже и тогда, когда трудно обнаружить различия в грамматической форме, форма связи слова с другими словами у омонимов никогда не будет совпадать, а это и дает возможность для различения содержания слов — «близнецов».

Возможность использования отдельных элементов целостной формы, или, если так можно сказать, однотипных «частных форм», для выражения различного содержания имеет большое значение во многих областях практической деятельности. Это и позволяет на определенных этапах развития пользоваться старыми формами в том или ином отношении. На это, например, было обращено внимание в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, в котором говорилось о возможности «превратить парламент из орудия, служащего классовым интересам буржуазии, в орудие, служащее трудовому народу...».²¹ В проекте Программы Коммунистической партии Советского Союза отмечается, что «успех борьбы рабочего класса за победу революции будет зависеть от того, насколько он и его партия овладеют всеми формами борьбы — мирными и немирными, парламентскими и непарламентскими — и будут готовы к самой быстрой и неожиданной смене одной формы борьбы другой».

Особенности содержания и формы любого явления, все многообразие связей между содержанием и формой и составляет специфическую особенность этого явления в отличие от всякого другого. Категории содержания и формы помогают исследованию специфики явления, но только тогда, когда оперирование ими будет диалектическим.

²¹ «Коммунист», 1960, № 17, стр. 26.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТОРОНА МОРАЛИ

А. И. Горячева

Формирование человека с коммунистическими чертами характера, привычками и моралью является важнейшей задачей эпохи строительства коммунистического общества, когда должен вырасти новый человек, психология которого будет свободна от пережитков капитализма, гармонически сочетающий в себе «духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство».¹

Практическое осуществление этой задачи придает особую актуальность вопросам форм общественного сознания, соотношения идеологии² и общественной психологии. К ним относится и проблема структуры нравственного сознания, в частности, вопрос о месте и роли моральных чувств как элементов общественной психологии.

Формы общественного сознания включают в себя наряду с идеологическим содержанием также и элементы общественной психологии. Значение элементов общественной психологии неодинаково в различных формах общественного сознания. Если политика, право, общественные науки, философия — наиболее «рационалистические» формы общественного сознания, в которых моменты общественной психологии играют весьма подчиненную роль, то иначе обстоит дело с искусством, религией и моралью. Здесь психологическая сторона имеет существенное значение.³

Важнейшее место в этой стороне моральной формы сознания занимают, наряду с привычками, чертами характера и наклонностями, моральные эмоции, чувства. В качестве последних вы-

¹ Программа КПСС, проект, Госполитиздат, 1961, стр. 122.

² Под «идеологией» здесь понимается систематизированное сознание, четкая связь понятий и идей, отражающих основные условия жизни класса в определенной форме общественного сознания.

³ Трудно понять, почему само по себе различение общественной науки, как теоретической формы сознания, и морали, как в значительной степени эмоциональной, могло вызвать обвинения в «замаскированном кантианстве». См. П. А. Шария, О некоторых вопросах коммунистической морали, Госполитиздат, 1951, стр. 64.

стует группа высших чувств человека, представляющих собою устойчивые психические состояния личности, ее отношения к обществу. Моральные чувства совести, долга, чести, ответственности, достоинства, патриотизма, любви и ненависти, высокомерия, уважения и т. д. составляют существенные определения внутреннего мира личности, проявляющиеся объективно в этических свойствах ее общественно значимых действий. В субъективном плане моральное чувство, существующее в потенциальном состоянии устойчивой психической структуры, актуализируется в виде определенных эмоциональных процессов.⁴

Моральные чувства имеют определенную направленность, обладая активной природой внутреннего регулятора психической и физической деятельности, существенным компонентом действий.

Рассматриваемые чувства теснейшим образом связаны с моральным сознанием человека, с осознанием им моральных норм, правил поведения, с сознательно выносимыми им моральными оценками, т. е. с идеологической стороной морали. Это находит свое выражение в языке, где слова «сознание долга» и «чувство долга», «сознание достоинства» и «чувство достоинства» употребляются обычно как тождественные по значению. Однако это неразрывное единство понимания, знания и переживания не означает тождества. Моральные чувства могут осознаваться в различной степени. В то же время личность способна в известных случаях действовать вопреки некоторым своим моральным чувствам, исходя, в частности, из теоретического понимания справедливости и необходимости своего поступка. Развитая мораль предполагает слияние в единое целое ясного понимания правильности моральных требований с эмоциональным переживанием, охватывая не только область внешнего действия и рассудка человека, но и весь внутренний мир личности в целом. Это придает особенную прочность, устойчивость нравственному характеру поступков и в огромной мере повышает их этическую ценность. Марксистская этика разделяет точку зрения, согласно которой высшую этическую ценность представляют такие общественно-полезные поступки, которые являются результатом не просто холодного логического вывода, но которые охватывают весь внутренний, духовный мир человека. Включение в этическую ценность действий внутреннего психического состояния человека соответствует самой реальной природе действия человека, представляющего собою единство внешнего и внутреннего, объективного и субъективного и которое только в таком единстве может быть правильно оценено.

Учет субъективного отношения человека, его убеждений и чувств, в том числе моральных чувств, имеет огромное значение

⁴ См. А. Г. Ковалев, О чувствах и эмоциях, «Вопросы психологии», 1957, № 4, стр. 26; П. М. Якобсон, Психологические проблемы воспитания чувств, «Советская педагогика», 1955, № 6, стр. 42.

для практики, т. к. они всегда рано или поздно должны проявиться в материальных делах. Чувства играют роль важнейшего условия успешной деятельности даже в области точных наук. «Большого напряжения и великой страсти требует наука от человека, — писал И. П. Павлов, обращаясь к советской молодежи. — Будьте страстны в вашей работе и в ваших исканиях»⁵ Тем большее значение чувства, в особенности моральные, имеют в практике политической деятельности. Марксизм требует страстного напряжения всех сил в борьбе за реализацию коммунистических идеалов, сочетания теоретического понимания законов и условий развития с эмоциональным отношением. Это выражено в знаменитой формуле В. И. Ленина: «Учет сил. Трезвость и бешеная страстность»⁶

Моральные чувства различаются не только по степени их осознанности. Их можно разделить по их отношению к категориям и принципам морали. Одни моральные чувства соответствуют определенным категориям и принципам (чувство совести, долга, чести, коллективизма, патриотизма, достоинства и т. д.). Другие же не имеют соответствующего коррелята в виде категорий или принципов (чувство любви, ненависти, страха, стыда, уважения и т. д.).

Не ставя своей задачей дать полный перечень моральных чувств и их описание, остановимся на общей характеристике одной и другой группы моральных чувств. Чувства первой группы представляют собою сложные психические структуры, состоящие из более элементарных чувств, группирующихся вокруг некоторого «ядра» — более или менее четко осознанной идеи, отвечающей определенному предмету. Они выступают как бы, по образному выражению одного буржуазного психолога, в виде «психологических созвездий»⁷ Так, чувство совести определяется в марксистской этической литературе как чувство моральной ответственности человека за свое поведение по отношению к другим людям, за судьбы своего класса и человечества, включающее в себя в зависимости от характера поступков чувство нравственного удовлетворения или чувство стыда за эти поступки.⁸ Рассматриваемое с этой точки зрения чувство патриотизма, являющееся, по словам В. И. Ленина, одним из наиболее глубоких чувств, закрепленных тысячелетиями, представляет собою комплекс чувств любви, гордости, уважения, нежности, преданности, почтительности, сгруппированных вокруг идеи родины, своего на-

⁵ И. М. Сеченов, И. П. Павлов, Н. Е. Введенский, Физиология нервной системы, вып. 1, «Письмо молодежи», Гос. изд. медич. лит-ры, Москва, 1952, стр. 28.

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 306.

⁷ J. A. Hadfield, Psychology and Morals, L., 1955, стр. 23.

⁸ См. А. Ф. Шихкин, Из истории этических учений, Госполитиздат, М., 1959, стр. 283.

рода, а также — чувств *покорности* требованиям родины, опасения за ее судьбу в тяжелые минуты, ненависти к ее врагам. Чувство достоинства объединяет чувства гордости, ответственности, уважения. Указывая на необходимость развития чувства достоинства у советских людей, товарищ Н. С. Хрущев говорил: «Я бы сказал так: нет еще у некоторых товарищей воспитанной гордости, внутреннего достоинства», иной обанкротившийся «руководитель будет всюду ходить и доказывать, что и гром был, и град, что сам черт ему помешал. И тут же просится на большую работу. Где же уважение собственного достоинства, товарищи?! Это достоинство мы должны воспитывать у всех.»⁹

При реализации морального чувства в виде эмоционального переживания обычно актуализируется одно или несколько из составляющих «созвездие», отражая непосредственные воздействия действительности, так или иначе затрагивающие сложившиеся отношения человека. Это сообщает моральным чувствам этого рода наряду с высокой устойчивостью определенную динамичность.¹⁰

Моральные чувства, относящиеся ко второй группе, относительно более элементарны. Они более подвижны, изменчивы и, взятые сами по себе, не носят характера моральной нормы. Эти чувства являются нравственными, т. е. отвечающими моральным нормам, только в зависимости от того, на какой предмет они направлены. Если чувство совести, чувство патриотизма, чувство собственного достоинства являются нормой коммунистической нравственности, то любить вообще нормой не является, как не может являться нормой сама по себе ненависть, почтительность и т. д.¹¹

Моральное чувство всегда по своей природе социально. Это означает, во-первых, то, что оно возникло исторически в ходе развития общества. Во-вторых, то, что индивид, личность приобретает эти чувства не в силу биологической наследственности, а только под воздействием социальной среды, воспитания в широком смысле.¹² В-третьих, то, что эти чувства по своему характеру предполагают существование общества, лишаясь смысла в пределах понятия лишь одного индивидуума. В-четвертых, они,

⁹ «Правда», 12 января 1961 г.

¹⁰ См. А. Г. Ковалев, О чувствах и эмоциях, «Вопросы психологии», 1957, № 4, стр. 26.

¹¹ Однако сама способность любить, уважать, ненавидеть является нормой. Человек, который неспособен по-настоящему любить (а, следовательно, и ненавидеть), не может в своей деятельности быть нравственным.

¹² Грубой ошибкой является утверждение К. Каутского о том, что привычка соблюдать требования, предъявляемые обществом к отдельной личности, «передается по наследству точно так же, как передается по наследству предрасположение к определенным видам охоты у охотничьей собаки». К. Каутский, Этика и материалистическое понимание истории, Москва, 1906, стр. 169.

хотя и медленно и не сразу, изменяются вслед за развитием общественной жизни, общественного бытия, нося в классовом обществе классовый характер.

Положение о социальной природе моральных чувств отнюдь не означает, что у этих чувств нет известных биологических предпосылок в виде стадных инстинктов и навыков высших животных.¹³ В то же время грубейшим искажением действительности явилась бы попытка рассматривать моральные чувства в качестве унаследованных от животных предков эмоций. В марксистской литературе такую попытку сделал в свое время Каутский. Каутский справедливо подчеркивает существенное значение чувств, «инстинктов», как он выражается, в моральной форме сознания. Признавая социально-обусловленный, классовый характер идеологических моментов морали, идей требований, он в то же время биологизирует ее эмоционально-психологическую сторону, отрицая тем самым классовый характер последней. Воздействие социальных условий на нравственные чувства, одинаково присущее, по Каутскому, и морали людей, и «морали животных», состоит якобы лишь в том, что экономическое развитие то суживает, то расширяет сферу действия этих, самих по себе неизменных, чувств.¹⁴ Подобная точка зрения, не выдерживающая критики как с позиций марксистской философии вообще, так и в частности с позиций конкретных данных истории, психологии и зоологии, ведет на практике к ревизионизму, что полностью отвечало, как известно, развитию взглядов ее автора. В наше время в марксистской литературе иногда встречаются также утверждения, отрицающие классовый характер моральных чувств. Так, напр., немецкий философ Г. Шульц считает, что у трудящихся непосредственно в процессе создания материальных ценностей возникает моральное чувство уважения к собственности вообще, независимо от того, какая и чья эта собственность. По Г. Шульцу, это внеисторическое, надклассовое моральное чувство позволяло господствующим формам собственности быть устойчивыми на протяжении многих столетий во всех формациях.¹⁵

Подобное понимание моральных чувств имеет свои гносеологические корни. Окружающая человека среда воздействует всеми своими сторонами на человеческое сознание, эмоционально окрашивая отношения к ней человека. Воздействие определяющих экономических и политических условий смешано с воздействием множества иных факторов и определяет содержание и динамику общественной психологии лишь в ее общей тенденции. Отсюда вытекает, что общественная психология, вклю-

¹³ См. А. Спиркин, Происхождение сознания, Госполитиздат, М., 1960, стр. 206—211.

¹⁴ К. Каутский, Этика..., стр. 167, 185, 186.

¹⁵ H. Schulz, Das Eigentum und die Moral, «Neues Deutschland», 31 авр. 1957.

чающая в себя и моральные чувства, будучи классовой по своему существу в классовом обществе, не имеет четких границ. «Общественная психология представляет собою как бы фон, на котором выступают идеи человека, как бы «поле» вокруг идеологии. Элементы общественной психологии не всегда достаточно осознаны или достаточно обработаны рассудочно, не имеют достаточной системности, характеризующей идеологию, и т. д. Поэтому общественная психология не имеет такой, так сказать, «жесткости», определенности, как идеология. Поэтому она в силу своей большей «мягкости» и подвижности более способна на духовные контакты...»¹⁶

Некоторые идеологи буржуазии, работающие в области этики и так называемой «теории ценностей», используют факт указанной расплывчатости психологии классов в целях замазывания классовой сущности морали вообще. Для этого мораль ими сводится к эмоциям. В этом же проявляется характерная для современной буржуазной философии тенденция иррационализма. Логические позитивисты и семантики утверждают, что этические суждения, как «суждения ценности», принципиально отличаются от научных суждений. Ядром позитивистской «эмотивной» теории служит утверждение, что «суждения ценности» являются «просто выражением эмоции, которая не может быть ни истинной и ни ложной».¹⁷ Подобное обращение буржуазных теоретиков морали к эмоциям, понимаемым ими как инстинкты, служит делу нравственного развращения трудящихся масс империалистической реакцией.

Наличие общих моментов в психологии различных общественных классов и слоев учитывается коммунистическими партиями в их тактике политической борьбы. В современную эпоху одной из главных задач человечества является задача не допустить новой мировой войны, оградить себя от термоядерной катастрофы. В этих условиях представителей разных классов объединяет, кроме естественного чувства самосохранения, также общее чувство отвращения к массовому уничтожению человечества, к атомно-водородной войне. «Движение сторонников мира — это самое широкое движение современности, охватывающее людей разных политических и религиозных убеждений, принадлежащих к разным классам общества, но объединенных благородным стремлением не допустить новых войн, обеспечить прочный мир.»¹⁸

Точки соприкосновения в моральных чувствах различных классов отнюдь не делают эти чувства надклассовыми и над-

¹⁶ В. П. Тугаринов, Соотношение категорий исторического материализма, изд-во Ленингр. ун-та, 1958, стр. 87—88.

¹⁷ См. J. Wheatly, A Note in the Emotive Theory, «Philosophy», Vol. XXXIV, N 130, 1959, стр. 235.

¹⁸ Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Госполитиздат, 1960, стр. 28.

историческими. Средневековая рыцарская поэзия дает яркие свидетельства противоположности морали и моральных чувств господствующих классов и крепостных эпохи феодализма. В средние же века, по словам Энгельса, возникает чувство индивидуальной половой любви, не существовавшее ранее.¹⁹ Даже по Каутскому, явно отступающему в данном случае от его биологизаторской концепции, войны и привилегированное положение эксплуататорских классов породили такие чувства, как высокомерие и надменность.²⁰ В капиталистическом обществе противоположность моральных чувств буржуа, в наше время особенно представителя монополистического капитала, и рабочего общеизвестна. Ф. Энгельс, глубоко изучивший жизнь и характер английского рабочего класса, отмечал, что для последнего характерны такие чувства, как отзывчивость, гуманность, щедрость, приветливость, независимость, свобода от религиозных предрассудков. В то же самое время буржуа прежде всего одержим чувством жадности, стяжательства, фанатичен, погряз в своих классовых предрассудках.²¹ Кроме положительных нравственных черт, сторон характера рабочего, Энгельс указывал и на отрицательные явления среди некоторой части пролетариата, как деморализация и преступность, порожденные существующим социальным строем. Только полная победа пролетариата, только «уничтожение частной собственности представляет полное освобождение всех человеческих чувств и свойств.»²²

Утверждение, распространение и развитие коммунистической морали означает и глубокое изменение в общественной психологии, моральных чувствах членов социалистического общества. Здесь получают развитие и наполняются новым содержанием благородные чувства, сложившиеся еще на предыдущих ступенях общественного развития — чувства патриотизма, чести, достоинства, гуманности и др. «Совместный, планомерно организованный труд членов общества, их повседневное участие в управлении государственными и общественными делами, развитие коммунистических отношений товарищеского сотрудничества и взаимной поддержки ведут к преобразованию сознания людей в духе коллективизма, трудолюбия и гуманизма.»²³ Отмирают такие чувства, как чувства высокомерия, надменности, жадности, зависти и т. д. Возникают новые моральные чувства преданности своему социальному строю, трудового энтузиазма, получает небывалое развитие чувство коллективизма. В более отдаленной перспективе полной победы коммунизма в

¹⁹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1945, стр. 80—89.

²⁰ К. Каутский, Этика..., стр. 142.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 356—358.

²² Там же, Соч., т. 3, изд. 1-ое, стр. 626.

²³ Программа КПСС, проект, Госполитиздат, 1961, стр. 118.

мировом масштабе отомрет чувство ненависти и получат колоссальное развитие чувства дружбы и любви, которые станут одними из движущих сил развития человечества.²⁴ Полностью реализуется великая задача морального кодекса коммунизма: человек человеку — друг, товарищ и брат.

Роль психологических элементов морали, моральных чувств в частности, становится особенно важной в процессе воспитания, в борьбе за победу и утверждение новой нравственности. В этой связи в моральной форме сознания можно выделить два существенных момента: всеобщую и субъективную, индивидуальную стороны.²⁵ (Деление на эти стороны не совпадает с рассмотренным нами делением морали на идеологическую и эмоционально-психологическую стороны уже хотя бы потому, что субъективная, индивидуальная сторона включает в себя сознательное понимание личностью норм и принципов морали). Содержание всеобщей стороны отражает, в конечном счете, общие для данного класса или общества моменты отношения сознательного воздействия людей друг на друга к объективной закономерности общественного развития. Эти общие моменты фиксируются в сознании класса в виде моральных норм, правил поведения, моральных оценок.

В коммунистической морали содержанием ее норм является обобщенное отражение отношения тех или иных сознательных действий к осуществляющемуся через борьбу рабочего класса, через творческую деятельность всего народа закономерному движению к коммунизму. Нормы, выраженные в виде понятий и суждений, поднимаются над практикой отдельного текущего момента, над деятельностью личности в качестве объективного критерия их нравственности, некоторого как бы вне их находящегося масштаба. Личность воспринимает их прежде всего в качестве моральной заповеди общества. Политически развитый член социалистического общества понимает их правильность, необходимость, справедливость и целесообразность, соответствие их его собственным коренным интересам. Они должны быть усвоены, пережиты личностью как ее собственное, личное моральное убеждение и требование, должны превратиться в незыблемую привычку чувствовать и действовать. Моральные чувства, эмоции играют роль связующего звена между всеобщим и субъективно-индивидуальными моментами морали. Совокупность многообразных нравственных чувств образует тот механизм, посредством которого внедряются выработанные классом нормы в сознание личности.

²⁴ Интересные мысли высказаны по этому поводу в статьях А. Кана «Во имя жизни», «Правда», 6 марта 1960, и «Спасибо тебе, Человек!», «Правда», 16 апр. 1961.

²⁵ G. und K. Kaderschafka, Individuelle und allgemeine Seite der Moral, «Deutsche Zeit schrafft für Philosophie», Berlin, 1960, Nr. 4.

Историческое развитие морали состоит из взаимосвязанных процессов: оформления нравственных чувств в логически сформулированные идеи, нормы, проверки на практике и, в большинстве случаев, теоретического обоснования и уточнения их и обратного процесса «опускания» разработанных норм в психологию, процесса воздействия моральных идей на нравственные чувства, эмоции. Только при условии соответствующей перестройки эмоциональной сферы психики людей моральные понятия, требования входят в их плоть и кровь.

В развитии морали разных классов соотношение указанных процессов различно. Одной из особенностей развития пролетарской морали является доминирующая роль моральных идеалов, их определяющее воздействие на чувства. Основой выработки пролетарской морали является развитая классовая, политическая борьба. Развитие психологической стороны морали рабочего класса следует в значительной мере за развитием идеологической стороны, зависит от осознания пролетариатом своих классовых интересов. Психология развивается в значительной мере вслед за идеологией. В этой связи психология трудящихся капиталистического общества является восприимчивой к отравляющему воздействию морали разлагающейся буржуазии. В то же время область общественной психологии вообще включает в себя наиболее инертные элементы общественного сознания, что также дает возможность для воздействия со стороны реакционных классов. Сфера общественной психологии, в частности — моральных чувств, является весьма важным и сложным участком классовой борьбы в области общественного сознания. Империалистическая буржуазия направляет пропаганду своей морали прежде всего на воздействие психологии. Она не стремится открыто излагать трудящимся существо своей подлинной морали — настолько последнее отвратительно и враждебно трудящимся. Доминирующие средства идеологического воздействия — кино, радио, пресса, телевидение, церковь, спорт, реклама и т. п. — давят мощным прессом на психологию личности капиталистического общества. Сознательно разжигаются чувства индивидуализма, эгоизма, стяжательства, шовинизма, половая распущенность, садизм и т. д.

Особенно сильно буржуазии удалось воздействовать на психологию трудящихся колоний, воспитывая в течение долгих десятилетий чувства рабской покорности, страха перед белым угнетателем, неверия в свои силы. Поэтому первоочередной задачей получающих свободу колониальных народов является освобождение от этой, насажденной колонизаторами психологии, осуществление, по выражению Секу-Туре, «деколонизации мыслей и привычек», что позволит им почувствовать себя действительными хозяевами своей судьбы.

В развитии социалистического общества переход к высшей ступени коммунизма требует глубокого преобразования об-

щественной психологии. В области идеологической для большинства нашего населения вопрос уже давно решен в пользу коммунистической идеологии. Можно, пожалуй, сказать, что у нас в морали идеологическая сторона в целом несколько обгоняет психологическую сторону, сферу чувств и привычек. Это объясняется рядом обстоятельств и, в первую очередь, неравномерностью развития морали вообще,²⁶ указанной выше консервативностью ряда входящих в нее элементов общественной психологии. Социалистическое общество необходимо предполагает новое сознание трудящихся в сфере политической, философской, нравственных идеалов, однако с относительной меньшей необходимостью требует перестройки всего мира чувств, вкусов, наклонностей, привычек личности. В этом играет известную роль и принцип личной материальной заинтересованности и во многом еще несовершенный быт (оказывающий наибольшее влияние на психологию и меньшее — на идеологию).

Из объективных законов развития общества вытекает, что вторая фаза коммунизма связана с непреложной необходимостью перестройки всей психологии человека, в том числе эмоциональной, психологической стороны морали. На это постоянно указывается партией. Постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» говорит о необходимости в ходе идейно-воспитательной работы среди молодежи «превращать принципы коммунистической морали в глубокие личные убеждения», «воспитывать молодое поколение бодрым, мужественным и отважным, непоколебимо уверенным в конечном торжестве коммунизма.»²⁷

Из того положения, что мораль несводима к идеологии, вытекает, что только пропаганды норм коммунистической морали и теоретического доказательства их справедливости в лекциях и книгах недостаточно для воспитания коммунистической морали.²⁸ Хотя логически четкое выведение и теоретическое обоснование положений марксистской этики сами по себе уже обладают сильным воздействием не только на разум, но и на чувства трудящихся. В. И. Ленин указывал на это, говоря, что про-

²⁶ Под «неравномерностью» развития морали мы понимаем в данном случае неодинаковость в распространении и закреплении ее различных элементов в сознании членов общества. Иногда под этим понимают также неравномерность принятия новой морали отдельными слоями и группами населения. См. Н. Воек, *Zur marxistischen Ethik und sozialistischen Moral*, Berlin, 1959, стр. 109 и д.

²⁷ «Коммунист», № 1, 1960, стр. 17—18.

²⁸ Имевшая место в литературе по историческому материализму недооценка значения категории общественной психологии может привести в практике воспитательной работы лишь к вредному интеллектуализму. На важность для практики воспитательной работы учета эмоционального аспекта морали неоднократно указывалось в литературе. См., например, П. М. Якобсон, Психологические проблемы воспитания чувств, «Советская педагогика», 1955, № 6; R. Miller, *Zu einigen bisher behandelten Problemen, Über die Entwicklung sozialistischer Persönlichkeiten*, Berlin, 1960.

летариат «черпает сильнейшие побуждения к борьбе в положении своего класса, в коммунистическом идеале».²⁹ Пропаганда марксистской этики должна сочетаться с участием в практической, трудовой деятельности по строительству нового общества. Личная практическая деятельность играет решающую роль в формировании духовного облика человека, оказывая сильнейшее воздействие на его эмоциональную сторону. Большое воздействие на воспитание моральных чувств оказывают такие эмоциональные формы общественного сознания и общественной деятельности, как литература, искусство, спорт. Применение всех средств воспитательной работы должно учитывать всю сложность эмоциональной стороны психики человека, возможность противоречивых воздействий на нее, опираться на закономерности, раскрываемые историческим материализмом и марксистской психологией.

---

²⁹ К. Цеткин, Воспоминания о Ленине, Госполитиздат, 1955, стр. 50.

ВОПРОСЫ ЭТИКИ В ТРУДАХ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Я. З. Хайкин

Известно указание В. И. Ленина о том, «... что нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма».¹ И хотя Г. В. Плеханов в своих трудах не избежал ошибок, а международная марксистская литература за последние 40 лет сделала серьезный шаг вперед, все же эти слова В. И. Ленина не потеряли своего значения и в наши дни.

Огромное философское наследие Г. В. Плеханова занимает важное место в марксистской философии. Пренебрежение к нему или игнорирование его могли бы принести только вред науке. Поэтому следует всячески приветствовать появление за последние годы ряда серьезных работ, посвященных как философскому наследию Г. В. Плеханова в целом, так и отдельным его аспектам.

Но, к сожалению, этические взгляды Г. В. Плеханова не привлекли еще к себе внимания исследователей. Между тем формирование марксистско-ленинской этики как самостоятельной науки много проиграет без учета того, что было сделано Г. В. Плехановым в этой области. Современная история этических учений невозможна без самого широкого использования работ Г. В. Плеханова как с точки зрения их содержания, так и методологии.

Настоящая статья является попыткой кратко рассмотреть и обобщить взгляды Г. В. Плеханова по некоторым вопросам этики.

1. Мораль и ее место в надстройке

Рассмотрение вопроса этики в трудах Г. В. Плеханова невозможно без понимания того, как сам Плеханов представлял себе всю «структуру» базиса и надстройки. В его работе «Основные вопросы марксизма» эта структура изложена довольно подробно. Вот она: «Если бы мы захотели кратко выразить взгляд

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 73.

Маркса-Энгельса на отношение знаменитого теперь «основания» к не менее знаменитой «надстройке», то у нас получилось бы вот что:

- 1) состояние производительных сил;
- 2) обусловленные им экономические отношения;
- 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической «основе»;
- 4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека;
- 5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики». ²

Понимая недостаточность «формул» для рассмотрения такого сложного комплекса явлений, каким является базис и надстройка, Плеханов считал эту схему достаточно широкой, чтобы дать соответствующее «место» каждому общественному явлению. В этой схеме обращает на себя внимание включение в систему надстройки психики общественного человека, или, как Плеханов часто называет это явление в других работах, — «общественной психики», «общественной психологии». В связи с этим кажется необычным положение «различных идеологий», отражающих свойства этой общественной психики. ³

² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 179—180.

³ В. А. Фомина в работе «Философские взгляды Г. В. Плеханова» (Госполитиздат, Москва, 1955) подвергла Плеханова критике за то, что он, якобы, допустил ошибку, поместив общественную психологию в настройку, и сделав ее вторичным базисом для идеологий, оторвал последние от базиса. Рассматривая социальную психологию в качестве национального психического склада людей, В. А. Фомина упрекает Плеханова за то, что он сводит идеологию к отражению лишь психологии человека (стр. 211). Но эта критика, на наш взгляд, ошибочна. Во-первых, Плеханов не говорит о психологии человека, а об общественной психологии, или психике общественного человека; во-вторых, Плеханов неоднократно указывает на классовый характер этой психологии, и ставит знак равенства между этой психологией и психическим складом наций значит приравнять целое и его часть; в-третьих, Плеханов нигде не говорит о том, что идеологии отражают лишь психологию общественного человека; между отражением в различных идеологиях свойств общественной психологии и содержанием этих идеологий так же нельзя поставить знака равенства; в-четвертых, при правильном анализе сущности общественной психологии станет ясно, что она не является для идеологий вторым базисом, а представляет собой одно из связующих звеньев между базисом и идеологиями.

А. Н. Маслин во вступительной статье к III т. «Избранных философских произведений Плеханова» (Госполитиздат, Москва, 1957) так же, как и В. А. Фомина, критикует Плеханова за то, что, якобы, у него идеологии являются сгустком психики и содержанием идеологических форм является психика. Кроме того, А. Н. Маслин считает неправильным обособление производительных сил и производственных отношений, являющихся двумя сторонами способа производства (стр. 17—18).

Несостоятельность первой претензии уже отмечена. Что же касается обособления производительных сил и производственных отношений, то необоснованность этого упрека видна хотя бы из того, что без такого «обособления» было бы невозможно говорить о базисе.

В идеологической области Плеханов отводил общественной психике немаловажное место. Достаточно одного высказывания о том, что «если с нею (общественной психологией. — Я. Х.) необходимо считаться уже в истории права и политических учреждений, то без нее нельзя сделать ни шагу в истории литературы, искусства, философии и проч.»⁴

Под общественной психологией Плеханов понимал определенное состояние общественного сознания, выражающееся во всех привычках, нравах, чувствах, взглядах, стремлениях и идеалах. В качестве синонимов Плеханов часто говорит о «духе и нравах» классов и социальных групп общества, о настроении «чувств и умов». Вскрывая корни общественной психики в бытии людей, Плеханов четко проводит мысль о том, что психика порождается экономическими условиями, но в то же время «порожденные данной экономической структурой правовые и политические отношения оказывают решительное влияние на всю психику общественного человека».⁵

В первобытном обществе, которое не знало разделения на классы, производственная деятельность людей непосредственно формировала их миросозерцание и их психологию. Но в обществе, разделенном на классы, «борьба классов окрашивает собой психологию борющихся сторон».⁶ В классовых обществах психология, таким образом, носит классовый характер.

Плеханов приводит много примеров, как различные классы по-разному оценивали себя и своих классовых антиподов. Так, например, французские феодалы изображали крестьян в самом непривлекательном виде, считая даже их внешний вид верхом всякого уродства; в то же время крестьяне, возмущаясь высокомерием феодалов, спрашивали: «Где был дворянин в то время, когда Адам пахал, а Ева пряла?» Плеханов показывает, что в буржуазном обществе, где сословные перегородки формально устранены, дело обстоит не лучше. Поэтому, говорит Плеханов, каждый класс имеет свою психологию. Интересный анализ психологии пролетариата дается им в статье «К психологии рабочего движения (Максим Горький «Враги»)».⁷ Плеханов не рассматривал общественную психологию как инертное явление, порождаемое «основанием». Он видел воздействие общественной психологии на экономику и, во-вторых, влияние психологии на различного рода идеологии.

«Психика общественного человека влияет на экономическое движение».⁸ Но дальше этого Плеханов в своих работах не идет. Не желая ставить в вину Плеханову то, что им не сделано, сле-

⁴ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. II, стр. 248.

⁵ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. III, стр. 159.

⁶ Там же, стр. 173.

⁷ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. V.

⁸ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. III, стр. 167.

дует все же отметить, что характер обратного воздействия психологии (так же, как и идеологии) на базис глубоко Плехановым не рассматривался. Значительно большее внимание Плеханова привлекло воздействие психологии на «различные идеологии».

Под идеологиями Плеханов понимал право, политику, науку, искусство, философию и религию. При этом первые две он рассматривал как идеологии «низшего порядка», т. е. непосредственно связанные с экономикой, а остальные — как идеологии «высшего порядка», как связанные с экономикой опосредствованно, косвенно. Для них, говорит Плеханов, экономика является основой в том смысле, что общество должно достигнуть известного уровня развития, чтобы получить возможность выделить из своей среды известный слой людей, способных посвятить свои силы исключительно деятельности в области той или иной идеологии; кроме того, отношения производства определяют само направление умственной работы в обществе.

Но те и другие идеологии, утверждает Плеханов, отражают в себе свойства общественной психики. И так же, как общественная психика, идеологии носят классовый характер. Характерно, что Плеханов не рассматривал мораль как идеологию, а ограничивал ее рамками обычной житейской практики. Однако, определяя место нравственности в надстройке, он ставил ее в один ряд с правом и государственным строем, как непосредственно и прямо обусловленные определенными экономическими отношениями. «...Право, государственный строй и нравственность всякого данного народа *непосредственно* и *прямо* обуславливаются свойственными ему экономическими отношениями».

Плеханов предупреждает против упрощенного понимания всех явлений в духовной области. Он указывает, по крайней мере, на три важных обстоятельства, усложняющих историческое развитие явлений надстройки. Это, во-первых, то, что каждое общество само живет в специфических для него условиях, само испытывает влияние других обществ и само влияет на другие общества. «Это вносит чрезвычайно сильный элемент разнообразия в тот процесс общественного развития, который... с отвлеченной точки зрения представляется до крайности схематичным».¹⁰ Во-вторых, как психология, так и идеологии, раз возникнув, приобретают относительную самостоятельность и даже в период социальных революций, меняющих структуру базиса, в области идеологии сохраняются старые взгляды, которые приспосабливаются новыми классами к своим интересам или просто переходят из одной эпохи в другую, как нейтральные для классовых интересов. В-третьих, все идеологии связаны друг с другом и влияют друг на друга.

⁹ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. II, стр. 247.

¹⁰ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. I, стр. 656.

Теперь, прежде чем перейти к дальнейшему изложению взглядов Плеханова, необходимо подвести итог сказанному.

Прежде всего не вызывает сомнения то обстоятельство, что в составе общественной психологии мораль, — как сумма нравов и обычаев, выражающих определенные отношения между людьми в их повседневном общении, и как критерий оценки поведения людей с точки зрения этих правил, — занимает весьма важное место.

Однако общественная психология не сводится только к нравственности. В повседневной жизни люди не только оценивают события с точки зрения добра и зла, но и вольно или невольно берут в качестве критерия и такие оценки, как красивое и безобразное, истинное и ложное и т. п. Это — процесс образования стихийного сознания.

Все «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней».¹¹ Люди не задумываются над тем, какое конкретное проявление экономики или социально-политических условий «пересаживается» в их голову и «преобразуется» в ней, так же как они не задумываются над тем, к какой идеологии (как части соответствующей формы общественного сознания) относится это «преобразованное» (наука, философия, религия и т. п.). Именно поэтому Плеханов, цитируя Маркса, говорит, что «процесс возникновения идеологической надстройки совершается незаметным для людей образом».¹²

Таким образом, общественная психология является как бы первым этажем всей громадной идеологической надстройки. Строительство этого здания вверх может идти только путем дифференцированно осмысленного отношения человека к той или иной стороне объективной действительности. Так возникают обособленные научные, философские, религиозные и др. теории и учения, называемые Плехановым идеологиями. И эти «верхние этажи» всей идеологической надстройки уже не испытывают на себе прямого, непосредственного влияния базиса. (Они, как выражался Маркс, не возвышаются над базисом, а соответствуют ему). Общественная психология носит классовый характер. Ее основой является не только экономика, но и весь социально-политический строй общества (классы, партии, государство, право, нации). Люди, принадлежащие к различным классам, по-разному осознают окружающую среду.

Отдельные представители этих классов или целые группы полностью посвящают себя защите и обоснованию взглядов своего класса на те или иные стороны жизни. Так появляются идеологии классов и идеология классов в самых различных областях — политике, праве, философии и т. д.

¹¹ К. Маркс, «Капитал», т. I, Госполитиздат, 1956, стр. 19.

¹² Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. I, стр. 651.

Общественная психология прямо отражается в различных идеологиях. Для них она не является вторым базисом, а выполняет роль одного из тех посредствующих звеньев, через которые идеологии связаны с базисом.

Но раз составной частью общественной психологии является мораль, а общественная психология отражается в идеологиях, то становится ясной связь морали с наукой, искусством, религией и т. д. При этом каждая из идеологий берет на себя обязанности толкователя морали. (Философия же с давних пор включила в себя специальный раздел — этику, а религия вообще не признает безрелигиозной морали).

Следовательно Плеханов не отрывал нравственности от общественной психологии, но и не сводил общественную психологию к нравственности. С этих позиций он и рассматривал связь нравственности с другими идеологиями.

Посмотрим как он это делал. Значительное внимание Плеханов уделяет вопросу соотношения *морали и религии*. Он разоблачает необоснованные претензии религии на мораль, выступает против утверждения теологов о том, что нравственность без религии невозможна, потому что в «истории развития человечества нравственность возникает прежде, нежели люди начинают освящать ее предписания ссылкой на волю сверхъестественных существ».¹³ Рассматривая происхождение религии, Плеханов на основе фактического научного материала показывает, что первоначальные религиозные представления людей существовали независимо от нравственности. Вера в сверхъестественные существа в то время базировалась на уверенности в том, что эти существа наказывают людей только за их грехи по отношению к ним самим и безразличны к грехам людей по отношению друг к другу.

Только на более высокой ступени развития «нравственность срастается с представлениями о тех духах, которые играют роль богов, ... тогда начинает казаться, что нравственность основывается на вере в существование богов и что с падением этой веры должна пасть и нравственность».¹⁴

Ряд положений концепции Плеханова о происхождении религии является спорным, но это ни в коей мере не колеблет вывода о том, что первоначально нравственность не была связана с религиозными представлениями людей.¹⁵

Рассматривая соотношение морали и религии в будущем, Плеханов высказывает мысль о том, что мораль будет вести самостоятельное существование, что уже в его время религиозные верования в большинстве случаев отставали от морального развития народов. «Связь между моралью и религией, казавшаяся неразрывной, осуждена на исчезновение в силу прогресса чело-

¹³ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. III, стр. 310.

¹⁴ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. III, стр. 408.

¹⁵ См. В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, Москва, 1959.

веческого разума». ¹⁶ Здесь так же следует отметить преувеличение Плехановым роли прогресса человеческого «разума» и умолчание о решающем пути преодоления религии — через социалистическое преобразование общества.

Принципиально другая связь существует между *моралью* и *политикой* как идеологией. Плеханов показывает, как на экономической почве складываются политические взгляды людей, и дает глубокий анализ развития политического самосознания пролетариата, борьба которого должна неизбежно привести к изменению социальных отношений, к его собственному политическому господству. «Так называемая революция есть только последний акт в длинной драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она делается борьбою политической». ¹⁷

Но раз политика пролетариата, его классовая борьба, является решающим условием для завоевания политического господства, то мораль пролетариата должна корениться в его политике. «Чтобы в пролетариате произошло . . . нравственное пере рождение, ему необходимо предварительно поставить перед собой великую цель: иначе он не выйдет из мелкобуржуазной трясины . . . Нравственное «освобождение» пролетариата будет достигнуто лишь посредством его социальной освободительной борьбы». ¹⁸ Вообще, замечает Плеханов, «человек есть нравственное существо только потому, что он есть, по выражению Аристотеля, существо политическое». ¹⁹

Разоблачая идеологов буржуазии, утверждавших независимость морали от политики и ставивших перед моралью только ограниченную цель — усовершенствование отдельных лиц, Плеханов остроумно показывает, что если от морали не построить мост к политике, то мораль попадает в неразрешимые противоречия.

В самом деле, говорит Плеханов, если мораль понимать как совершенствование индивидуумов, то это совершенствование может привести к одному из двух результатов: или совершенствование индивидуумов ведет к изменению взаимных отношений людей, — и тогда мораль переходит в политику; или совершенствование индивидуумов, являющееся самоцелью, теряет практическую цель и индивидуумы в сношениях друг с другом не нуждаются в морали, — тогда мораль уничтожает сама себя. Так Плеханов доказывает тесную связь морали и политики, разрыв между которыми недопустим.

Плеханов прослеживал тесную связь *нравственности с эстетическими взглядами* вообще и искусством в частности. Подвергнув глубокому анализу художественные явления различных

¹⁶ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. III, стр. 105.

¹⁷ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. I, стр. 83.

¹⁸ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. V, стр. 497.

¹⁹ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. V, стр. 488.

эпох, Плеханов, в частности, показал, что буржуазное искусство не в состоянии выйти из тупика, куда его завели идейные устои буржуазии.

Различные декадентские направления в буржуазном искусстве — это признак равнодушия к общественным, хотя бы и узко классовым, интересам. А буржуазный строй и развивает подобное равнодушие, т. к. люди воспитываются в духе пресловутого принципа: каждый за себя, а бог за всех; а отсюда естественно появление эгоистов и эгоизма. Индивидуализм стал теоретической основой буржуазной эстетики. А это прямой путь к идеализации всего аморального и проповеди пошлой, скучной и лживой добродетели. Так моральные установки буржуазии и мещанства определяют характер их искусства.

Плеханов показывает, что сила произведения искусства находится в прямой зависимости от идейных и моральных установок художника. Что было бы, спрашивает Плеханов, если бы Николаю I и его слугам удалось сделать из Пушкина, Островского и др. современных им художников служителей нравственности, как ее понимал корпус жандармов? Такие произведения утратили бы свою правдивость, силу и привлекательность и обнаружили бы признаки упадка. С другой стороны, искусство не имеет права ограничивать себя абстрактными моральными задачами. Так, например, романтики хотели изменить общественные нравы, ничего не изменяя в общественном устройстве. Результатом этого было крушение романтизма. Только в социалистическом обществе устраняется нравственная потребность в идеализации порока, прекратится опошление общественной морали, являющееся следствием стремления господствующего класса сохранить свои привилегии. Торжество пролетарской идеологии и морали будет основой для нового расцвета искусства. «Стремление быть полезным обществу... служит источником самоотвержения, а самоотверженный поступок очень легко может стать... предметом эстетического изображения».²⁰

Плеханов показывает, что нравы влияют и на форму произведений искусства. Так кубизм в живописи выступает как проявление буржуазной морали с ее презрением к человеку. Моралью в действии были различные театральные жанры, которые занимали место на сцене не по произволу авторов, а в соответствии с целями, преследуемыми тем или иным классом. Например, распущенность дворянских нравов второй половины XVII в. призвала на сцену английских театров фривольную комедию. Трагедии же Шекспира стали оцениваться очень низко. В то же время буржуазная часть публики продолжала питать самую горячую привязанность к Шекспиру.

Плеханов неоднократно говорит о коренном единстве развития эстетических вкусов и нравственных чувств. И те, и другие

²⁰ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. V, стр. 742.

(в виде эстетической оценки красоты и этической оценки добра) являются результатом признания их полезности обществом и коренятся в исторических условиях возникновения и существования этого общества или этого класса.

При исследовании соотношения *морали* и *права* Плеханов рассматривал моральные и правовые взгляды в их единстве. Защищая от идеализма марксистское учение о происхождении права, Плеханов показывает, что право вырастает на реальной почве экономических отношений. Значительная часть производственных отношений составляет имущественные отношения. Эти отношения собственности определяют юридические учреждения. Однако признание зависимости права от экономической основы «не исключает идеального отношения к ней со стороны членов данного общества».²¹ Поэтому право испытывает на себе влияние общественной психологии (в том числе нравственности) и различных идеологий. Но это влияние Плеханов называет формальным, т. к. оно, формируя право, не изменяет его содержания. (Содержанием права являются экономические отношения).

Право закрепляет фактические отношения людей в общественном процессе производства. «Данным правовым формам соответствуют известные правовые понятия людей. С дальнейшим развитием производительных сил, по мере того, как их состоянию перестают соответствовать старые правовые формы, в головах тех людей, интересы которых нарушаются таким несоответствием, возникают сомнения в пригодности и справедливости старых правовых учреждений; у них появляются новые понятия о праве и справедливости, соответствующие вновь достигнутой обществом ступени развития производительных сил».²² Для того, чтобы осознать непригодность старых норм права для житейских целей нужно, говорит Плеханов, немного больше мудрости, чем для сознания того, что неудобно носить слишком узкую обувь. Поэтому первоначально люди пытаются просто обходить устаревшую юридическую норму в каждом случае. Но противоречие между действующим правом и новыми правовыми и нравственными взглядами людей постепенно и постоянно усиливается. Если это противоречие отражает только фактическое несоответствие той или иной нормы права имущественным отношениям данного экономического строя, то такое противоречие легко устранимо законодателем. Если же право в целом уже является тормозом для дальнейшего развития производительных сил и мешает устранению новых имущественных отношений, то выход для устранения этого противоречия только один — социальная революция. «В сторону этих новых понятий о праве и справедливости направляется практическая деятель-

²¹ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. I, стр. 631.

²² Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. II, стр. 493.

ность борцов против старого порядка, ведущая к созданию новых правовых учреждений, дающих новый толчок развитию производительных сил».²³

Так мораль в непосредственной связи с правовой идеологией участвует в борьбе против отживших юридических институтов за утверждение новых.

При трактовке права Плеханов недостаточно четко подчеркивал классовую сущность происхождения права. В связи с этим он сделал ошибку, утверждая, что «на основе коммунистических (первобытно-общественных. — Я. Х.) отношений вырастает соответствующее им обычное право».²⁴ Но в доклассовом обществе господствовали нормы нравственности (обычай) и то, что с возникновением классов стали называть обычным правом, представляет собой не что иное, как нормы нравственности первобытно-общинного строя, сохранившиеся в классовом обществе и санкционированные органами государства.

При рассмотрении соотношения *морали и философии* Плеханов исследовал, как различные школы и направления философии обосновывали нравственность. Это обоснование нравственности (этика) органически входит в философскую систему. Поэтому этика (как идеология морали) является частью философии как идеологии. Отсюда становится ясным, почему Плеханов не называл мораль идеологией.

Если определение места морали в надстройке является ключом к определению ее сущности, то рассмотрение норм морали невозможно без исходных установок философской системы, выраженных в категориях свободы и необходимости. Вопрос о свободе и необходимости возникал перед всеми философами. «Он, как сфинкс, говорил каждому из таких мыслителей: разгадай меня, или я пожру твою систему».⁵ Разоблачая Штаммлера, Струве и других буржуазных социологов, Плеханов защищал и развивал марксистские взгляды на соотношение свободы и необходимости, показывая диалектическую связь между этими категориями. Критикуя вульгарное понимание «свободы», Плеханов указывает, что признание подчинения психической деятельности человека законам материальной необходимости еще не разрешает вопроса о соотношении свободы и необходимости, т. к. в обществе мы имеем дело не с отдельными индивидуумами, а с целой массой индивидуумов, где вступает в соприкосновение «свобода» каждого со «свободой» остальных. Поэтому о свободе речь может идти только в том случае, когда имеется налицо понимание необходимости. Необходимость здесь выступает не как субъективное проявление деятельности индивидуума, а как деятельность в соответствии с законом необхо-

²³ Там же.

²⁴ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. II, стр. 521.

²⁵ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. I, стр. 590.

димости, т. к. «научному объяснению поддаются только те явления, которые подчинены закону необходимости».²⁶ Поэтому, говорит Плеханов, «возможность свободной (сознательной) исторической деятельности всякого данного лица сводится к нулю в том случае, если в основе свободных человеческих поступков не лежит доступная пониманию деятеля необходимость».²⁷

Плеханов в ряде работ с марксистских позиций глубоко рассматривает важнейшие аспекты этой проблемы. Марксистское понимание соотношения свободы и необходимости совсем не ведет к фатализму или квиетизму, как это утверждали буржуазные социологи (Михайловский, Иванов-Разумник и др.) Выбор отдельной личностью, говорит Плеханов, линии поведения в том или другом случае (свобода воли) может привести к одному из двух результатов: или субъективные стремления (воля) противоречат объективному ходу общественного развития (необходимости), и тогда человек, допустивший ошибку, почувствует на себе силу неодобрения общества (класса); или эти стремления совпадают с объективным ходом общественного развития, и тогда они приобретают всю силу, свойственную ему. Правильное понимание необходимости не предопределяет пассивности человека. Совсем наоборот. «Тут все зависит от того, составляет ли моя собственная деятельность необходимое звено в цепи необходимых событий. Если да, то тем меньше у меня колебаний и тем решительнее я действую. И в этом нет ничего удивительного: когда мы говорим, что данная личность считает свою деятельность необходимым звеном в цепи необходимых событий, это значит, между прочим, что отсутствие свободы воли равносильно для нее совершенной *неспособности к бездействию* и что оно, это отсутствие свободы воли, отражается в ее сознании в виде *невозможности поступать иначе, чем она поступает.*»²⁸

2. Нормы морали и обычаи

Таким образом, общие закономерности развития человеческого общества и в том числе нравственности не могут снять вопроса о поведении отдельного члена общества, о его взглядах, привычках и т. д. С другой стороны, отличаясь друг от друга, люди обнаруживают часто сходство в своих потребностях, стремлениях, чувствах и т. д. Домарксистская философия пыталась найти объяснение всем этим явлениям в обосновании природы человека. Войдя в этот сложный лабиринт человеческих отношений и зайдя в тупик так называемой природы человека, домарксистская философия (даже материалистическая) явно не имела возможности выбраться из этого лабиринта. Только марксистское материалистическое понимание истории позволяет научно

²⁶ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. III, стр. 43.

²⁷ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. I, стр. 593.

²⁸ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. II, стр. 302.

решить эту задачу. «Чтобы выйти из неизвестности, прикрываемой более или менее ученой терминологией, нам надо от изучения природы человека перейти к изучению природы общественных отношений».²⁹

Для идеалистов «мнения людей» — основная и последняя причина всех общественных изменений. Для марксистов «объективны не взгляды «толпы», объективны те отношения в природе или обществе, которые выражаются в этих взглядах. Критерий истины лежит не во мне, а в отношениях, существующих вне меня».³⁰

В конечном итоге, говорит Плеханов, критерием идеала является экономическая действительность. Попытка идеалистической философии посадить на трон нравственный критерий идеала явно неудовлетворительна, т. к. нравственный критерий идеала не может указать правильного пути для служения интересам своих ближних. Этим марксисты не говорят, что нравственные чувства людей заслуживают пренебрежения или презрения, они только утверждают, что нравственный критерий идеала сам нуждается в объяснении. Если врач, говорит Плеханов, вздумал бы только довольствоваться нравственным негодованием против болезни, то он заслужил бы самой злейшей насмешки. Поэтому врачу недостаточно сочувствовать положению своего больного, ему нужно оценить физическую действительность организма, опираться на нее для борьбы с болезнью.

В ряде работ Плеханов четко проводит мысль о классовом характере моральных норм, относительно характере их содержания и выступает против «общечеловеческой» морали: «... в нравственных понятиях людей нет ничего абсолютного; ... они изменяются вместе с изменением тех условий, в которых живут люди».³¹

Значительное внимание уделял Плеханов рассмотрению таких понятий нравственности, как зло и справедливость. Что такое справедливость? Само по себе это «очень неопределенное и притом крайне отвлеченное понятие».³² Все дело в том, говорит Плеханов, какое конкретное содержание вкладывается в него данным человеком или классом. Сама постановка вопроса о справедливости есть выражение материальных интересов борющихся сторон. В ходе классовой борьбы борющиеся не всегда называют справедливость справедливостью, они, как правило, связывают это понятие со своими экономическими, политическими, правовыми и т. п. требованиями и «возможно олицетворяют ее в виде человекоподобной или даже звероподобной богини».³³ Что казалось справедливым буржуазии, когда она боролась за свое

²⁹ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. I, стр. 596.

³⁰ Там же, стр. 671.

³¹ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. V, стр. 292.

³² Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. II, стр. 202.

³³ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. I, стр. 643.

господство против феодалов? Как раз то, что соответствовало капиталистическому способу производства. «Справедливость старателей нередко оказывается интересом эксплуататоров».³⁴

Та же мысль о зависимости критериев справедливости от реальных экономических условий Плеханов иллюстрирует многими примерами из истории прошлого. Например, древние римские писатели резко выступали в свое время против ростовщичества. (Катон считал, что ростовщик вдвое хуже вора). Но это выступление было направлено только против денежного процента. Значительно мягче те же писатели относились к ссуде натурой, хотя ссуда натурой приносила ростовщику не меньший доход (но в натуре). В чем же дело? Оказывается, в том, что денежный, ростовщический капитал в то время производил опустошение в Италии, был вреден экономически господствующему классу.

Интересна параллель, проводимая Плехановым, в понимании зла буржуазией и пролетариатом. Многие представители господствующих классов видели зло в деньгах. Наблюдая разврат, излишества, коррупцию, они ратовали за «уничтожение копейки». Для них это означало жить просто, не приучать себя к роскоши, довольствоваться малым. «Уничтожить копейку» — уничтожить в себе самом алчность и др. пороки. Это было чисто нравственным убеждением. Для пролетария зло также в деньгах. Но пролетарий не может вкладывать в понятие зла только моральный смысл. Ведь он ведет борьбу не за излишнее, а за необходимое. Для него зло в том, что он должен подчиняться «копейке», т. к. не подчинившись ей, он лишится всякой возможности удовлетворять самые естественные и необходимые потребности. Это моральное убеждение становится социальным вопросом. Отсюда и разница в моральных призывах. Моралисты «высших классов» говорили: отойди от зла, сотворишь благо. Мораль пролетариата говорит: «отходя от зла, ты все-таки продолжаешь поддерживать его существование; надо уничтожить зло, чтобы сотворить благо».³⁵

Под тем же углом зрения Плеханов подходит к нравственной оценке таких человеческих поступков, как самопожертвование, героизм. Полемизируя с идеалистами, утверждавшими, что нравственность не имеет отношения к общественной пользе, т. к. в ряде случаев общественная польза диктует индивидуумам поступать вопреки соображениям личной пользы, Плеханов показывает, что дело обстоит как раз наоборот: «самоотвержение индивидуума имеет смысл лишь постольку, поскольку оно полезно роду».³⁶

Разбирая психологию поведения одного из героев драмы

³⁴ Там же.

³⁵ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. V, стр. 527.

³⁶ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. V, стр. 365.

Горького «Враги», решившего взять на себя ответственность за убийство капиталиста Скроботова, чтобы не «потревожили лучших, которые дороже для товарищеского дела», Плеханов с позиции пролетарской солидарности называет этот поступок подлинным героизмом. «Что может быть выше молодого самоотверженного Рябцева? И как высоки побуждения его более зрелых товарищей, указывающих ему путь к подвигу». «Это — несомненные герои».³⁷ И совсем другое дело — взгляды на героизм духовно нищей актрисы Луговой. Она легко поняла бы эффектный «подвиг», но будничного героизма пролетариев она понять не может. «Героизм героизму рознь. Герои, выдвигаемые высшими классами, не похожи на героев, выдвигаемых пролетариатом».³⁸

К этой же проблеме зависимости содержания моральных норм от экономического, классового положения людей Плеханов неоднократно возвращается и в несколько другом плане. Это ярко видно на примере сравнения Плехановым двух литературных произведений, в которых действующие лица, принадлежа к различным классам, попали в аналогичное «моральное положение». Н. А. Некрасов в стихотворении «В деревне» изобразил старуху-крестьянку, оплакивающую смерть своего сына. При этом старуха причитает:

«Кто, как доносится теплая шубушка,
Зайчиков новых набьет?»

Здесь же она вспоминает, что у нее разваливается вся изба; нет дров и т. д. У В. Гюго тоже написано стихотворение «Сегодня» на смерть своего сына. В этом стихотворении речь идет только о чувствах, самых искренних и достойных уважения.

Можно ли подойти с абстрактной меркой к чувствам этих разных людей, каждый из которых потерял любимого ребенка? Конечно нельзя. У некрасовской крестьянки горе не меньше, чем у Гюго. Но жизненные условия этих разных людей по-разному ассоциируют их чувства. Некоторые «моралисты» высших классов пытались сделать вывод об аморальности, черствости старухи-крестьянки. Но это совсем не так. От того, что в ее представлении утрата сына связана с представлениями, относящимися к так называемым материальным потребностям, ее горе не перестает быть искренним. «Некрасовская старуха вспоминает о зайчиках и о развалившейся избушке не потому, что удовлетворение ее материальных потребностей дороже для нее, нежели сыновья любовь, а потому, что сыновья любовь, которая, вероятно, была ей дороже всего на свете, проявлялась в заботах сына об удовлетворении материальных потребностей матери. У богатых людей детская любовь проявляется в заботах другого рода, потому что материальные потребности «гос-

³⁷ Там же, стр. 516.

³⁸ Там же, стр. 517.

под» удовлетворяются услугами наемных, а раньше крепостных слуг». ³⁹

А вот коллизия двух различных моральных систем. Рассматривая критику Белинским поэмы Пушкина «Цыгане», Плеханов соглашается с Белинским в том, что в поэме дана горячая проповедь истинной нравственности, протест против ревности, как чувства недостойного нравственного развития человека. Но Плеханов подчеркивает более глубокий смысл событий в поэме. Алеко громит порядки своего общества, в знак протеста покидает его, но попав в почти первобытную среду цыган, он в своих отношениях с любимой женщиной продолжает руководствоваться нравственными нормами того общества, которое он покинул. Алеко стремился восстановить то, что ему хотелось разрушить. Поэма «объясняет психологию целой исторической эпохи». ⁴⁰

Плеханов предупреждает, что к классовой оценке моральных норм и правил нельзя подходить упрощенно с противоположных позиций, занимаемых борющимися классами. Такое упрощение недопустимо, т. к. нравы и обычаи всегда стояли в теснейшей (положительной или отрицательной) связи с идеологиями предшествующего времени. Состояние умов данного времени можно понять только в связи с состоянием умов предшествующей эпохи. «С появлением классов противоречие становится не только движущим, но и *формирующим* началом.» ⁴¹ Взять, например, такие добродетели, как трудолюбие, терпение, трезвость, бережливость, строгость семейных нравов и др., которые были подняты на щит английской буржуазией в борьбе с дворянством за более высокое положение в обществе. Эти добродетели были очень полезны буржуазии. Казалось бы, что эти же добродетели должна была использовать и аристократия (конечно в своей трактовке) против буржуазии. Но этого не случилось. Почему? Разве пороки, противоположные добродетели буржуазии, могли быть полезны дворянству в его борьбе с буржуазией? Конечно нет. Плеханов считает, что английское дворянство, руководствуясь чувством ненависти к своему противнику, ненавидя революционные стремления буржуазии, почувствовало отвращение к ее добродетелям и поэтому стало щеголять пороками, составляющими прямую противоположность этим добродетелям. ⁴²

На наш взгляд, этот вывод Плеханова кажется несколько односторонним и противоречит некоторым положениям самого же Плеханова. По-видимому, главные причины такого поведения дворянства заключались в том, что, во-первых, дворянству в его прошлом никогда не приходилось брать себе на вооружение подобные добродетели, и, во-вторых, (и это главное) наступившая

³⁹ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. V, стр. 523.

⁴⁰ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. V, стр. 225.

⁴¹ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. I, стр. 666.

⁴² См. Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. V, стр. 300.

историческая необходимость гибели господства феодалов не могла не вызвать и морального разложения этого класса; дворянство просто было не в состоянии противопоставить буржуазии что-нибудь жизненное во всех областях, в том числе и в области морали. (То же самое происходит в настоящее время с буржуазией).

Известно, что Маркс и Энгельс придавали большое значение научной систематизации богатого фактического материала географических, этнографических и др. исследований. Напомним только для примера о ценном исследовании Моргана и его использовании Энгельсом. Также как и Энгельс, Плеханов часто использует фактический материал из жизни первобытных племен для подтверждения материалистических взглядов. Значительное место отводит Плеханов рассмотрению обычаев и нравов прошлого и материалистическому объяснению их. Принципиальный методологический подход к объяснению отдельных явлений в области идеологии Плеханов блестяще демонстрирует в работе «О материалистическом понимании истории» (1897 г.). Критикуя Лабриола за непоследовательный материализм, Плеханов показал, что Лабриола в целом твердо и довольно последовательно держится материалистического понимания истории, но когда речь идет о частностях, он слагает свое материалистическое оружие перед трудностью вопроса. Всякий раз, когда Лабриола не в состоянии дать объяснения тому или иному факту, он ссылается или на невежество, или на традиции, или на «символизм», как на последнюю причину многих обычаев. Однако традиция может сохранить только то, что уже существует. Сила традиции — сила инерции. Но почему сохранился именно данный обряд или обычай, а также происхождение данного обряда или обычая, ссылка на традицию объяснить не может, ибо такая ссылка означает повторение вопроса в утвердительной форме. Символизм также, хотя и играет некоторую роль в истории идеологий, сам по себе объяснить действительные причины обычаев не может. Для того, чтобы понять обычаи, нужно понять «смысл и происхождение знаменующих ими отношений».⁴³ А отношения всегда приведут к истории экономического развития. «Возьмем такой пример. У кавказского племени пшавов женщина обрезывает себе косу в случае смерти брата, но не делает этого, когда умрет ее муж. Обрезывание косы есть символическое действие: оно заменило более старый обычай принесения себя в жертву на могиле покойника. Но почему же женщина совершает это символическое действие на могиле брата, а не на могиле мужа?»⁴⁴

Ответ на этот вопрос дает история семьи, которая сама объясняется историей экономического развития. Было время, когда главою родовой группы, ведущей свое происхождение от жен-

⁴³ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. II, стр. 261—262.

⁴⁴ Там же, стр. 261.

щины-родоначальницы, был старший по возрасту родственник-мужчина по матери. Значит отношения, имевшие место внутри рода, семьи, поставили во главе рода не мужа, а брата (в нашем теперешнем понимании степени родства). Но эти отношения в силу изменения экономических условий остались в прошлом, на смену им пришли новые отношения, а обычай сохранился. Почему? Борьба общественных интересов выражается в данном случае в виде борьбы новых обычаев и обрядов со старыми. Отстаивание старых обычаев у их охранителей связывается (ассоциируется) с представлением о выгодных, дорогих и привычных им общественных порядках. Новаторы борются против старых обычаев, также ассоциируя их с представлением о стеснительных, невыгодных и неприятных им общественных отношениях. «Следовательно, тут все дело в ассоциации идей.»⁴⁵ «Возникновением, изменением и разрушением ассоциаций идей под влиянием возникновения, изменения и разрушения известных комбинаций общественных сил в значительной степени объясняется история идеологий.»⁴⁶

То, что тот или иной обычай сохранился, может только означать, что в умах передовых людей представление о нем не было так сильно связано с представлением о ненавистной старине, как представление о других обычаях. Если же и по этому поводу поставить вопрос: почему, — то ответ на него не всегда может быть дан, т. к. развитие идей и представлений настолько сложно, что дать математически точное решение этой задачи иногда совсем невозможно. Однако эта трудность не умаляет материалистического объяснения обычаев и нравов.

Истории известны обычаи, зависимость которых от экономических условий жизни можно проследить сравнительно легко. Однако и в этих случаях идеалисты не идут дальше того, что на старый обычай накладывают свою моральную мерку и делают абсурдные выводы. Так, например, среди туземцев Австралии было очень распространено детоубийство. Убивали каждого ребенка, родившегося в семье, где уже были маленькие дети; убивали всех плохо сложенных детей; убивали близнецов и т. д. Известно, что отдельные первобытные племена убивали детей только женского пола. У многих племен был заведен обычай лишать жизни больных и стариков.

Эти факты дали основание немецкому идеалисту Бюхеру заявить о безграничном эгоизме первобытных народов, якобы не достигших такого культурного уровня, при котором имеет место родительская любовь. Плеханов разбивает эти утверждения Бюхера. Он показывает, что общеизвестный факт детоубийства в древней Спарте опровергает Бюхера, поставившего этот обычай в зависимость от уровня культуры. Разве спартанцы не до-

⁴⁵ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. II, стр. 262.

⁴⁶ Там же, стр. 263.

стигли той ступени культуры, на которой «возникает» любовь родителей к детям?

На богатом фактическом материале Плеханов доказывает существование больших и глубоких родительских чувств, которые проявляли первобытные племена наряду с убийством детей и стариков. Сводя объяснение этих обычаев на материалистическую основу, Плеханов делает правильный вывод: убийство детей и стариков было вынужденной мерой, вытекающей из условий жизни племен, условий, «при которых истребление производителей членов является нравственной обязанностью перед обществом».⁴⁷ Диалектика дикой жизни такова, что низкий уровень развития экономики приводит к двум различным результатам — убийству детей и стариков и к сильному развитию родительских чувств и большому уважению к старикам.

Аналогичным образом вульгарные экономисты объясняли первобытные формы собственности отсутствием «бережливости» у дикарей. Плеханов показал, что привычки и обычаи вырастают на своей форме собственности, и что для общественной собственности первобытных народов безусловно неприемлема «бережливость». Но отсутствие «бережливости» не причина образования общественной собственности, а ее результат. При низком уровне экономики люди должны строить свои взаимоотношения на принципах взаимопомощи. Охота, например, никогда не может гарантировать постоянное добывание пищи. Сегодня охотник убил большое животное, а завтра нет. Мясо большого животного сразу не съешь, а долго хранить его нельзя — испортится. Так и соблюдается обычай делиться, который является своеобразной формой взаимного страхования. Без этого существование охотничьих племен было бы невозможно. Конечно, иронически замечает Плеханов, если бы мясо можно было бы продать, то вырученные деньги легко было бы «сберечь».

В связи с рассмотрением общественной собственности у первобытных народов Плеханов подмечает обратную связь обычаев с формой собственности: «Привычки и обычаи, выросшие на этой почве, в свою очередь ставят пределы произволу личного собственника.»⁴⁸

В «Письмах без адреса» (1899—1900 гг.) Плеханов придает большое значение принципу антитезы, т. е. сведению законов искусства к двум противоположным свойствам человеческой природы — к «подражанию» и к «противоречию». Плеханов признал принцип антитезы действующим и в области нравственности, точнее ее обычаях и привычках. Свою мысль Плеханов подтверждает различными примерами из истории нецивилизованных народов. Вот некоторые из них: 1) когда у негра племени Ниа-Ниамир умирал кто-нибудь из близких, он обрезал немед-

⁴⁷ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. V, стр. 351.

⁴⁸ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. I, стр. 631.

ленно в знак печали свои волосы, которым в обычных условиях уделял большое внимание;

2) на острове Борнео некоторые туземцы, чтобы выразить свою печаль, снимают с себя обычные у них хлопчатобумажные одежды и надевают одежды из древесной коры, бывшую у них в употреблении в прежнее время;

3) некоторые монгольские племена с тою же целью выворачивают свою одежду наизнанку.

Из этих и подобных им примеров Плеханов делает вывод о том, что здесь наглядно видно желание людей поступать, руководствуясь стремлением к противоречию. «Я убежден, что весьма значительная часть обычаев обязана своим происхождением действию начала антитеза.»⁴⁹

Этот вывод Плеханова нельзя признать основательным. То, что во взглядах и нормах поведения людей имеет отрицание предыдущего, это не оспоримо, т. к. служит проявлением известного диалектического закона. Но сводить «весьма значительную часть обычаев» только к этому, является ошибкой.

Плеханов делает шаг назад, изменяя своей же методологии, примененной ранее в работе «О материалистическом понимании истории», игнорируя собственное предостережение о необходимости учения о противоположности рассматривать прежде всего с объективной стороны, ибо «кто, пожелав вникнуть в сущность диалектического процесса, начал бы именно с проверки учения о противоположности явлений, стоящих рядом в каждом данном процессе развития, тот подошел бы к делу с ненадлежащего конца. В выборе точки зрения для такой проверки всегда оказалось бы очень много произвольного».⁵⁰

В самом деле, о чем свидетельствуют приведенные выше обычаи? Прежде всего о том, что для людей смерть близкого человека является невозвратимой утратой. Для остающихся живыми это зло. Но с чем ассоциируется зло в сознании людей той эпохи? Прежде всего с недостатками в удовлетворении своих материальных потребностей. А о бедности (большом зле) всегда свидетельствовали плохая одежда, запущенность волос на голове и т. п. Вот эта ассоциация представлений и вызывает соответствующие обычаи. Но эти же обычаи говорят еще и о другом. В описанных случаях оставшиеся живыми не ставят перед собой вопрос о дальнейшей «судьбе» умершего. А если и ставят, то, по-видимому, не ждут для него ничего хорошего. Но если взять обычаи более позднего времени, то у большинства народов они уже связываются с «лучшей загробной» жизнью, а это вызывает иное поведение живых — одевание лучших (но не ярких, не радостных) одежд, обильные приемы пищи и т. д. Таким образом, через ассоциацию представлений мы можем проследить и эконо-

⁴⁹ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. V, стр. 299.

⁵⁰ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. I, стр. 577.

мическую основу возникновения того или иного обычая, и влияние других идеологий (в нашем примере — религии) на формирование обычаев.

Но эту ошибку Плеханова (как и некоторые другие, указанные выше) можно отнести, выражаясь его же словами, к ошибкам «низшего порядка». К сожалению, в последний, меньшевистский период своей деятельности Плеханов допустил грубые политические ошибки и в том числе, так сказать, ошибку «высшего порядка» в области этики. В данном случае речь идет о его статьях (1914—15 гг.), известных под общим названием «О войне». В этих статьях, защищая социал-шовинистические взгляды на характер первой мировой войны и желая доказать справедливость войны со стороны России и несправедливость со стороны Германии, Плеханов решил сослаться на ...Маркса. «Уже первый манифест первого Интернационала, — написанный Марксом, — ставил рабочим на вид, что они должны проникать в тайны международного государственного искусства и наблюдать за дипломатическими подвохами правительств. В случае нужды рабочим надо бороться против них всеми возможными средствами. Если рабочие не могут предупредить тот или другой дипломатический сюрприз, то им следует единодушно и одновременно открыто протестовать против него. Далее манифест говорил, что простые законы нравственности и права (разрядка моя. — Я. Х.), которыми определяются взаимные сношения отдельных лиц, должны также стать высшими законами, определяющими взаимные отношения народов».⁵¹

Первая часть приведенной цитаты в устах Плеханова звучит как обвинение рабочему классу Германии, не выполнившему завет Маркса, вторая часть призывает к соблюдению «простых законов нравственности и права». Но по этому поводу следует обратиться к первоисточнику, т. е. Марксу.

В «Учредительном манифесте международного товарищества рабочих» Маркс писал о задаче пролетариата «самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами, имеющимися в его распоряжении; в случае же невозможности предотвратить эту деятельность — объединяться для одновременного разоблачения ее и добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости (разрядка моя. — Я. Х.), которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами».⁵² Итак, Маркс говорит о «законах нравственности и справедливости». Это ясная пролетарская

⁵¹ Г.В. Плеханов, О войне, Петроград, 1917, стр. 60. *

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 11.

позиция. Маркс говорит о борьбе за пролетарскую мораль, которая должна быть положена в основу внешней политики государств. Ссылаться же на право Маркс не мог, т. к. до завоевания политического господства пролетариатом пролетарского права не было, а цену буржуазному праву Маркс хорошо знал.

Плеханов, извратив Маркса, перешел с позиций пролетариата на позиции буржуазии и фактически призвал пролетариат руководствоваться моралью и правом буржуазии. Таким образом, Плеханов в завуалированном виде пытался протащить идею об надклассовой нравственности. Этот момент усиливается ссылкой Плеханова на этический закон Канта — человек не средство, а цель в самом себе. Правда, Плеханов не выпускает из виду, что этот нравственный закон был провозглашен буржуазией в то время, когда она боролась за свое «освобождение» от феодализма; ему ясно, что он (закон) постоянно нарушался. Но теперь это тот «нравственный закон, до признания которого постепенно возвышается цивилизованное человечество».⁵³

И опять отказ от классового критерия, рассуждение о «человечестве». Марксистско-ленинская этика не признает «вечной», «внеклассовой» нравственности.⁵⁴ «Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем».⁵⁵ Да и сам Плеханов, в то время, когда он был марксистом, придерживался того же взгляда. Факт деформации взгляда Плеханова на нравственность лишний раз подчеркивает неразрывную связь морали с политическими взглядами. Стоило Плеханову в политике начать проповедывать софистику под флагом диалектики, абстрактность под флагом конкретного анализа, как неминуемо он оказался и в области этики в плену своих абстрактных, искусственных конструкций.

*

Мы рассмотрели некоторые узловые пункты этических взглядов Плеханова.⁵⁶ Огромная эрудиция, умелая аргументация, естественно подводящая к очевидной правоте диалектического материализма, остроумное разоблачение идеалистических трактовок нравственности (разумеется, когда Плеханов оставался на

⁵³ Г. В. Плеханов, О войне, Петроград, 1917, стр. 63.

⁵⁴ М. П. Карева в работе «Право и нравственность в социалистическом обществе» (Москва, изд-во АН СССР, 1951) пишет: «... термин «элементарные нормы нравственности» в марксистской литературе справедливо встречает настороженное отношение, как ассоциирующийся с рядом ошибочных, немарксистских взглядов» (стр. 71). Думается, что подобная настороженность напрасна. Нужно только вскрыть сущность и место элементарных норм в классовой морали.

⁵⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 266.

⁵⁶ Рамки данной статьи не позволили специально рассмотреть критику Плехановым этических систем в домарксистской философии.

марксистских позициях) — все это составляет весьма значительный вклад в марксистскую этику.

Но естественно возникает вопрос: какое значение имеют работы Плеханова для марксистской этики в наше время? Не претендуя на исчерпывающий ответ, хочется отметить следующее:

1) Понимание морали как формы общественного сознания без раскрытия сущности и содержания такого явления надстройки, как общественная психология, просто невозможно.⁵⁷ Игнорирование этого положения Плеханова, прямо вытекающего из ряда высказываний основоположников марксизма о надстройке, не дает возможности правильно определить место морали в надстройке и может, таким образом, помешать некоторым выводам, имеющим практическое значение. «Партия рассматривает борьбу с проявлениями буржуазной идеологии и морали, с остатками частнобуржуазной психологии, суеверий и предрассудков как составную часть работы по коммунистическому воспитанию.» (Из проекта Программы КПСС). В самом деле, очень легко объяснить наличие пережитков прошлого в социалистической морали исключительно отставанием сознания от бытия. Но такое объяснение далеко не достаточно для практики коммунистического воспитания. В то же время рассмотрение морали только как идеологии также не дает ответа на вопрос, почему «практическая» мораль может отставать от требований этой же идеологии. Значит, для того, чтобы успешно решать практические задачи по формированию коммунистической морали, нужно четко определить структуру и место морали в надстройке, специфический характер ее взаимодействия с другими общественными явлениями. Это даст возможность использовать все «пружины» и «рычаги» для решения воспитательных задач на научной основе. Думается, что трактовка Плехановым общественной психологии — исходный пункт для решения этих вопросов.

2) Принципиальное значение для марксистской этики имеет методология, примененная Плехановым при объяснении происхождения отдельных норм морали. Борьба Плеханова за материализм в понимании развития человеческого общества диктовала ему делать главный упор на вторичный характер всех явлений надстройки. В силу этого он уделял очень мало внимания обратному воздействию идеального на материальное и, в том числе, морали на экономику.

Однако, выведение обычаев и нравов из экономических отношений с учетом ассоциации представлений является надежным исследовательским оружием марксистской этики. Марк-

⁵⁷ В этом отношении за последние годы наметился некоторый отрядный сдвиг. Можно назвать такие интересные работы: В. Келле и М. Ковальзон, *Формы общественного сознания*, М., 1959; А. Г. Ковалев, *О социальной психологии*. Вестник Ленинградского университета, № 1, 1959; Г. М. Гак, *Учение об общественном сознании в свете теории познания*, М., 1960.

систская этика, отправляясь от этого, должна продолжить исследование с тем, чтобы определить пути и характер обратного воздействия как обычаев и норм морали на экономическую основу общества, так и идеологий на обычаи и нормы морали.

Это особенно важно «в условиях социализма и строительства коммунистического общества, когда стихийное экономическое развитие уступило место сознательной организации производства и всей общественной жизни, когда теория повседневно претворяется в практику...» (Из проекта Программы КПСС.)

К КРИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ «ИНДУСТРИАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ»

Э. Я. Матров

В современную эпоху, когда в мире произошли грандиозные революционные преобразования, в результате которых силы социализма растут и крепнут, а силы империализма становятся все слабее, монополистическая буржуазия мобилизует все имеющиеся в её распоряжении политические и идеологические средства для защиты и оправдания основных устоев капитализма. В проекте новой Программы коммунистической партии Советского Союза подчеркивается, что «виды и формы буржуазной идеологии, методы и средства обмана трудящихся многообразны. Но суть их одна — защита отживающего капиталистического строя»¹.

Большую роль в деле идеологического воздействия на трудящихся апологеты капитализма отводят современной буржуазной социологии. Западные социологи предпринимают ныне большие усилия для того, чтобы всеми способами и методами замаскировать дальнейшее углубление общего кризиса мировой капиталистической системы и доказать «вечность», «неизменность» и «незыблемость» буржуазного строя.

Однако прямая апологетика империализма становится ныне для буржуазных социологов всё более трудным и сложным делом.

Западные социологи не могут удерживать массы под буржуазным влиянием старыми методами и теориями, так как жизнь развеяла в прах их прежние аргументы, направленные на защиту империализма. Они облачаются в новые одежды, стремятся найти новые доводы и пути для обмана трудящихся. В своей защите современного буржуазного строя они применяют ныне более хитрую и гибкую тактику, прибегают к более тонкой, завуалированной аргументации. В проекте Программы указывается, что «защитники буржуазного строя, стремясь удержать массы в духовном плену, изобретают все новые «теории»,

¹ Проект Программы Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, 1961, стр. 54.

маскирующие эксплуататорскую природу буржуазного строя, приукрашивающие капитализм».² Усилия буржуазных социологов направлены в настоящее время, главным образом, на то, чтобы замаскировать природу империализма, представить его как якобы какой-то новый общественный строй, который лишен недостатков и пороков, присущих в свое время капитализму XIX века. Широкое распространение получили теории «народного капитализма», «социальной стратификации», «социальной мобильности», «государства всеобщего благоденствия» и другие.

Одним из новых направлений современной буржуазной социологии является «индустриальная социология», которая в настоящее время стала модной и широко распространенной. Представители этого течения стремятся посредством теории и практики так называемых «человеческих отношений» защитить и оправдать современный капитализм.

Автор, не претендуя на полноту и всесторонность изложения, стремился дать в статье с позиций марксизма-ленинизма критический анализ некоторых аспектов теории «индустриальной социологии».

Основной проблемой, которая рассматривается «индустриальной социологией», является так называемая концепция «человеческих отношений»,³ то есть вопрос о характере и формах взаимоотношений людей в капиталистическом обществе.

Представители «индустриальной социологии» отводят этой концепции центральное место в своих взглядах. По мнению западногерманского социолога Х. Шельского «возникшее духовное и социальное движение за человеческие отношения в промышленности является сегодня исходным пунктом охватившего весь западный мир подъема индустриальной социологии».⁴

Почему именно этой концепции «человеческих отношений» представители «индустриальной социологии» придают такое большое значение?

Дело в том, что, фальсифицировав природу современного капитализма, эти буржуазные идеологи все же не могут обойти молчанием имеющие место факты все обостряющейся борьбы рабочего класса за свои экономические и политические права, за свое освобождение от власти капитала. Американский социолог Нюкс пишет, что «промышленные проблемы — стачки, локау-

² Проект Программы Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, 1961, стр. 53.

³ Для обозначения этой концепции в буржуазной социологической литературе употребляется также термин «индустриальные отношения».

⁴ Wege zum sozialen Frieden, Herausgegeben von H. D. Ortlieb und H. Schelsky, Stuttgart und Düsseldorf, 1954, стр. 210.

ты, сокращение производства и неуверенность рабочих — служат свидетельством того, что что-то не в порядке»⁵.

Представители «индустриальной социологии» пытаются объяснить и найти путь разрешения социальных конфликтов капитализма с помощью теории «человеческих отношений». С точки зрения сторонников «индустриальной социологии», попытки буржуазных идеологов найти возможности решения социальных проблем капиталистического общества кончались неудачей, потому что они в своих исследованиях не учитывали роли «человеческого фактора» в общественных процессах. «Основная ошибка в рассмотрении и изучении человеческого поведения на предприятии, — пишет профессор К. Гассер (Швейцария), — состояла и состоит до сегодняшнего дня в том, что оценку, «логику», закономерности технической и экономической сферы применяли и применяют к человеческой сфере»⁶.

По мнению сторонников «индустриальной социологии» теория «человеческих отношений» якобы должна исправить этот недостаток прежних социологических исследований и дать положительные рецепты для излечения «социальной напряженности» современного буржуазного общества, не затрагивая основ капитализма.

Один из ревностных защитников этой концепции американский буржуазный социолог Друкер заявляет, что «политика человеческих отношений является главным средством для постановки на здоровую основу общественную жизнь индустриального общества и предприятия как общественного института» и что будто «от разумного использования этой политики, от признания её предпринимателями и рабочими»⁷ зависит возможность разрешения всех социальных проблем капиталистического общества.

Джон Нокс в своей книге «Социология индустриальных отношений» также утверждает, что с помощью анализа «человеческих отношений» в промышленности можно найти возможность создания такого общественного порядка, в котором всегда будет сохраняться равновесие между силами отдельных социальных групп. Причем такой общественный порядок должен, конечно, сохранить нетронутыми основные устои капитализма.

Теория «человеческих отношений» имеет также большое практическое значение для монополистической буржуазии, ибо одной из существенных целей этой концепции является разработка новых, более завуалированных форм эксплуатации рабо-

⁵ J. B. Knox, The Sociology of Industrial Relations, New York, 1955, стр. 6.

⁶ Ch. Gasser, Die Menschen im modernen Industriebetrieb, Köln-Opladen, 1952, стр. 16.

⁷ P. F. Drucker, Gesellschaft am Fließband, Eine Anatomie der industriellen Ordnung, Frankfurt a. M., 1950, стр. 147.

чего класса в условиях современного капитализма. Американские социологи Б. Б. Гарднер и Д. Т. Мур заявляют, что непосредственной задачей социологических исследований «человеческих отношений» является разработка новых методов повышения производительности труда на капиталистических предприятиях, причем такого рода результата пытаются достичь путем развития у рабочего «положительного отношения к труду».

Все вышеуказанные положения прежде всего объясняют тот факт, почему идеологи буржуазии придают сегодня такое большое внимание разработке теории и практики «человеческих отношений».

На международном совещании марксистов в 1958 году в Риме в институте имени Грамши подчеркивалось, что «комплекс действий монополистического капитала и буржуазных теорий, известный под названием «человеческих отношений», является ныне одной из наиболее широко распространенных форм борьбы монополий против рабочего класса»⁸.

Рассмотрим некоторые теоретические основы концепции «человеческих отношений».

Представители «индустриальной социологии» считают основой социальных явлений и конфликтов буржуазного общества изменения, происходящие в сфере техники, опережающие изменения в других сферах общественной жизни. Х. Шельский пишет, что «сверхбыстрый темп и совершенство современного технического развития наталкивается на очень медленный ритм перестройки социальных, политических и духовных норм поведения человека», и этим объясняется «присущая современной технике напряженность в социальных и человеческих отношениях»⁹.

Сторонники этого направления выступают против технократических теорий современной буржуазной социологии. Они критикуют как взгляды тех социологов, которые связывают прекрасные перспективы для будущего человечества непосредственно только с быстрым развитием техники в условиях капитализма, так и концепции тех ученых, которые отрицают целесообразность, необходимость технического прогресса и говорят о гибели мира от развития науки и техники. Тот же Шельский заявляет, что он в «противоположность к общему взгляду промышленной психологии и всеобщей популярной философии, которая все еще сегодня говорит о «демонии техники»,¹⁰ придерживается точки зрения, что неверными являются взгляды,

⁸ Проблемы мира и социализма, № 1, 1959, стр. 80.

⁹ Gehlen-Schelsky, Soziologie, Düsseldorf-Köln, 1955, стр. 176.

¹⁰ Wege zum sozialen Frieden. Herausgegeben von H. D. Ortlieb und H. Schelsky, 1954, стр. 227.

которые связывали с развитием техники «окончательный моральный и социальный прогресс человечества» как и «пессимистические пророчества, что демония современной техники ведет человека к самоуничтожению»¹⁰. По мнению сторонников «индустриальной социологии», развитие техники не решит социальных проблем, не устранил социальных конфликтов капиталистического общества.

Конечно, представители «индустриальной социологии» правы в том отношении, что технический прогресс не может разрешить социальных противоречий буржуазного общества. Антагонистические противоречия, присущие современной капиталистической промышленности, происходят не от самих машин, а от их применения при капитализме. Ненасытная жажда получения максимальных прибылей толкает монополистическую буржуазию непрерывно совершенствовать технику. Но развитие крупной капиталистической машинной индустрии ведет к дальнейшему усилению эксплуатации трудящихся, усиливает стихийность, анархию общественного производства, ведет к обострению всех противоречий капитализма.

Однако представители «индустриальной социологии» не в состоянии научно объяснить тот факт, что между изменениями в области техники и социальными изменениями имеется определенная связь и взаимозависимость. Причину социальных противоречий, или по их терминологии «социальной напряженности», современного буржуазного общества они видят не в конфликте между характером производительных сил и производственными отношениями капитализма, а лишь в том, что якобы так называемые «человеческие отношения» не соответствуют современному уровню развития технического прогресса.

По мнению американского социолога Элтона Мейо быстрый рост научного и технического прогресса отрицательно повлиял на «взаимоотношение людей». В первобытном обществе, которое Мейо именует «установившимся обществом» (*established society*), человек солидарен со своей группой на протяжении всей жизни, в результате чего здесь было достигнуто хорошее сотрудничество между людьми. Развитие техники разрушило все исторические социальные и личные отношения людей, которые существовали между ними в предшествующих человеческих обществах. Вследствие этого нарушались групповые связи, группы чистосердечно не кооперируют между собой, обычно они теперь враждебны по отношению друг к другу. В результате этого нарушалось прежнее сотрудничество людей. Такое положение привело к тому, что современное капиталистическое общество, по терминологии Мейо «приспосабливаемое общество» (*adaptive society*), «стоит на более низком уровне единства и верности общей цели», чем первобытное, и представляет собой

¹⁰ Gehlen-Schelsky, *Soziologie*, 1955, стр. 176.

«социальный хаос». В результате этого у людей «возникает личная неуверенность, отсутствие перспективы, отчаянье»¹¹.

Мейо правильно подмечает в современном буржуазном обществе постоянный рост противоречий между трудом и капиталом. Он видит, что в условиях капиталистического производства человек становится простым придатком машины. Но из этих фактов Мейо делает идеалистические выводы. Причину такого положения он видит не в самой природе капитализма, а лишь в том, что «человек» не приспособился к окружающей его «технической среде». Путем правильной организации «человеческих отношений» в промышленности можно будет развить приспособляемость людей к современной технике, и это должно обеспечить восстановление сотрудничества между ними в капиталистическом обществе.

Такой же точки зрения в отношении роли так называемых «человеческих отношений» в общественной жизни придерживаются и другие представители «индустриальной социологии». Американские социологи Миллер и Форм заявляют, что «только технологический прогресс не разрешит главные проблемы на наших действующих предприятиях. Эти проблемы будут разрешены только при помощи роста знания и понимания «человеческих отношений» в промышленности. «Индустриальная социология» является относительно новой дисциплиной, посвященной этой цели»¹². Шельский считает, что «регулирование и руководство человеческими отношениями» якобы позволит ликвидировать присущую современному буржуазному обществу «напряженность в социальных отношениях».

С помощью таких рассуждений о «приспособлении» человека к «технической среде» через правильную организацию «человеческих отношений» сторонники «индустриальной социологии» проповедуют реакционную идею о том, что трудящимся капиталистических стран необходимо приспособляться к буржуазному ядру и не нужно бороться за коренное изменение эксплуататорских общественных отношений. Таким путем эти социологи фактически пытаются выкорчевать идею о необходимости коренных общественных преобразований.

При этом необходимо заметить, что по мнению этих социологов задачу развития «человеческой приспособляемости» к условиям капиталистической действительности должны прежде всего осуществить сами владельцы предприятий. Д. Нокс заявляет, что предприниматель должен быть не только специалистом в области техники, но также специалистом «человеческих отношений»; так как обязан регулировать взаимоотношения между людьми на своем предприятии. Совершенно очевидно, что подобные положения «индустриальной социологии» носят

¹¹ См. Elton Mayo. The Social Problems of Industrial Civilization, London, 1949, стр. 7, 14.

¹² D. C. Miller and H. Form, Industrial Sociology, стр. X.

ярко выраженный реакционный характер и служат интересам капиталистического класса.

Буржуазная концепция «человеческих отношений» направлена против марксистско-ленинского учения о роли производственных отношений в жизни общества. Известно, что общественная жизнь людей очень сложна и многогранна. Величайшая заслуга Маркса состоит в том, что он сумел открыть такие отношения, которые являются основной для всего общественного развития. «Он сделал это, — писал В. И. Ленин, — посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений — отношений производственных, как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения».¹³

Первичным и определяющим в жизни человеческого общества является материальное производство: «...люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.»¹⁴. Производство материальных благ является общественным производством, так как люди не могут заниматься им независимо друг от друга. Поэтому в процессе производства материальных благ между людьми устанавливаются производственные отношения, являющиеся материальными отношениями, существующими независимо от воли и сознания людей и определяющие в конечном итоге положение людей в обществе и их взаимоотношения.

«В производстве, — писал Маркс, — люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»¹⁵.

Производственные отношения представляют собой очень сложную сеть связей и отношений людей в процессе производства. Но основой, определяющей их характер, является отношение производителей к средствам производства. Развитие производственных отношений всецело основывается на объективных экономических законах и прежде всего определяется законом соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Представители «индустриальной социологии», отрицая существование объективных материальных производственных отношений, рассматривают вопросы отношения людей в обществе

¹³ В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 120.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1948, стр. 157.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 441.

с субъективно-идеалистической точки зрения. Они в своей аргументации опираются на концепции субъективно-идеалистических философских течений и прежде всего используют ряд положений прагматизма: Влияние прагматистской философии особенно наглядно проявляется в социологических исследованиях американских представителей «индустриальной социологии».

Известно, что прагматисты исходят из «опыта», понимая его как «поток» ощущений и переживаний человека. Существование объективных вещей и явлений они ставят в зависимость от этого «опыта», трактуемого ими субъективистски. Такое идеалистическое понимание «опыта» используется также сторонниками «индустриальной социологии» при объяснении различных явлений и процессов общественной жизни. Рассматривая взаимоотношения людей на предприятии, Нокс утверждает, что одним из определяющих моментов в этих отношениях является «понятие» или «мысленный образ», который имеют работающие на предприятии люди друг о друге. Он пишет, что «основное отношение внутри промышленного предприятия есть отношение между работающими по найму и предпринимателем или рабочими и управлением, они находятся во взаимодействии друг с другом на основе понятий, которые они имеют друг о друге, и ролей, которые они занимают»¹⁶. Причем, по мнению Нокса, «понятие» или «мысленный образ» является результатом «личного опыта».

Такой же субъективистской точки зрения придерживается, например, и другой представитель «индустриальной социологии» американец Уэйтхед, который заявляет, что деятельность любой группы людей «определяется через их чувства и их самобладание»¹⁷.

Большое влияние на взгляды сторонников «индустриальной социологии» оказывает буржуазная микросоциология. Представители микросоциологии (Морено, Гурвич и др.), исходя из субъективно-идеалистических позиций, видят в обществе две структуры — микроскопическую и макроскопическую. Под макроструктурой они понимают видимые непосредственно человеческие взаимоотношения, группы, социальные учреждения и процессы. Микроструктура общества, по их мнению, складывается из так называемых социальных микроэлементов: элемент «теле», включающий в себя простейшие человеческие чувства, передаваемые от одного индивидуума к другому, «социальный атом», как совокупность психологических связей одних индивидов с другими, «социальная молекула», как совокупность «социальных атомов» и, наконец, «психосоциальная сеть общества».

Данная микроструктура общества, состоящая из совокуп-

¹⁶ J. B. Knox, The Sociology of Industrial Relations, стр. 19.

¹⁷ T. W. Whitehead, Führung in der freien Gesellschaft, Köln und Opladen, 1955, стр. 25.

ности психологических отношений, чувств, эмоций, т. е., иначе говоря, представляющая собой духовную жизнь людей, является, по мнению социологов этого направления, определяющей силой в общественной жизни и закономерностей ее развития.

Исходя из этих идеалистических положений представители «индустриальной социологии» рассматривают вопрос о «человеческих отношениях» в промышленности, во-первых, с точки зрения так называемой макроструктуры предприятия («формальная организация») и, во-вторых, с точки зрения так называемой микроструктуры предприятия («неформальная организация»).

Макроструктура предприятия представляет собой, по мнению сторонников «индустриальной социологии», пространственное положение людей в различных так называемых «формальных группах», выполняющих определенные функции в производственном процессе. Западногерманский социолог Х. Штирн пишет, что «формальная группа имеет рационально построенную социальную структуру с ясно определенными функциями... , она иерархически разделена и содержит ряд должностей, которым в силу их функций внутренне присуще привилегии и обязанности, точно установленные правилами. Авторитет индивидуума исходит из должности, а не из личности»¹⁸.

В макроструктуре предприятия рассматриваются отношения, возникающие в процессе самой работы предприятия между рабочим и мастером, рабочим и директором, между различными группами рабочих и т. д. Согласно взглядам американских социологов Миллера и Форма, в макроструктуре предприятия имеют место отношения, показывающие «какие должности над кем имеют авторитет», «кто перед кем несет ответственность», а также «функциональные отношения», связанные с процессом работы предприятия. Люди, работающие на предприятиях, по мнению этих социологов, являются носителями так называемых «социальных ролей» (инженер, мастер, подсобный рабочий и т. д.), само же предприятие с социологической точки зрения представляет собой систему таких «ролей». Западногерманский социолог Дарендорф пишет, что «предприятие, как группирующаяся вокруг цели производства система «социальных ролей», требует прежде всего для этой цели основанного и через технические средства осуществляемого определенного соглашения о задачах и должностях — так называемую формальную организацию»¹⁹. Согласно взглядам этих социологов, через «формальную организацию» проходят нити связи от генерального директора до подсобного рабочего, причём она якобы дает возможность анализировать «социальные отношения различных производственных групп». «Формальная организация, —

¹⁸ H. Stirn, Die informelle Arbeitsgruppe, Dortmund, 1952, стр. 53.

¹⁹ R. Dahrendorf, Industrie und Betriebssoziologie, Berlin, 1956, стр. 67.

пишет Роефлисбергер, — показывает какие отношения должны иметь работающие на предприятии люди друг к другу для того, чтобы экономическая цель предприятия действенным образом была выполнена».²⁰

Вся суть на первый взгляд довольно мудреной аргументации представителей «индустриальной социологии» о так называемой «формальной организации» предприятия сводится к утверждению, что будто характер социальных отношений на современном капиталистическом предприятии не зависит от того, в чьих руках находится собственность на средства производства, а определяется лишь той функцией, которую выполняет тот или иной индивид в производственном процессе, должностью, которую занимает каждый человек в системе данного коллектива. Поэтому сторонники «индустриальной социологии» рассматривают отношения между управлением и людьми, работающими на предприятии, как чисто функциональные отношения, а не как социальные отношения между собственниками средств производства и наемными рабочими.

Пытаясь замаскировать эксплуататорский характер капиталистических общественных отношений, представители «индустриальной социологии» заявляют, что поскольку рабочие выполняют «исполнительные функции», предприниматели — «функции управления», то рабочие должны подчиняться капиталистам. Дарендорф пишет, что «у основания пирамиды власти (die Autoritätspyramide) на промышленном предприятии находятся преимущественно исполнительные функции рабочих, из которых только немногие имеют право распоряжаться отдельными людьми»²¹.

В действительности отношения между администраторами капиталистических предприятий и рабочими нужно рассматривать прежде всего не как между индивидами, выполняющими различные функции, а как между представителями класса монополистической буржуазии и пролетариатом. Еще К. Маркс подчеркивал, что решающим для характера производственных отношений, является не функция капиталиста на производстве, а только отношения собственности. «Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист»²². Буржуазия является господствующей в производстве только в силу того, что она собственник средств производства.

В свою очередь пролетариат не потому является эксплуатируемым классом при капитализме, что он выполняет «исполнительные функции», а лишь потому, что он лишен средств про-

²⁰ F. J. Roethlisberger, Betriebsführung und Arbeitsmoral, Köln und Opladen, 1954, стр. 62.

²¹ R. Dahrendorf, Industrie und Betriebssoziologie, стр. 339.

²² К. Маркс, Капитал, т. 1, 1955, стр. 339.

изводства и вынужден существовать за счет продажи своей рабочей силы.

Только в социалистическом обществе социальные группы не противостоят друг другу как взаимно враждебные силы. В условиях социализма обеспечено действительное равенство людей. Это равенство обуславливается такими факторами, как господство общественной собственности на средства производства, ликвидация навсегда эксплуатации человека человеком, равное право и обязанность для всех трудиться по способностям и получать по труду. Это привело к тому, что на смену эксплуатации человека человеком между людьми установились совершенно новые, подлинно гуманистические, социалистические человеческие отношения, нашедшие свое выражение в отношениях взаимопомощи, товарищеского соревнования и сотрудничества. Такие социалистические отношения дают широкий простор развитию творческой инициативы, активности, способностей трудящихся масс.

Обратимся к рассмотрению микроструктуры предприятия, или так называемой «неформальной организации».

Микроструктура предприятия, с точки зрения представителей «индустриальной социологии», состоит из различных небольших групп, которые формируются на основе общности психических качеств людей. В этих группах отношения основываются прежде всего на симпатии и антипатии. Западногерманский социолог Штирн пишет, что в «неформальных группах» симпатии, обычаи и одинаковые интересы являются единственными силами сцепления»²³. Общие интересы, знакомство, дружба сближают людей в процессе работы, и в результате этого возникают отдельные группы людей. Американские социологи Гарднер и Мур заявляют, что «у каждого индивидуума имеется круг дружбы и антипатии. Есть люди, к которым он чувствует близость, чьи чувства он уважает, и другие люди, к которым он относится отрицательно. Из этих индивидуальных реакций возникают клики, группы...»²⁴. Совокупность таких групп и взаимоотношений людей в них образуют так называемую «неформальную организацию» предприятия.

Сторонники «индустриальной социологии» считают, что данная микроструктура имеет решающее значение для общественной жизни людей. Группа западногерманских социологов (Р. Кёниг, П. Аттесландер, Х. Трайнен и Г. Штибер) в статье «Социологический микроанализ предприятия», опубликованной в «Кельнском журнале социологии и социальной психологии», отмечают, что социальные отношения на предприятии определяются микроструктурой предприятия и поэтому якобы только с помощью «промышленно-социологического микроанализа»

²³ H. St ir n, Die informelle Arbeitsgruppe, Dortmund, 1952, стр. 35.

²⁴ B. B. Cardner u. D. C. Moore, Praktische Menschenführung im Betrieb, Köln und Opladen, 1957, стр. 29.

можно получить «правильные данные о социальных отношениях людей на предприятии»²⁵.

Миллер и Форм, определяя роль микроструктуры предприятия в общественной жизни, также отмечают, что «неформальные отношения» не являются случайными и второстепенными для работы предприятия, наоборот, ни одна организация не может действительно функционировать, если она не имеет параллельно идущую стихийную сеть отношений между людьми»²⁶.

Сторонники «индустриальной социологии» считают, что причины «социальной напряженности» буржуазного общества носят «психологический характер». Так они пытаются объяснить причины забастовочной борьбы, политических демонстраций и других выступлений пролетариата капиталистических стран в защиту своих интересов самой природой психики человека, неправильными личными взаимоотношениями людей на предприятии. С точки зрения американских социологов Г. А. Эльмера, Э. Мейо, П. Друкера и многих других представителей «индустриальной социологии», «основным принципом для успешного функционирования хорошо уравновешенных отношений является существование первичных групповых чувств... , как только близкие отношения прекращаются, возникает ситуация для конфликта»²⁷.

Так, например, с точки зрения Д. Нокса, основная причина непрекращающихся социальных конфликтов между предпринимателями и рабочими состоит в том, что у них «ложные концепции» друг о друге, в результате чего рабочие не понимают действительной роли капиталистов, а капиталисты недополняют рабочих. Для того, чтобы исключить возможность возникновения таких конфликтов, Нокс предлагает ввести определенную «социальную систему» в отношениях между капиталистами и рабочими, которая должна предусматривать правила и нормы, регулирующие отношения внутри предприятия.

Забастовки рабочих в капиталистических странах, по заявлениям ряда сторонников «индустриальной социологии», происходят также потому, что на производстве часто рядом работают люди, питающие друг к другу чувство личной антипатии или даже враждебности.

Иначе говоря, представители «индустриальной социологии» стремятся объяснить причины забастовочной борьбы рабочего класса в странах капитала чисто субъективными факторами, свести объективную закономерность классовой борьбы в

---

²⁵ Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, H. I, 1956, стр. 46.

²⁶ D. C. Miller u. W. H. Form, Unternehmung, Betrieb und Umwelt, Köln und Opladen, 1957, стр. 125.

²⁷ G. A. Elmer, Industrial Sociology. The Journal of Educational Sociology. November 1950, стр. 146.

антагонистическом обществе, к закономерности индивидуальной психики человека. Если же, по мнению этих социологов, так перегруппировать людей на предприятии, что макроструктура рабочих групп соответствовала бы их микроструктуре и, таким образом, рядом будут находиться только те, кто друг другу симпатизируют, то тем самым исчезнут социальные конфликты.

Несостоятельность такой точки зрения, когда сторонники этого направления пытаются объяснить забастовки и другие выступления рабочего класса капиталистических стран только субъективными причинами, настолько очевидна, что она подвергается критике даже со стороны некоторых буржуазных идеологов. Так, американский социолог Шеппард в статье «Трактовка конфликта в американской индустриальной социологии» заявляет, что имеет место «систематическая недооценка конфликта и часто определенное отрицание экономических и политических факторов, определяющих индустриальный мир как внутри, так и вне фабрики»²⁸.

Конечно, имеют место случаи, когда пространственные группировки людей не соответствуют их симпатиям или антипатиям в отношении между собой. Это может быть причиной личных конфликтов между людьми, отражаться на их работоспособности. Но предлагаемая представителями «индустриальной социологии» перестройка пространственных группировок людей в соответствии с их симпатиями друг к другу ни в коей мере не может ликвидировать причины социальных конфликтов современного буржуазного общества, так как она оставляет без изменения экономическую структуру капитализма. Никакая перестановка рабочих на предприятии не может уничтожить капиталистическую эксплуатацию, а, следовательно, и классовую борьбу пролетариата против гнета капитала. В действительности социальные конфликты в буржуазном обществе обусловлены объективными факторами, существованием антагонистических противоречий между пролетариатом и капиталистами.

Таким образом, в трактовке вопроса о микроструктуре предприятия особенно наглядно проявляется классовый, субъективно-идеалистический характер современной «индустриальной социологии». Это видно из того, что представители этой социологии, отрицая существование объективных экономических законов капитализма, абстрагируясь от экономических отношений буржуазного общества, пытаются искать сущность общественных отношений, социальных явлений и процессов в психических факторах (в чувствах, представлениях, желаниях и т. д.). Следовательно, эти социологи игнорируют то научно и практически доказанное положение, что общественная психо-

²⁸ British Journal of Sociology, 1954, Vol. 4, стр. 327.

логия людей вторична и она непосредственно складывается в связи с конкретно-историческими условиями материальной жизни людей. Маркс и Энгельс подчеркивали, что «...действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений...».²⁹

Фактически же сторонники «индустриальной социологии» пропагандируют здесь старый тезис махистов о примате общественного сознания над общественным бытием. Это идеалистическое положение было разоблачено, как известно, В. И. Лениным в его книге «Материализм и эмпириокритицизм». Ленин подверг сокрушительной критике идеалистические рассуждения махиста Богданова о том, что будто социальная жизнь общества полностью сводится к психической жизни людей. В. И. Ленин писал: «Материализм вообще признает объективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там, и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально-точное) его отражение»³⁰.

Социальные, классовые цели теории «человеческих отношений» состоят в том, чтобы фальсифицировать действительный характер отношений между капиталистами и пролетариатом, посеять среди трудящихся масс иллюзию о том, что посредством внесения соответствующих изменений в «макроструктуру» и «микроструктуру» предприятия, то есть путем чисто пространственной перегруппировки людей, можно будет разрешить все социальные проблемы современного буржуазного общества при сохранении основных устоев капитализма. Если характер отношений между предпринимателями и рабочими зависит от плохой или хорошей организации труда на предприятии, если он базируется на таких психических факторах, как симпатии или антипатии, то, как утверждают «индустриальные социологи», для разрешения всех противоречий между пролетариатом и буржуазией не нужно никакой социальной революции, а достаточно лишь «научно» организовать управление предприятием.

В действительности антагонистический характер отношений между буржуазией и пролетариатом, обусловленный самой природой капитализма, не может изменить никакая «научная» реорганизация управления предприятием.

Теория «человеческих отношений», таким образом, направлена на то, чтобы отвлечь рабочий класс от забастовок и других выступлений за свои экономические и политические права и интересы, найти новые методы борьбы против пролетариата и его организаций. На совещании марксистов в Риме в

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 36.

³⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 312.

1958 году подчеркивалось, что одна из существенных целей применения теории и практики «человеческих отношений» состоит в том, чтобы попытаться ослабить организованное рабочее движение, парализовать влияние коммунистических партий и классовых профсоюзов»³¹.

---

³¹ Проблемы мира и социализма, № 1, 1959, стр. 82.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Я. К. РЕБАНЕ. К вопросу об отражении объективной действительности в логической структуре мышления	28
М. Г. МАКАРОВ. Гносеологические корни материализма	36
Р. Н. БЛЮМ. О различении категорий «основного» и «главного» противоречий в общественной жизни	46
Т. В. ЛОЙТ. Об определении категорий «сущность» и «явление»	57
Л. Н. СТОЛОВИЧ. Некоторые аспекты диалектики содержания и формы	67
А. И. ГОРЯЧОВА. Эмоционально-психологическая сторона морали	78
Я. З. ХАЙКИН. Вопросы этики в трудах Г. В. Плеханова	101
Э. Я. МАТРОВ. К критике современной буржуазной «индустриальной социологии»	116